детектив – событие

Евгения Михайлова

СТРУНЫ ЧЕРНОЙ ДУШИ

детектив - событие

Читайте детективы Евгении Михайловой,
в которых истина и любовь побеждают всегда,
несмотря на самые тяжелые испытания!

■

Сломанные крылья
Закат цвета индиго
Спасите наши души
Две причины жить
Апостолы судьбы
Последнее прости
Исповедь на краю
Танцовщица в луче смерти
Длиннее века, короче дня
Вечное сердце
Как свежи были розы в аду
Совсем как живая
Испить чашу до дна
Солнце в крови
Бегущая по огням
Темные тени нехорошей квартиры
Во мраке сверкающих звезд
Город сожженных кораблей
Женщина с глазами Мадонны
Мое условие судьбе
Разрушительная красота
Плата за капельку счастья
Встреча в час волка
Роль любимой женщины
Верность как спасение
Ночная радуга
Изменить одиночеству
Мужчина несбывшейся мечты
По осколкам разбитого зеркала
Струны черной души
Отпущение без грехов

Евгения Михайлова

СТРУНЫ ЧЕРНОЙ ДУШИ

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М69

Оформление серии *С. Груздева*

Редактор серии *А. Антонова*

Михайлова, Евгения.

М69 Струны черной души / Евгения Михайлова. – Москва : Эксмо, 2019. – 320 с. – (Детектив-событие).

ISBN 978-5-04-106370-2

Маргарита не думала, что из скучающей домохозяйки превратится в угрюмую униженную зэчку. Ей предстояло отбывать годы в колонии за убийство собственного мужа...

Испанская тетя Изабелл оставила многомиллионное состояние единственной родственнице из далекой России, но она не предполагала, с какими трудностями той предстоит столкнуться...

Частный детектив Сергей Кольцов не удивился странностям новой клиентки, его поразила железная воля молодой женщины и ее желание восстановить свое честное имя...

От сумы и от тюрьмы не зарекайся, у каждого в душе свой персональный ад, но иногда судьба все-таки пытается подсластить горькую ягоду...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-106370-2

Все персонажи и события романа вымышленные.
Совпадения с реальными фактами случайны.

СЛАДКУ ЯГОДУ РВАЛИ ВМЕСТЕ,
ГОРЬКУ ЯГОДУ — Я ОДНА.

Часть первая
НЕ ЗАРЕКАЙТЕСЬ

Глава 1
СЧАСТЛИВАЯ ДОМОХОЗЯЙКА

Меня зовут Маргарита. Дома звали Ритой. В школе и университете — Марго. Когда дочка начала говорить и хитрить, скрывая, что не может произнести «р», она стала называть меня Ита. Нам обеим это так понравилось, что слово «мама» так и не возникло в наших отношениях.

До сих пор сердце тает от мягкого, нежного и такого родного слова — Ита. Мое сердце, которое, как временами кажется, окаменело и застыло навсегда. А в хорошие времена это имя оказалось таким удобным.

Когда Таня подросла, стала симпатичной девочкой с ярко выраженной ранней женственностью, нас иногда принимали за сестер.

Нам обеим это страшно нравилось, мы работали на такой образ.

Младшая сестра Таня — тоненькая, светлая, как лепесток чайной розы, с соломенной челкой над распахнутыми голубыми глазами, — и старшая сестра Ита, — русые волосы чуть подкрашены в рыжеватый цвет, глаза самого темного серого цвета, а лицо узкое и нежно-смуглое, как у какой-то нашей заморской прабабушки.

Мы одевались в одном строгом стиле: все вещи облегающие и подчеркивающие фигуры, которые нам не нужно было скрывать.

У меня нет ни одной фотографии прошлого. Но я все легко восстанавливаю по памяти. Каждый день, каждую минуту, каждый звук и цвет тех тринадцати лет, в течение которых мы с Таней дружно, с любовью, радостью и азартом шли по дороге ее детства в ее юность.

С ее отцом я развелась, когда дочке был годик. Отказалась терпеть зависимость без любви, по ошибке, и хотела, чтобы Таня даже не смогла запомнить этот первый период с не тем отцом. Тогда я еще училась в университете.

Второй муж Анатолий был директором колледжа с углубленным изучением математики, куда я пришла устраиваться на работу.

У меня не было педагогического опыта и рекомендаций. И у нас обоих не было сомнений в том, почему он принял меня после очень короткой беседы, в кото-

рой не проверялись ни мои способности, ни воспитательные принципы.

Да, дело в прабабушке и в ее наследстве — моя необычная внешность многих мужчин поражает наповал с первого взгляда. Проблемы начинаются потом, чаще всего они несовместимы с отношениями.

Анатолий был тогда респектабельным, холеным мужчиной сорока пяти лет, с бархатным голосом, каштановой шевелюрой и такими же бородкой и усиками. Вылитый портрет ученого или писателя девятнадцатого века кисти большого мастера.

Склонность к позерству показалась мне его единственным недостатком. Впрочем, ее можно рассматривать как артистизм — редкое и важное качество педагога.

В этом колледже я, кроме математики, вела еще факультатив бальных танцев. Зарплата несравнима с обычными муниципальными школами.

Вскоре Таня пошла в первый класс. Она училась в школе рядом. А потом Анатолий зачислил Таню в девятый класс, она была на полтора года младше одноклассников, потому что пошла в школу до шести лет. Нас обеих приняли, даже полюбили ребята. Таня и там называла меня Итой, я не возражала.

Вскоре узнала, что ученики за глаза называют меня «Ита плюс». Не самое плохое прозвище для учителя.

Даже очень хорошее. Химичку, к примеру, называли «кислота». Анатолия, конечно, «барин».

Педколлектив состоял в основном из женщин. Много молодых, и все внешне хорошо выглядели, со вкусом одевались. Это соответствовало имиджу школы и требованиям директора.

Особое внимание Анатолия я почувствовала сразу, хотя ничего явного, никаких предложений, привилегий и даже многозначительных взглядов не было. О том, что он давно в разводе, узнала, кстати, от Тани. Дети слышат и видят часто больше взрослых.

У меня никогда не было возраста безмятежности и доверчивости, хотя выросла в нормальной, спокойной семье. Но чуткость, скрытность, наблюдательность и опасливость родились вместе со мной. С возрастом к этому набору добавилась необходимая капля цинизма, рожденного опытом. Это и было моим тайным оружием, которым я пользовалась для защиты себя и дочери.

Когда ухаживания Анатолия приобрели явный характер, я прежде всего прислушалась к голосу своего тела, нет ли протеста. Убедилась, что не только нет, Анатолий был мне приятен, будил воображение и чувственность. Но я долго сдерживала развитие событий. Наблюдала и анализировала.

Как охотник, следила за каждым выражением и жестом в его отношениях с остальными женщинами.

И еще более пристрастно за контактами с девочками и мальчиками. С хорошенькими, ухоженными, раскованными, домашними девочками, которые привыкли к ласкам, одобрениям дома и жаждут признания своей неотразимости от всех, кто встречается на пути. Неосознанное желание женских побед. И с наивными, беззаботными мальчишками, которые тянутся к мужскому авторитету.

Для меня не секрет, по каким причинам иногда мужчины идут работать в школы. Самый тяжкий и непреодолимый порок — влечение к беззащитной детской прелести. Адское, звериное влечение грубых душ и тел. Это и еще скрытый садизм взрослых, встречаемый слишком часто в детских учреждениях, требовалось исключить.

Мне не было стыдно от того, что я допускаю в отношении малознакомых людей самые чудовищные подозрения и затем их исключаю. Это моя суть. Это мой позитив — не обнаружить в человеке то, что меня отталкивает или пугает. С такого исключения и начинается доверие. Без него я задавлю в зародыше любую страсть.

Анатолий хорошо общался с детьми — с позиции доброй силы и благородства души. Никаких «но» — ни агрессии, ни раздражения, ни дурного внимания, — только взрослая забота, открытость, что не исключало ни сурового осуждения, ни морального приговора, если

был серьезный повод. Но и понять «осужденного» он умел, как никто. И забыть о конфликте навсегда.

С женщинами он тоже вел себя не как начальник, а как коллега, как мужчина, отдающий должное всем достоинствам, включая новую прическу или платье. И только. Ничего личного, чрезмерного и скрытого.

Через полгода после первой встречи мы с Анатолием провели свою первую ночь в его большой, красивой и все же заметно холостяцкой квартире.

Этот опыт я затем анализировала, как эксперт в лаборатории. И сказала себе: да, это удача. Это мое.

Прошло еще два года, и мы поженились. Переехали с Таней к нему. А еще через год Анатолий предложил мне оставить работу.

У Тани оказалась слабая носоглотка. Постоянные простуды, осложнение на сердце. Она пропустила половину учебного года. Нужно было заниматься ее физическим восстановлением и пройти дома всю программу.

Мы со всем отлично справились. Таня вернулась в школу, не отстав от своего класса.

А я узнала, что такое безмятежное существование неработающей жены состоятельного человека. Магазины, парикмахерские, бассейн. Болтовня по телефону и в соцсетях о событиях сытой, здоровой, полной приятных событий жизни.

Что я запомнила и поняла с тех пор.

Счастье может быть только бестолковым, бездумным и в каком-то смысле алогичным. Оно возникает вместе с иллюзией задержанных мгновений. Остановленных радостей. Сбывшихся желаний.

Стереотип «трудное счастье» — это вообще бред. Речь о борьбе, преодолении. Так и должно называться: битва.

Смотрю сейчас издалека на счастье домохозяйки Иты, на ласковые разговоры с моей девочкой, на горячие встречи с красивым, хорошо пахнущим мужем, на наши ночи: только для забытья и теплого блаженства, — и режу все это на мелкие кусочки. Препарирую, чтобы рассмотреть, что было внутри. Смотрю высохшими навсегда глазами и вижу, как стремительно таяла моя нелепая шагреневая кожа.

Глава 2
ЧТО ЖЕ БЫЛО ВНУТРИ

Какая-то сущая мелочь, пустяк, как заусенец у ногтя. Вдруг кольнет, заноет от воды, оставит неприятное ощущение. Ты привычно ищешь самое простое и легкое решение. Просто маникюр. Занозу сознания покрываешь лаком привычных дел. Доводишь до совершенства идеи интерьера, готовишь еду по самым вкусным рецептам. Подарки себе, дочке, мужу. Упо-

ительные минуты в ворохе новых нарядов, в запахе любимых духов. И все на фоне прочного родства с двумя умными, чуткими, снисходительными, в равной степени взрослыми по уровню духовного развития людьми.

Да, моя Таня для меня была равной личностью с тех пор, когда я начала понимать ее первые звуки. Она еще не умела говорить, но была носителем человеческой глубины.

Конечно, я никогда не уходила от своей подозрительной сути в бессмысленную безмятежность. И знала: настанет время, когда я достану самую мелкую занозу из памяти, рассмотрю, расшифрую, протяну нити к другим таким же зацепкам.

Таня на четырнадцатом году жизни совсем выбралась из пуха гадкого утенка. Из болезней и правильного восстановления она вышла такой же нежной, но окрепшей. Немного поправилась, фигурка округлилась. Бледная кожа блондинки засветилась блеском розового жемчуга. Волосы стали пышными и послушными, глаза внимательными и ласковыми, детские губы таили женскую улыбку. И в каждом жесте, движении ее красивых рук и ног больше не было неловкости и угловатости.

Каким наслаждением для меня было покупать ей вещи, придумывать прическу, изобретать вкусные

и полезные витаминные коктейли, чтобы подпитать красоту.

Укол номер один.

Мы с Толей уже сидим за столом, накрытым к ужину, а Таня выходит из ванной. У нее мокрые волосы, которые обнимают ярко-розовое личико. Голубой махровый халат сползает с узких плеч, приоткрывает нежную маленькую грудь.

Я открываю рот, чтобы сказать ей, как она похожа на русалку.

Это мое правило: озвучивать постоянно свое восхищение ребенком для повышения его самооценки.

Таня была слишком скромной и робкой.

И вдруг, бросив взгляд на Анатолия, чтобы поделиться своей гордостью, я вижу: он покраснел и слишком заинтересовался содержимым своей тарелки. Притворно заинтересовался.

Я на секунду сбилась, но все же сказала, что хотела.

Таня засмеялась и ответила:

— А Катька в бассейне сказала, что я плаваю, как жаба. Скажи ей, Ита, что я русалка на самом деле.

Анатолий поддержал разговор очень смешным анекдотом из жизни жаб.

Ужин прошел, как всегда, приятно и слишком быстро.

Мы после него всегда старались продлить общение за столом, которое так объединяет и скрепляет семьи.

У меня для приятных продолжений всегда были сюрпризы. Новые напитки, десерты, фрукты.

Укол номер два.

Воскресенье. Мы с Анатолием дома. Таня ушла с подругами гулять. Задержалась, я звоню, телефон не отвечает.

Я уже собралась выйти поискать, как дверь открывается, она заходит в квартиру. Плачет, как маленькая. Одна коленка в крови, струи стекают в балетку.

— Я упала, — рыдает она. — Прямо на эти камни, которые навалили у дорожки. Больно, умираю.

У Тани очень низкий порог боли. Ей казалось, что она умирает от укола.

Я довела ее до кресла и бросилась в ванную за мокрым полотенцем, перекисью, йодом, бинтами.

Возвращаюсь. И остановилась на пороге.

Анатолий склонился над Таней, рассматривает рану. И вдруг он встал рядом на колени и подул на ее ногу, как делают с детьми.

Я сначала так растрогалась: она ведь ему даже не родной ребенок. Но он неожиданно прижался губами к окровавленному и грязному месту. Быстро встал и как-то испуганно посмотрел на меня. Над верхней губой у него были капли пота.

Я молча подошла, все обработала, завязала, повернулась к мужу:

— Свари ей, пожалуйста, кофе. Добавь побольше сахара и сливок. И помой, порежь большое красное яблоко. Тане вредно терять кровь. А боль, детка, сейчас пройдет. Не хочу давать тебе таблетки. Вредно для цвета лица.

Прошло много времени, я сейчас легко посчитаю, сколько месяцев, недель, дней и часов. И укол номер три.

Я возвращаюсь поздно с загородного девичника — круга своих условных подруг, праздных, светских дам.

Одна из них собралась замуж — в пятый или шестой раз.

Мне казалось, что радости по подобному поводу являются самоцелью, ради которой можно потерпеть очередной тягостный брак. В нем как раз сплошные преодоления, связанные с будничной задачей — раздеть по максимуму богатенького супруга во время развода.

Вошла в холл. Там горел свет, оставили для меня. Во всех коридорах, кухне, гостиной было темно. Пробивался свет только под дверью нашей спальни.

Я сбросила туфли и босиком пошла в комнату Тани, чтобы посмотреть, спит ли она.

Она могла ждать меня полночи, чтобы спросить, как было. И я все рассказывала в смешных красках. Как мы любили болтать, шутить и давиться от хохота, закрывая

друг другу рты руками, чтобы не нарушить ночную тишину.

Осторожно приоткрыла ее дверь. Горел только ночник на ее тумбочке. Таня лежала в постели, а рядом с ней сидел Анатолий. Он был в одних джинсах, с голым торсом.

Видно, только вышел из ванной и почему-то решил к ней войти, возможно, ей что-то понадобилось. Или она позвала.

Все нормально: он не мог оставить ребенка, если тому стало страшно или одиноко. Но я не постыдилась задержаться на пороге, почти не дыша, и понаблюдать за ними.

Он гладил Танину руку, потом провел рукой по ее волосам, прижал к шее, щеке, губам. Да, так утешают, успокаивают. Но он молчал!

Вот в чем беда.

Прикосновения очень важны в контакте с переживающим ребенком, но необходимы и так естественны слова.

Он педагог, он это знает. А Таня ориентирована на разговор, общение. Ее утешить можно только так.

И все же дело было не только в этом.

Дело было во взгляде, с которым оглянулся на меня Анатолий. То был взгляд человека, который не просто не хотел бы, чтобы его застали в очень двусмысленный момент.

Это был взгляд того, кого вырвали из глубокого, бессознательного провала в томительную и тайную глубину. Так мне показалось тогда.

Я сразу отвела взгляд, потому что не могла смотреть на его лицо.

Он быстро прошел мимо меня, ничего не объяснил нормально, как должен был: «Таня боялась», «Тане стало грустно», «Таня захотела пить», «у нее что-то заболело».

Это сделала доченька:

— Ита! Наконец! Я тебя ждала, потом уснула, и мне приснилось, что я лечу с обрыва. Я кричала, звала тебя. Пришел Толя.

Да, она называла его Толей. Не «папой» же.

Дальше все было как обычно.

Я была в ударе. Описала своих подруг в их брачной холере смешнее, чем раньше. Ушла на рассвете, когда Таня уснула и засопела, как младенец.

Анатолий тоже спал, когда я легла рядом.

Точнее, хотел, чтобы я так подумала.

С того момента я пошла по самой опасной тропе.

На счастливом неведении был поставлен крест. Над доверием, над уверенностью опускалась могильная плита.

Я следила, я затаилась, как бессонный, маниакальный охотник. Не только за ним. Самым главным было

выражение лица и глаз дочери. Правда может быть только там.

Но Таня была по-прежнему безмятежной, довольной или грустной по своим, девчоночьим, причинам.

Но я знала, какими усилиями сама добивалась этого сознания внутренней защищенности, доверчивости и добродушия.

Я, человек с очень сложным характером, хотела, чтобы Таня не знала моих сомнений, подозрений и обвинений по отношению к остальным людям.

Это лишняя тяжесть, это невозможность безразличного покоя и ликования от самого факта существования.

Никогда и ничего я не хотела так сильно, как покоя и радости своему ребенку. Она и усвоила, что пока я рядом, у нее все может быть только хорошо.

И мне не было стыдно рассматривать незаметно по сантиметру тело обнаженной дочери, когда я по обыкновению промывала сама ее длинные волосы.

Не знаю, что я хотела и боялась там найти, но вздрагивала от любого пятнышка. Потом понимала, что это родинка или пигмент, и вздыхала с облегчением, как будто поймала глыбу над ее головой.

Это был путь приближения к аду.

Я уезжала из дома, когда они оставались вдвоем, говорила, что вернусь вечером, а сама появлялась без

предупреждения через два часа, через полчаса, через пятнадцать минут.

Я сознательно засиживалась со своими приятельницами до поздней ночи или до рассвета, а потом кралась на цыпочках.

Ничего криминального не обнаружила.

Они, как и при мне, могли лежать рядом на диване и смотреть телевизор, сидеть за одним столом и играть в компьютерную игру.

Толя мог склоняться над Таней, когда она делала домашние задания, касаться ее плеча, руки, спины.

Ничего такого, кроме его взгляда, выражения лица. Кроме уклончивости в нашем с ним контакте, новой манере проходить мимо меня.

Рядом прошел, а как будто обошел за версту.

Беседы наши за столом были такими же оживленными, за исключением того, что Анатолий говорил все реже.

По ночам мне так же приятна была его близость. Просто ощущение, что он рядом, я в его тепле, родном запахе. Но объятия все чаще обрывались, как будто разрезанные острой мыслью, которая превратилась в убивающий желание клинок.

Да, возможно, дело было именно во мне и в его реакции на мою ядовитую подозрительность.

Иногда такие вещи притягивают именно то, чего не хочешь, чего больше всего боишься. Подозрение может родиться раньше преступления.

Оно может стать родителем беды. Но это уже размышления после факта.

И подошел к концу путь приближения к аду. Начался ад.

Глава 3
АД

В конце ноября я каждый год ездила в наш подмосковный дом на день рождения отца. Он родился двадцать третьего, я приезжала за несколько дней, чтобы все убрать и приготовить ужин для очень маленького круга его друзей. Так было и в тот наш неспокойный год. В тот раз решила поехать на электричке, а не на машине: была жуткая слякоть, на шоссе вечерами наледь, в поселке дороги превратились в непроходимую грязь.

Электричка прибыла в Москву вечером.

Я была практически без вещей, поехала домой на метро. Со двора посмотрела на окна квартиры. Свет горел только в гостиной. Открыла дверь своим ключом. По своему идиотскому обыкновению последне-

го времени никого не окликнула, сняла туфли, куртку и бесшумно прошла до порога гостиной.

Сверкающий ужас того, что я увидела, ослепил меня навсегда. С тех пор я реально перестала видеть яркость красок.

Анатолий лежал посреди комнаты.

По его белой майке расплылось кровавое пятно вокруг торчащего из раны ножа.

Рядом странно скорчилась Таня. Она стояла на коленях, голова склонилась к ним, а руками она закрывала лицо. Окровавленными руками.

Я застыла на секунды в тяжелой тишине, в вязких испарениях смерти и не сразу уловила тихий монотонный звук: это дыхание Тани превратилось в тоненький, непрерывный стон.

Я так хорошо помню тот момент спустя годы, что анализировать каждую секунду буду, наверное, до своего конца. И каждую свою эмоцию, каждое движение, порыв и жест я видела, как сторонний, без устали наблюдающий свидетель.

Я сразу поняла: все теперь зависит от меня. Почти все. И сейчас точно скажу, какой был мой единственный мотив. Страх за судьбу дочери.

Я должна действовать, потом постараюсь понять.

Я постаралась коснуться Тани легко, чтобы не испугать. Позвала ее шепотом.

Она прижалась головой к моим ногам, не отрывая рук от своего лица. Дыхание-стон превратилось в громкий выдох-всхлип.

Я подняла ее.

Да, я первым делом не бросилась проверять: жив ли муж.

Я повела Таню в ванную. Сняла там все, что на ней было. И отмывала тщательно под горячим душем все: тело, волосы, даже ногти срезала под корень и чистила их щеточкой с мылом. То же самое — на ногах: она стояла там босиком. Вытерла насухо, надела чистую ночную рубашку и отнесла ее к ней в комнату на кровать, укрыла одеялом.

Что помню: я несла девочку на руках, совсем не чувствуя тяжести. Маленькой она казалась мне тяжелее. А в ту ночь я совсем не чувствовала тяжести ноши. И это было в год, когда мы с нею начали носить вещи одного размера. И в весе небольшая разница.

Это говорит о том, что в момент нашего несчастья я сумела так собраться, чтобы прекратить существование как человек с собственными ощущениями, чувствами, паникой и болью.

Я разрешила жить только своей силе.

Я уложила дочку, укрыла одеялом, подоткнула его со всех сторон, пошептала что-то бессмысленное и утешительное.

Таня несколько раз пыталась заговорить, но язык ее не слушался, подбородок дрожал, она начинала задыхаться.

Все, что я услышала: «Мама, я не... Я нет».

Помню, что я просила ее верить мне, ничего никому самой не говорить, я потом ей скажу, что будем делать.

Да, я грела дочери молоко, искала для нее таблетки и капли, которые не повредили бы здоровью: я почти не пичкала ее лекарствами.

А муж все лежал там, брошенный.

Нет, он не мог быть живым. Мне достаточно было взгляда. Он был именно брошенным, второстепенным.

Если бы не то, что произошло дальше, я бы сумела сейчас горько пожалеть его. Я бы сумела его оплакать.

Когда Таня уснула в моих руках — о, счастье, — ее не покинул еще детский доверчивый сон рядом с мамой, — я вернулась туда.

К своему уничтоженному покою и беспокойству. Убедилась, что пульса нет. Что живое тепло почти покинуло тело Толи. Опустила его веки. Коснулась губами его красивых губ. Простилась. И начала уничтожать улики.

Да, я допускала тогда, что его убила Таня и что это сделала не она. Что она просто его увидела уже убитым.

В любом случае мы будем именно это утверждать.

Но как доказывать столь невероятную версию?

Ключа от квартиры, кроме нас троих, ни у кого не было. Замок не сломан, никаких очевидных следов чужого присутствия.

Я посмотрела в ящиках письменных столов — своего и мужа, — где лежали обычно деньги и документы. Все на месте. Главное даже — не как это доказывать, но кто этому поверит и кому понадобится отвлекаться от того, что абсолютно очевидно.

Я аккуратно, но тщательно протерла рукоятку ножа, не вынимая, конечно. Протерла следы Таниных ладоней на полу. Сложила в большой пластиковый мешок одежду Тани, завернула в полотенце и положила туда же ее ноутбук.

Кто знает, что она там писала, чем и с кем делилась. Сейчас это все точно захотят изучить.

Я сама не знаю, что моя дочка могла писать. Никогда не заглядывала. Потом посмотрю. Туда же отправился ноутбук мужа. Как-нибудь объясню его отсутствие.

Затем второе, очень важное дело.

В нашей спальне Анатолий держал маленький сейф: снял как-то со счета все сбережения, сказал, что лучше положиться на милость грабителей, чем точно знать, что тебя ограбит государство.

Код я знала, посмотрела, вроде все на месте, я не в курсе, сколько должно быть. Перевязала его

полотняными ремнями для переноски тяжестей и вытащила на площадку. Туда же мешок с вещами и ноутами.

Убедилась, что Таня крепко спит, закрыла входную дверь и потащила все это к подъезду. Время было очень позднее, в доме тишина.

Я по стенке подошла к камере видеонаблюдения в подъезде, направленной на лифты, без вещей и разбила ее молотком, повредила кабель. Подогнала машину к подъезду, все погрузила. И понеслась к единственному месту, о котором тогда почти никто не знал.

Это крошечный домик моей дальней тетки, которая умерла совсем недавно, оставив завещание на меня.

Я еще не сдала документы на оформление. Это глухой, медвежий угол Подмосковья, он ничего не стоит, есть там одна ценность. Старый высохший колодец за домом.

Вот туда я полезла по шаткой лестнице. Пол был выложен большими неровными камнями. Они шатались от времени и еще сохраненной на дне влаги. Я легко вынула несколько. Все завернула во много слоев пластика, зарыла голыми руками, завалила камнями.

И лишь потом, через несколько часов, я вернулась в дом, помыла руки. Подошла к мужу, подержалась за рукоятку ножа, коснулась его крови своими пальцами,

постояла ногами в носках рядом с его телом. И позвонила в полицию.

Вошла к Тане и дала ей, совсем сонной, еще одну таблетку, на этот раз сильного снотворного. До их приезда она будет спать почти под наркозом. Они ничего от нее не услышат.

Часть вторая
ОТ СУМЫ И ТЮРЬМЫ

Глава 1
ПО ПОВЕРХНОСТИ БЕЗДНЫ

Они приехали быстро, хмурые, грубые мужики. Я сразу определила их для себя как врагов. Спросила, кто из них следователь. Сказала:

— Мы с дочерью переживаем страшный стресс, поэтому вряд ли сейчас можем что-то прояснить. Скажу главное. Я вернулась из Подмосковья и обнаружила тело мертвого мужа, а рядом дочь без сознания. Понятия не имею, что могло случиться до ее прихода. Моя дочь не может пока говорить. Она страдает заболеванием сердца. Мне пришлось выводить ее из приступа, поэтому не смогла сразу позвонить в полицию. Сейчас Таня спит под препаратами. Я не позволю ее разбудить. Речь о ее жизни. Сразу скажу, что мы не давали ключей посторонним людям, даже знакомым. Но это, разумеется, не значит, что ни у кого не было возможности сделать копию.

— То есть вы утверждаете, что ваша дочь вошла в закрытую, как обычно, квартиру и увидела убитого отца?

— Да, именно это я и утверждаю. Вряд ли смогу сейчас хоть что-то предположить о том, что произошло на самом деле.

— Сейчас и не нужно, — сказал следователь. — Пусть поработает эксперт. Мы вас вызовем. Обеих. Дочь будут допрашивать в присутствии специалистов.

Эксперт все же настоял на том, чтобы он осмотрел Таню. Она не проснулась, когда он брал ее отпечатки пальцев, проверял, что у нее под ногтями. Да, ножки ее он тоже осматривал.

Я держала и давила свое сердце, как полуживого птенца, который в отчаянии может вырваться из груди. Меня осмотрели и записали все в протокол, само собой.

Я объяснила, что сначала хотела вытащить нож в надежде спасти мужа. Потом вспомнила, что этого нельзя делать.

Да, касалась его, проверяла пульс. Трогала лицо, прощалась. Сказала, что в квартире ничего не пропало, насколько я смогла проверить. С ноутбуками вообще обошлось.

Следователь просто спросил:

— Я правильно понял: у вас один компьютер и один ноутбук на троих?

— Да.

Следователя звали Николай Васильевич Никитин. Человек без внешности, возраста, эмоций и особых примет.

Когда они все уехали на рассвете, когда увезли тело Толи, я бессильно упала в кресло. О том, чтобы лечь на нашу с мужем кровать, не было и речи.

В этом кошмаре у меня была крошечная надежда. Этим казенным людям нужно просто казенно выполнить свое дело.

Если они не схватили преступника за руку, если не нашли прямых улик, если никто не будет требовать найти убийцу, — то им же спокойнее. Поищут для виду, поспрашивают, заполнят свои протоколы, — и все уйдет в раздел их «висяков», как чаще всего и бывает.

Я — потерпевшая по делу, но я дам понять свою позицию.

Мужа не вернешь, дочери требуется все мое внимание и помощь, жажды мести нет. В смысле, как у вас получится.

Разумеется, на самом деле я точно знала, что буду искать правду, что приму любую. И если это сделала не Таня, то найду способ искать и наказать убийцу.

Такое роковое «если не».

Это возможно, лишь когда минует опасность со стороны следствия для дочери и меня. Если все же Таня, — значит, преступление совершил Анатолий.

Мне нужно в нем разобраться. И я в любом случае приму приговор дочери, научу ее с этим жить.

Я просидела до позднего утра, застыв и почти не дыша.

Я держалась из последних сил за свою жалкую надежду. Я сжимала ее в зубах, впивалась в нее ногтями. Заклинала всем для меня святым — не покидать меня.

Но никому и ничему не верьте в горе. Даже надежде. Она тоже предаст вас.

Глава 2
СЛЕДСТВИЕ

Если бы я была следователем, дознавателем, прокурором или судьей, — почему нет? — то, разумеется, тоже не искала бы деликатных слов и мягких прикосновений к ранам.

Задача тут одна — услышать правду или хотя бы ее подобие. Есть труп с ножом в груди — должен быть убийца. Проще не бывает.

Никто не обязан примерять на себя роль потерпевшей, она же подозреваемая, она же мать дочери, которая могла быть или причиной преступления, или убийцей. Возможно, тем и другим.

Я четко это понимала, была готова ко многому, верила в свою устойчивость и выносливость. В способ-

ность вести ситуацию в том направлении, которое выберу я. Но...

Невозможно вообразить себе, что в этих тисках происходит с душой, чувствами, с самой возможностью ощущать себя человеком.

Тебя просто выжимают, выворачивают наизнанку твои тайны, твои самые скрытые страхи и слабости, твою привязанность и самые жгучие желания.

Это все разложат на не очень чистом столе, встанут вокруг и начнут ковырять. Кто руками, кто взглядом, кто голосом запугивания и угроз.

Да, ты больше не человек, ты не женщина. Твои отношения с мужем, ваша близость, ваша взрослая и сокровенная тайна, ваши тела — их добыча.

Эти плоские, примитивные, неуклюжие и жестоко-циничные люди будут все рассматривать по тысячному кругу, не мигая холодными рыбьими глазами. Будут во всем искать грязь, мотив, преступления.

Сказать, что это невыносимо, — ничего не сказать.

Пока речь шла только обо мне, моих показаниях, я спасалась одним способом. Представляла себе время, когда все закончится. Не имеет даже значения, как. Просто закончится. И я пойду по улице, как свободный, полноценный, взрослый человек. Как привлекательная, здоровая, образованная и неглупая женщина. Как Маргарита, у которой все в порядке.

А навстречу мне идет это унылое недоразумение, которое унижало и фактически пытало меня сегодня столько часов подряд. И я подхожу со всей своей грациозностью преподавателя танцев и укладываю его мордой в грязь. И с таким счастьем отсидела бы потом пятнадцать суток.

Да, я спасалась, пока речь шла только обо мне. Но такая возможность исчезла, когда они взялись за Таню. Вот когда бездна под ногами оказалась вулканом.

Когда Таня смогла говорить, она рассказала мне примерно то же, что я уже сообщила следствию. Только она не приходила в тот вечер домой с улицы. Она была с отцом дома. Говорит, что они вместе готовили ужин, потом ели. Потом смотрели кино. Потом...

В этом месте Таня менялась, в глазах растерянность, страх. И я видела, что она не притворяется, не пытается что-то скрыть. Она на самом деле не может вспомнить, восстановить порядок событий.

Что-то произошло.

Отец сказал или сделал что-то, что ее очень обидело. Ее даже затошнило. Она побежала сначала в ванную, потом к себе в комнату. Долго лежала на кровати, потом слышала музыку в наушниках. Дальше ничего не помнит. Как вышла, как оказалась рядом с ним, что видела в комнате, почему у нее руки были в его крови...

Тут дело в том, что у Тани с раннего детства была одна особенность. Почти болезненная стыдливость.

Нет, без почти. Это на самом деле было чем-то чрезмерным, болезненным.

Я даже думала о помощи психотерапевта.

Маленький ребенок вдруг начал пугливо прятать свою наготу. Любое неловкое прикосновение доставляло ей дискомфорт, даже страдание.

Я подумала о враче, когда она уже была в младших классах. И какой-то маленький придурок на потеху другим ребятам задрал ей во дворе школы юбку. Никто особенно не обратил внимания, а Таня заболела.

У нее были все признаки депрессии, она смотрела затравленно, вопросительно и испуганно.

Я выводила ее из этого состояния терпеливо, не торопясь, пытаясь понять, в чем дело. Кажется, я поняла. Это было гипертрофированное осознание своего пола.

Девочка воспринимала его как постыдную тайну, с которой все пытаются сорвать покровы. Возможно, я пропустила какой-то эпизод ее раннего детства, сместивший представления и даже повредивший детской психике. Вспомнить это она уже не могла. Но и к врачу она бы не пошла. Это исключено: включать в такую тайну чужого человека.

Я делала все, что могла. Не очень много. Книги, картины, фильмы, музеи. Красота человеческого тела, естественность всех человеческих проявлений.

Да, она все понимала, со всем соглашалась, когда мы были одни. Она была моя ласковая, доверчивая де-

вочка. Но с другими людьми все оставалось по-прежнему. Как было с Анатолием, я уже говорила. Он был Толя, а не отец, этим все сказано.

Я миллионы раз все анализировала, перетирала все воспоминания. Внешне все было прекрасно. Таня любила его, меньше, конечно, чем меня, но больше остальных людей.

Но события рокового вечера все сместили в ее голове.

Разумеется, в интересах ее здоровья Таню нельзя было допрашивать. Но у них не было цели — беречь ее здоровье. Они искали убийцу. Допросы, пусть и в присутствии врача и педагога, были чудовищными. В нашем конкретном случае.

Я даже не знаю другую девочку-подростка, которая бы так панически реагировала на подобные вопросы. Ее спрашивали, как трогал ее отец, заставляли в разном порядке описывать те часы, когда они оставались вдвоем. Прерывали неожиданными, коварными, по-взрослому откровенными и бесстыдными вопросами.

Моя версия, заученная Таней, о том, что она пришла с улицы, значительно смягчала эти допросы. Но как она могла изменить жестокую, неотвратимую суть. После осмотра гинеколога Таня слегла. Безучастная, слабеющая, почти угасающая. Перестала есть и спать.

Она оказалась девственницей, что не снимало подозрений.

Я с самого начала отказалась от идеи нанимать нам адвоката. Это была демонстрация прозрачности нашей позиции, во-первых. И моя единственная возможность скрыть от следствия спрятанные деньги. Не на что адвоката нанимать.

Я допускала, что за мной следят.

Состояние моего жалкого счета им известно, как и сколько осталось на моих картах и наличными в ящиках наших с Анатолием столов. Больше я не могу тратить, пока не найду работу. А дело все двигалось к обвинительному заключению.

На версии постороннего убийцы поставили жирный крест.

Мне назначили бесплатного адвоката — неуверенного паренька с дефектом речи. Его звали Павел Афанасьев. Мы пообщались, и он сразу мне сказал:

— Ситуация настолько плохая для вас обеих, что для нас проще всего согласиться с виной Тани, тем более, даже вы не уверены в том, что убила не она. Девочка, с ее особенностями психики, в столь сложной ситуации — не преступник, а жертва. Конечно, вам стоит допустить, что отношение отчима к падчерице было особым, скажем так. Допустим, что-то произошло в тот вечер, и девочка в состоянии аффекта защищалась от сексуальных домогательств. Эксперт

заключил, что она могла совершить удар такой силы. Как я понял, Таня поступит так, как вы ей скажете. Мое предложение: пусть сделает чистосердечное признание, но в той форме, которая не опровергнет все ее предыдущие показания, они не станут ложными. Она скажет, что вошла с улицы, стала, к примеру, переодеваться, а отец совершил по отношению к ней какие-то действия. В желании спастись она могла сделать то, о чем сейчас не в состоянии вспоминать. Дальше потребуется лишь согласиться с предположением обвинителя. Да, она могла схватить нож. Помнит, что он был рядом. Срок ей не грозит, только лечение в специальной клинике.

Паша изложил все, что могло быть потолком его мастерства. Это не профессионал такого уровня, который мог бы посеять сомнения у суда в том, что следствие изучило все обстоятельства. Что оно могло пропустить какой-то главный след. Они рыли на поверхности и находили свидетелей, которые лили воду на их мельницу.

Я видела показания преподавателей и учениц колледжа, которые приводили примеры того, что Анатолий относился к Тане лучше, бережнее, ласковее, чем ко всем.

Чертовы клуши, сплетницы, завистницы.

Нет, он должен был ее игнорировать, гнобить из педагогических принципов. Он считал ее дочерью! Знал, что она необычный, ранимый человек.

Признание? Клиника? Убийство богатых эмоций препаратами? Пытка изоляцией от меня? Сознание того, что она убийца, на всю оставшуюся жизнь? На прекрасную жизнь чудесной, волшебной, ни на кого не похожей девушки, женщины? Жизнь, которая не состоится, потому что ее втопчут в грязь и кровь.

Да, моя дочь могла в состоянии аффекта убить мужчину, который обманул ее доверие. Но это только наша тема, наш общий вопрос. Таня на него ответит, когда сможет, все восстановит, когда вырастет, и справится, если захочет.

Официальная, казенная печать убийцы, тяжелая рука «корректирующей» психиатрии повесят на двери в будущее замок.

Нет. Так не будет.

У меня оставался единственный выход. Паша узнал о нем уже по факту.

Глава 3
ВЫХОД

Я сделала признание в убийстве мужа.

Я вошла в квартиру в тот момент, когда муж был готов изнасиловать дочку. Она была в полуобморочном состоянии, не могла сопротивляться. Я схватила нож…

Было ли желание убить? Да, наверное, было. Во мне поднялась ярость не только матери, но и оскорбленной женщины.

Лгала не потому, что боялась ответственности, а потому, что не хотела оставлять ребенка. Ей будет очень трудно без меня. У нас практически никого нет.

— Какая глупость, — сказал Паша. — Я, конечно, буду говорить о самообороне, защите близкого человека. Она допускает даже убийство. Но... Ваш покойный муж по всем характеристикам — не безумный агрессор, которого иначе невозможно остановить. Это будет понятно всем. Он тот человек, который испугался бы одного вашего появления. Но... как хотите. Дело ваше.

— Да, — сказала я. — Мое. Это должно как-то закончиться. Каждая минута чудовищного разбирательства убивает моего ребенка. Я и так боюсь, что слишком затянула.

Меня арестовали днем.

Утром я долго говорила с Таней, заставила ее повторять наизусть все, что она будет говорить и делать дальше. Позвонила папе, попросила срочно приехать. Договорилась со знакомым юристом, что он оформит папину опеку над Таней на время моего заключения.

Вы не поверите, но нам всем стало легче.

Таня даже вздохнула и сказала, что они с дедушкой ко мне сразу приедут. Что она будет ждать, учиться,

даже готовить. Ее врач обещал написать ей справку на время процесса. Она не должна это слышать.

Мне было все понятно, почти спокойно.

Они, эти казенные лбы, получили, что хотели, но были ошарашены внезапностью. В любом случае я подарила им возможность покончить с неудобным делом, отчитаться о раскрытии. Получите, распишитесь и не благодарите.

Ночью меня разбудили в СИЗО.

Тело Тани нашли на скоростной трассе на окраине нашего района. По ней проехал большегруз. Версия — самоубийство.

— Этого не может быть! — Я кричала, билась, рвалась.

Этого не могло быть. Это второе убийство, вытекающее из первого. Но я уже ничего не могла. Ни достучаться, ни призвать помощь, ни доказать что-то.

Я была в клетке.

У меня не было ни прав, ни голоса, ни выхода из несправедливости, рокового несчастья, непоправимой потери, не совместимой с моей жизнью. Она мне не была больше нужна.

Я призывала все высшие силы послать мне тупость и безразличие. Только не эта острая, испепелившая мои внутренности боль.

Часть третья
ЗОНА

Глава 1
МОЕ ШОУ

Зона — это не место. Не срок по приговору. Это даже не ограниченность в передвижении, действии, не чудовищное вторжение в человеческие потребности.

Это черный занавес, который опускается за сознанием свободного, независимого человека. Ты засыпаешь и просыпаешься в теле, ставшем чужим. Ты представляешь интерес только для конвоя и преследователей. Твои мысли подлежат сожжению, настолько они неуместны и устарели. Твои страдания необходимо завалить самой тяжелой и надежной плитой, чтобы они сохранились до свободы к ним вернуться.

Нет ничего унизительнее, чем страдания узника, — кому-то для потехи, кому-то на радость.

Я с готовностью уходила в свою зону мрака и отчуждения.

Есть такая наука — заморозить и заблокировать в себе все человеческое, теплое, нежное и уязвимое. Мне было все равно, на какой срок.

Оставшиеся силы я потратила на главные распоряжения. Договорилась с Пашей, что он добьется полной посмертной экспертизы Тани и получит на руки заключение.

«Папа с тобой расплатится, я ему сказала». И написала запрет на кремацию мужа и дочери. Они еще смогут что-то рассказать. Когда я вернусь.

Это все, что я сделала для своего будущего на тот случай, если оно будет.

Перед судом Паша пришел ко мне с идеей:

— Маргарита Викторовна, все изменилось. У нас больше нет причины поддерживать ваше признание. Мы можем сказать, что Таня только вам призналась в убийстве, что покончила с собой, потому что не вынесла вашего ареста. Вам не нужно больше спасать дочь. Вы не виновны.

— Ты себя слышишь? — спросила я презрительно. — Ты предлагаешь мне оговорить мою девочку именно сейчас, когда она окончательно стала беззащитной? Оболгать ее память? Забудь о таких ходах, иначе ты никогда не станешь адвокатом.

В свое шоу-суд я ступила спокойно. Они все играли по моим правилам.

Эксперт даже внес коррективы в свое заключение: допустил, что смерть Анатолия наступила на час позже, чем он предполагал ранее.

Я рассказала правду о своих подозрениях последних лет. Они были на самом деле, я помнила каждую мысль и каждый укол открытия. Озвучила совершенно бесстрастно, но прозвучало все, конечно, более чем достоверно. Отвергла сама версию самозащиты или защиты дочери.

— Мой муж был лишен агрессии. Он даже испугался, увидев меня. Он ничего непоправимого не успел сделать. Но я не могла больше справляться с собой. Да, это был гнев оскорбленной матери, ревность обманутой жены. Не сожалею. Прошу понять меня правильно: мне жаль, что муж умер, но я не думаю, что такой сильный порыв эмоций можно было выразить другим способом. И жить с этим мы с ним не могли бы. Готова ответить. Заслужила это. Большего наказания, чем гибель дочери, для меня не может быть.

Меня слушали внимательно, временами почти сочувственно.

Смерть Тани произвела на них всех впечатление. Им, как и мне, было известно, что я могла бы выдвинуть обвинение против следствия в доведении до самоубийства.

В процессе следствия я постоянно делала заявления, писала жалобы на жестокость допросов. На суде

я не произнесла об этом ни слова, как, разумеется, и о своей уверенности в том, что самоубийства не было. Было убийство.

Паша зачитал по бумажке длинный список моих смягчающих обстоятельств. Судья в некоторых местах кивала.

Все это учли, как и мой новый статус осиротевшей матери. Приговор — пять лет колонии общего режима. Точнее, где-то за Серпуховом.

Прощаясь, папа плакал и говорил, что приедет.

— Пожалуйста, не нужно, — попросила я. — По крайней мере, до тех пор, пока я не смирюсь с мыслью, что ты видишь меня за решеткой. Подожди, пока освоюсь. Надеюсь, мне разрешат оставить мобильный телефон. Позвоню или напишу тебе адрес, ты сможешь прислать посылку. А пока присмотри за Таней. Сделай все, как я сказала. Следи за могилой, спрячь как следует документы, которые принесет тебе адвокат. До встречи, мой дорогой. Мы справимся и с этим. Я не убивала Анатолия, если для тебя это важно. Просто так было нужно сказать. Поймешь когда-то.

Куда еще тащиться человеку с моей смятенной, смертельно раненной душой, если не на зону. За колючую проволоку между мной и мной.

Вчера и сегодня. Между жизнью и ее отсутствием.

Глава 2
ИМЯ НАМ — КРИМИНАЛ

Двадцать серых, уродливых подобий женщин — такой была моя семья на ближайшие пять лет. «Рабочая хата» в бараке. Общий стол, параша, баланда, койки со смешанным дыханием, хрипами, храпом и матом. Пройдет немало времени, пока я начну различать их по лицам, голосам, отношению к себе.

Первый этап знакомства — это волна насмешливой неприязни, недоброго любопытства и неприкрытой зависти.

Во-первых, я социально чужая.

Интеллигенция на Руси до сих пор обязана оправдываться за «образованность», которая традиционно вызывает дикарский протест и массу подозрений.

Во-вторых, я еще не была похожа на них. Сама удивлялась. Из пожара своего стремительного горя я вышла с тем же лицом и с той же фигурой. Даже похудеть не успела.

Из маленького карманного зеркала на меня смотрели знакомые большие темно-серые глаза. Их отстраненность и горькое безразличие со стороны могли казаться покоем. Брови тонкие, овал лица строгий, рот казался свежим и совсем не бескровным. А кожа — гладкая, нежная, окрашенная в смуглый, чуть золотистый

цвет, — мое наследство заморской прабабки, — она, как всегда, поражала воображение других женщин.

Ведь я попала в то единственное место, где никого не заподозрят в макияже и даже просто в каком-то уходе за собой. Плеснула с утра в глаза вонючей водой, отстояв очередь, — вот и весь уход.

Не стану описывать тягостный процесс обживания места, непригодного для жизни вовсе.

Невозможно передать сложности контакта с обозленными, отчаявшимися и реально опасными людьми твоего пола. Это непредсказуемый спектр самых парадоксальных эмоций и их проявлений. Скажу лишь одну вещь.

Я справилась, я не стала жертвой, мишенью, растоптанной, использованной подстилкой, девочкой для насмешек, унижений и битья, потому что мне стал интересен этот чудовищный, этот мой новый мир.

Я хотела в сплошной массе рассмотреть отдельных людей, у меня это получилось. И навстречу однополому сексуальному призыву не пошла, сумев никого не обозлить отказом. Получилось доступно объяснить свою ориентацию, которая не пошатнулась от обстоятельств. При всем понимании другого выбора.

Речь, конечно, только о случаях добровольного, обсуждаемого предложения. Другие случаи без комментариев и понимания: здесь работали только мой яростный протест и хорошая физическая подготовка.

Я увидела рядом женщин с их горем, трагедиями, потерями. За дикими, хулиганскими выходками вдруг следовал приступ страха или боли. И нередко так получалось, что за помощью, разъяснениями и утешениями они обращались именно ко мне.

«Ты, Маргоша, у нас ученая...»

Да, у меня были «коллеги» — мужеубийцы. И, странное дело, моя статья уравновесила страшный недостаток моей интеллигентности. Когда все немного привыкли ко мне, сокамерницы говорили почти с гордостью:

— Это Марго. Она вообще учительница и тоже мужа грохнула. Он директор был. Потому что правильная баба. За дочку постояла.

Примерно так начинался мой смешной авторитет. Его преимущества переоценить сложно. Он в какой-то степени помогал избегать насилия — садистского и сексуального.

Был период, когда я не разрешала себе даже провалиться в крепкий сон.

Я давилась жуткой бурдой, чтобы не утратить физические силы. Они были нужны для сопротивления.

С этой же целью я завела что-то похожее на флирт с майором «отрядником».

Смешно сказать, но этот козел в меня настолько влюбился, что проглотил байку о моей внутренней травме, из-за которой я якобы и убила мужа.

Согласился на компромиссный вариант. После убогой, скотской прелюдии он совершил половой акт сам с собой. Моего присутствия хватило для его блаженства. После любовного свидания он попросил разрешения сделать «фотку на память». И в дальнейшем я время от времени поддерживала «роман», чтобы другие не лезли. За это завхоз по его распоряжению выделял мне лучшие куски и большую порцию. Но самое главное — меня по ночам пускали в физкультурный зал для персонала.

Наступило время, когда я знала о своих подругах по несчастью практически все.

Среди них были совершенно невиновные, отбывающие срок за других. Были тяжелобольные, страдающие, оставленные близкими, оставившие детей, о которых ничего не знали.

Им всем хотелось человеческого тепла, любых, самых банальных советов, ободряющей информации, крошечной надежды.

Я научилась их жалеть и ценить жалость к себе. Но дальше версии, которая значилась в моем досье, конечно, никого не пустила.

Да, есть место, где убийцей быть почетнее, чем заключенным с непонятным статусом «политическая».

Вот этих, как правило, ни в чем не виновных, травили злостно, по приказу вертухаев. Это были настоящие

жертвы. А поскольку у нас политических в теории нет, то у них самые нелепые уголовные статьи.

У одной девушки из нашей «хаты» было нанесение тяжких увечий с целью убийства полицейского на митинге. В деле фигурировал его сломанный зуб. Чтобы вы поняли: она весила сорок один килограмм, была страшно близорукой и падала в обморок при виде крысы.

Из-за нее я и вступила однажды в настоящую жестокую драку. Потом меня же, окровавленную, бросили в изолятор как зачинщицу. Я там выла от боли и зализывала раны. Вытащил меня мой отрядник, отправил на пару дней в «больничку».

Я вышла оттуда злая и готовая к мести. И тут домушница, которая в числе других калечила меня, ночью стала орать и подыхать, по всему, от отравления.

Все безучастно смотрели, как ее выворачивает. Когда она завопила: «Марго, помоги, хоть придуши, не могу больше», — я ответила:

— Так ты же специалистка. Придуши себя сама.

Понаблюдала еще немного, а потом встала и начала ее промывать. Грубо, как засорившуюся ржавую трубу.

Из препаратов нашла по тумбочкам только соду, зато много, килограмма два. Барахталась с ней до рассвета, отмечая, что брезгливость во мне полностью атрофировалась.

Утром я удивилась, что моя пациентка жива. А она смотрела благодарно, как недобитая собака. Во мне не было больше ни ненависти, ни желания мести.

В том содружестве под названием «исправление криминала» за отсутствие совести платили жалкие, уязвимые тела. Их рвала на части боль, они корчились во мраке абсолютного равнодушия.

Кто-то выживал, кто-то нет в царстве победившей жестокости, приговора всему живому и человеческому. И я добывала в себе уцелевшие, живые клетки тепла, не сожженные собственным отчаянием.

Я делилась ими с несчастными.

Могла бы сказать, что в том был только расчет: добро всегда возвращается в какой-то степени. Но нет, дело не только в этом. Что-то осталось в душе после того, как из нее с корнем вырвали любовь, доверие, надежду. Все, что делало меня живой.

Что-то человеческое осталось, но мне самой это было больше не нужно. Могла и отдать.

Глава 3
СОКОЛОВСКАЯ, НА ВЫХОД

Меня выпустили через полтора года по амнистии для женщин, совершивших правонарушения в условиях домашнего насилия.

Даже не знаю точно, в чем тут дело, но скорее всего руководство колонии похлопотало. Очень уж я приглянулась отряднику.

Характеристики у меня были такие, что странно: как меня не встретила делегация Госдумы, чтобы сразу вписать в свои кристально чистые ряды.

Доехала от вокзала на метро, взяла ключ у бывшей дворничихи Гали на первом этаже, прервала ее плач-причитание. Отстранила, когда она хотела меня обнять:

— Потом, Галя. Я пока прокаженная. Прокоптилась в дыму мерзости, воздуха убийц и вывернутых, страшных душ. Надо отмыться.

Галя собрала мне какую-то еду: горячую вареную картошку, хлеб, селедку в банке. Сбегала за бутылкой водки. И я вошла в свою квартиру. Туда, где были убиты покой, доверие, семья, любовь. И в этом убийстве я соучастник, неизвестно пока кого.

Я точно притянула злодея или целую банду своими подозрениями, своей больной, обостренной чувствительностью. Этой несчастной, страшной склонностью ждать только худшего развития событий. Видеть во всем приметы преступных желаний или намерений.

Как это могло случиться? Чье внимание коварно и подло притаилось в тени нашей обычной, внешне совершенно благополучной жизни? Кому мы понадоби-

лись? Чью невероятную ненависть, месть или зависть могли вызвать?

Пока это совершенно необъяснимо. Что-то подобное бывает там, где есть даже не большие, а слишком большие деньги. Или какая-то сумасшедшая страсть. Кого, к кому?

Я, возможно, совсем мало знала о муже. Я и о своей ненаглядной доченьке знала лишь то, что люблю ее больше жизни.

Я сидела и пила в кухне, пока Галя прибрала квартиру, постелила мне чистое белье на кровать.

Я сказала ей, чтобы налила в ванну максимально горячую воду. Влезла, кожа сразу стала багровой.

Я умом понимала, что это почти кипяток, но тело никак не отзывалось на боль.

Думаю, если бы я сейчас взяла нож и медленно резала себя вдоль и попрек, я бы не смогла разбудить физические болевые ощущения.

Все во мне было напряжено и собрано для одной задачи — не дать проснуться страданиям. Заблокировать воспоминания. И задушить свободное дыхание, которое позволяет независимо трепыхаться оттаявшему от жара и водки сердцу.

Только незаметные вдох и выдох для того, чтобы поддержать мозг до поры. До той поры, когда придет время во всем разбираться, читать прошлое.

Зона — неплохой тренер.

Когда я вышла, обнаженная, почти сваренная, ярко-кровавого цвета, то была уже к чему-то готова. Действовала на автомате, приступив к самым простым и трудным решениям. Собрала в ящиках столов все семейные фотографии, сложила в металлическое ведро и сожгла.

Оставила лишь два маленьких, но четких снимка Тани и Толи. Не для памяти: я их не забывала, а для возможных помощников в расследовании.

Мой компьютер не сразу, но ожил, впустил меня. И я за два часа уничтожила все снимки, кроме тех, где мы с другими людьми. Это тоже может пригодиться.

В почте оставила письма от тех знакомых, которые были достаточно близки к нам в реальной жизни.

Когда встала из-за стола и подошла к большому зеркалу — впервые за полтора года увидела свое полное отражение, — кожа на теле и лице приобрела нормальный, мой, смугловато-золотистый цвет. И я привычно поблагодарила заморскую бабку за генетику.

Я выглядела как всегда. Как до всего. Как будто вышла не из мясорубки, а из пены для Афродиты.

Глаза спокойные, широко открытые, губы свежие, а я думала, они высохли, сжались в узкие змейки, за которыми только колючая проволока терпения и затаенная злость.

Тело не похудело, не раздалось, не обвисло, не сморщилось.

Да, и тебе, отрядник, спасибо.

Мне это нужно? Конечно. Необходимо. Исключительно для битвы. Не знаю пока, какой.

Ночь я провела на широкой кровати, вытянувшись по одному краю, как на нарах. Не разрешала себе шевельнуться, чтобы тело не вспомнило слишком резко человеческую или, не дай бог, женскую жизнь.

Утром позвонила папе, сказала, что приеду: мне нужна его помощь, чтобы срочно продать эту квартиру и купить другую.

По поводу расходов объясню не по телефону.

Часть четвертая
ТЕРРИТОРИЯ СВОБОДЫ

Глава 1
ЗА ПОРОГОМ ВРАГ

Утром я ступила на территорию свободы, уверенная в одном.

Мои движения, поступки, мой вид, мое состояние отслеживаются не только казенными «надзорными органами». Есть куда более опасные наблюдатели. И мы теперь идем друг к другу навстречу. Не знаю точно, ищут ли они сейчас меня, но я точно их ищу.

Я найду.

Такой выбор: или они у меня в руках, или меня нет в этой жизни.

С формальностями своего прохода через все металлоискатели в общество не криминальных элементов, а законопослушных граждан я справилась без особого труда.

Помог опыт контакта с правоохранительной публикой: тут главное — дать сразу понять, что ты знаешь,

как обломать их уверенность в своих особых правах на других людей.

Проще говоря: не допустить ни хамства, ни скотства. Свои права я изучила не только по тем книжкам, которых они не читали.

На следующем этапе разобралась с ситуацией на рынке недвижимости, посмотрела цены. Пока чисто теоретически.

Я ведь даже не знаю, какая сумма у меня в колодце.

Стараюсь не думать о том, что там уже нет ничего. Полтора года...

Да, самое смешное. Я ведь вернулась с зарплатой.

Мой возлюбленный строго следил, чтобы меня не обманывали, не обсчитывали, даже премию давали за старание, которого вообще-то не было. Но на какие-то дни хватит.

Я в какой-то момент облегчения даже пошутила. Купила красиво изданный томик Цвейга с хорошими иллюстрациями, вафельный шоколадный торт и отправила посылку своему отряднику.

Написала на книжке: «Помни обо мне, как я о тебе».

Уверена, он сохранит это на всю оставшуюся жизнь. Будет показывать следующим фавориткам.

Когда восстановила права, ездила по разным делам и маршрутам, кроме пути к своему домику.

Наконец решилась, поехала туда, выбирая самые

окольные дороги, петляя, путая следы. Все оказалось на месте.

Дождалась ночи, втащила в багажник и самыми нелогичными путями поехала домой. Холодные и мертвые ноутбуки просто протерла от сырости. Деньги из сейфа вынула, пересчитала.

Нормально, я даже не ожидала.

Четыреста пятьдесят тысяч долларов и триста тысяч рублей. На что-то хватит. Устроила какие-то самодельные тайники — подняв в нескольких местах паркетную доску, сейф выбросила на дальнюю помойку. Особенно не старалась.

Эта не та сумма, из-за которой меня убьют.

Это даже не взяли после убийства Анатолия. И вообще кража для меня будет просто очередной проблемой, но никак не драмой.

К своему милому, терпеливому папе я приехала однажды ночью без предупреждения по телефону.

Да, допускаю прослушку со всех сторон. Вот он изменился. Сгорбился, стал не просто худым, а почти прозрачным. Светлый, тающий человек с облаком серебра над высоким лбом. Сухие, плачущие глаза.

Папа любил Таню даже больше, чем меня.

Только здесь, в родительском доме, я позволила себе оттаять в нежности, печали, приливе беспокой-

ства за близкого человека. Последнего близкого человека.

Только в кровати своего детства спала крепким, забытым сном — таким, в котором горячее тело плывет в жарком тумане снов-грез о том, чего никогда больше не будет.

На следующий день мы обо всем договорились. Папа приедет в Москву и положит в банке на мое имя сумму из сейфа в качестве подарка.

Если кому-то захочется проверить его источники накоплений, тут мы все докажем.

Мой папа строитель, работал в хороших фирмах, неплохо зарабатывал. И всю жизнь у него было хобби — он классный краснодеревщик.

Когда оставил службу, оформился как индивидуальный предприниматель. Работал по заказам, платил налоги. У него бывали и большие суммы.

Другой вопрос в том, что он все мгновенно тратил.

Был не то что коллекционером: просто влюблялся в дорогую гравюру, редкую книжку, чаще всего оказывалось, что его безбожно обманули по цене. Но его это совершенно не беспокоило.

Папа сам выбирал свои сокровища, для него они бесценны.

Я вернулась домой. Мой клад был на месте. Мертвые ноутбуки давили сознание, как могильные плиты. Как искать программиста? Кому все это доверить?

Я долго ничего не предпринимала в этом направлении, пока идея вдруг сама не постучалась в мозг. Как будто прилетела со стороны.

Это должен быть один человек — тот, который поможет открыть тайну ноутбуков, и тот, кто пойдет со мной по следу убийц.

Глава 2
ПРОСТЫЕ ИСТИНЫ

Как быстро свобода съедает время. На зоне день тянулся, как год. А тут два месяца пролетели, как час. Насыщенный час.

Мы с папой многое успели. Просто не было у меня границ, разделяющих дни. Не было ночей для забытья, не было дневного режима, как в бывшей жизни с семьей. Не было даже обычных, неосознанных потребностей: в какое-то время есть, в другое — работать, в третье — отдыхать.

Все теперь стало моей бессонной работой.

Как ее назвать? То ли выживание, то ли подготовка к смертельному прыжку.

А в этой подготовке не было мелочей.

Я привела себя в порядок.

Да, я не похудела, не поблекла, но для того, чтобы прокаленная шкура зэчки стала кожей уверенной,

независимой женщины, мне нужно было все изменить в своем внешнем облике. Истребить то, что, возможно, другие люди и не замечали, но я тащила это, как тяжелые кандалы на ногах, петлю на шее.

Это смрад барака, который я ощущала в своих волосах.

В нем разлагаются остатки достоинства вырванных из жизни людей, бывших женщин. Это напряженность всех внутренних органов, как у животных перед забоем. Это стянутость кожи, готовой только к ударам и боли. И злобная затравленность в зрачках.

Но психика женщин очень мобильна, она может приспособиться к внешним изменениям, другим ощущениям, щадящим прикосновениям открытой и позитивной среды. И следствие станет причиной.

Когда я довела свою внешность до совершенства собственных представлений, именно она стала моей печатью, вытеснив клеймо позорного во всех глазах прошлого.

Одно дело убийца, которая смотрит, пахнет, выглядит и даже дышит, как убийца.

Другое — уверенная в себе, ухоженная, в меру доброжелательная, в меру высокомерная женщина.

Это мера ее красоты. Это царство ее власти, влияния на восприятие других людей.

Может, я что-то преувеличиваю, но на меня стали смотреть по-другому даже эти истуканы в раз-

ных службах. А бывшие знакомые, в глазах которых я сначала видела только испуг, затаенное презрение и острое любопытство, — они стремительно менялись при встречах. Мои натянутые нервы ловили малейшие выражения в глазах, в движениях, в интонациях.

Я стала роковой женщиной с непостижимой тайной, с никому не понятным, но притягательным в своей порочности опытом.

Никто точно не знал, что тогда произошло со всеми нами, но по реакциям именно женщин я понимала: они готовы видеть во всем исключительно страсть. Сгорали от нетерпения услышать подробности. А содружество женщин — родина сплетен и, стало быть, источник новой репутации.

Вот так.

Там, где другие просто причесываются, меняют гардероб, млеют под руками массажисток и косметичек, я поднималась по ступенькам своей полноценности. Поднималась из глубокого подвала униженности и рабства к вершине своей независимости.

Я испытывала удовлетворение от сознания своей значимости в самом мелком контакте. От мимолетного превосходства, примет добровольного подчинения окружающих.

Объясню, в чем разница между тем, что понимала

и чувствовала я на территории новой свободы, и теми смешными радостями, которые могла ощущать счастливая домохозяйка Ита.

Она, почти посторонний для меня сейчас человек, была способна утешаться женским тщеславием, наслаждаться завистью подруг, балдеть от мужского поклонения.

Я, Соколовская из рабочего барака, вернувшаяся домой, плевать на все это хотела. Не было на свете человека, который мог бы заставить меня вздохнуть взволнованно, радостно или горестно. Я просто ощущала, как крепнут силы, и ждала часа их употребить по назначению.

Мысль воспользоваться чьей-то рекомендацией в поисках хорошего юриста, программиста или частного детектива я отвергла сразу. Никаких советов, никакой утечки информации, никакого влияния, ничьих услуг.

Абсолютное недоверие как единственный способ торговли и битвы с судьбой. И придется положиться только на интуицию. Она спасала меня даже в моменты групповой расправы и самой откровенной опасности.

Днем я занималась выбором новой квартиры, собой, присматривалась к возможным вакансиям. Ночью изучала рынок специфических услуг.

На очень скромном сайте этого частного детектива я задержалась по нескольким причинам, решительно забраковав десятки подобных.

Очень сдержанный текст, ни одной грамматической ошибки, есть слова, которые выдают начитанного человека. На маленьком фото, видимо, для паспорта, человек, так же мало похожий на сыщика, как я сейчас на убийцу. И я не почувствовала того отторжения, которое во мне стали вызывать люди в своем большинстве. Оно может возникнуть при непосредственном знакомстве, тогда просто продолжу поиск.

Я просто готова соскочить в любой момент, чуть что пойдет не так.

Глава 3
ОЧЕНЬ ЧАСТНЫЙ СЫЩИК

Первый раз я поговорила с частным детективом Сергеем Кольцовым по телефону, купленному на рекламной распродаже одного оператора, где к телефону дарили бесплатную симку. Поговорила, задавала очень продуманные вопросы, запоминала дословно ответы.

Я даже имени своего не назвала. Ни одной документальной детали. Просто обозначила условную суть. Затем неопределенно пообещала перезвонить, когда

приму решение, и выбросила телефон, предварительно уничтожив симку.

После разговора искала другие варианты, занималась своими делами и ни на минуту не прекращала анализ того разговора.

Наконец я сказала себе: «да».

А встречу назначила уже в новой квартире. В новостройке тихого зеленого района Юго-Запада, где никто никого не знал и, что самое приятное, никто к знакомству и общению не стремился. А на своей площадке я вообще была единственной собственницей.

Он приехал в девять пятнадцать вечера. Вошел и протянул мне крошечную еловую ветку в каком-то стакане. Сказал, как будто встретил давнюю знакомую после долгой разлуки:

— Продавали на улице. Я подумал: вы могли забыть, что через неделю Новый год. Посчитал по срокам. Два года точно не встречали. Здравствуйте, Маргарита.

В нашем телефонном разговоре я не только не называла имени-фамилии, но и не упоминала ни о каких сроках.

Но я не удивилась. Не такой уж сложный трюк для сыщика — найти дело по самым пунктирным моментам короткого разговора.

Кстати, он сам тогда согласился на сотрудничество сразу. И почему-то я поняла: это не из-за того, что че-

ловек не упускает никакого заработка. Его просто что-то очень заинтересовало. Как бы там ни было, начало встречи мне понравилось.

Сергей прошел в гостиную, с любопытством огляделся по сторонам:

— Хорошая квартира. И ремонт нормальный. Вещи еще не перевезли?

— Вещей нет, — сказала я. — Только то, о чем я вам говорила. Вот стол купила и два стула. Можно сказать, для первого гостя. Поставлю сюда вашу елочку — и можно считать, новоселье состоялось. Не подумала о шампанском. Да, действительно, когда-то был Новый год. Но для первого разговора это вряд ли требуется. Кофе сварила.

Я вышла на кухню, отметив, как непринужденно сыщик откинулся на спинку стула. Кажется, с трудом удержался, чтобы не забросить ноги на стол.

Естественный человек. И настолько красив, что выделится в любой толпе. Не слишком удобная внешность для детектива.

Мы пили кофе и говорили для знакомства о случайных вещах. Так кому-то могло показаться. На самом деле мы напряженно, цепко и подозрительно прощупывали друг друга насквозь. Делали далеко идущие выводы. За обманчиво искренней синевой глаз моего собеседника я увидела личность сильную, жесткую, возможно, даже беспощадную.

Мелькнула мысль: если он узнает какую-то страшную для меня правду, если придет в поисках к выводу о самых нежелательных причинах моего горя, — он ни на секунду не задумается перед тем, как убить меня этим.

О чем речь — очень больно объяснять. Но скажу: это добровольная, настоящая, осознанная, не преодолевшая лишь последнюю границу любовная связь моего мужа с моей дочерью.

Настолько крепкая и трагическая, что она могла оборваться только двойной гибелью. Кто был еще втянут, кто помог или расправился с ними, — это в таком раскладе даже второй вопрос. Но я и тогда не откажусь от ответа.

Сергей поймал мою мысль и задал прямой вопрос:

— Я правильно понял: вас устроит только истина? Это не поиски злодея, разоблачение которого поможет вам разгладить прошлое и найти успокоение для будущего?

— Именно так. Я справлюсь с любой правдой. Самая страшная пытка для меня — это истязание сомнением. Любым. Это в принципе несовместимо с каким-то будущим. И лично для вас: никогда правда не разрушит то, что принадлежит только мне. Моя преданность, моя кровная привязанность, которая сильнее

смерти, не пострадает ни в каком случае. Я — женщина, а не баба.

— Понимаю, — задумчиво сказал Сергей. — Задачу понимаю.

Я выдохнула страшное напряжение, которого потребовало от меня последнее признание. Впервые я произнесла вслух то, о чем даже думать могла не всегда.

Да, то была спасительная идея, возможно, самообман — версия о совершенно посторонних убийцах, о преступлении, которое не имело отношения к самой болезненной тайне. Тайне, скрываемой от меня. Она ведь, возможно, есть. Пережила моих близких.

— Мне кажется, мы прояснили свои позиции. Заключаем договор, — сказала я. — Можно на прощание простой тест? Как называла меня дочка? Она не называла меня мамой.

— Минутку. Маргарита... Дочь называла вас — Ита? Так?

— Да. Смешной вопрос. Вы, конечно, сообразили, что она так обошла букву «эр», когда не умела ее произносить.

— И это. И то, что вам идет такое имя. Ита. Ранимая, нежная женщина, которой было уютно только в детстве, а потом она ступила в жизнь взрослого, даже жестокого человека из-за обостренного чувства справедливости. Так бывает. Если бы я был с вами

где-то рядом, мог бы предупредить: на этом пути мало радости. Если она вообще там может случиться. Я приеду через пару дней с программистом. Пока найду дело, вникну во все, что они тогда нашли, попробую побродить по тем вашим местам. Вы не против, если я кому-то буду задавать вопросы?

— Нет, конечно. Вы ведь прекрасно поняли. Я открыла для вас двери в самые темные и опасные подробности своей жизни. Это значит только одно. Мне нужен очень частный сыщик. Больше, чем личный врач. Мне нужен патологоанатом.

Он ушел.

Я бросилась к подоконнику, на котором мертвыми плитами лежали ноутбуки — Тани и Анатолия. Приложила ладони к их погребальной мерзлоте.

Да, это нужно было оставить. Зарыть в могилу. Посадить цветок. Но я решила взломать мертвый сон и не свои тайны.

Я готова за это заплатить отравленным навеки покоем, адскими терзаниями, страхом никогда не уснуть. И в помощь мне только частный детектив из виртуального пространства. Он смотрит безмятежным, почти ласковым взором, в котором блестит клинок. Отличная компания для нежной Иты с оскалом Соколовской из барака.

И вдруг лавина прорвала сухость моих глаз, застывший мрамор кожи.

Я взмокла от макушки до пят, я пылала и ничего не видела из-за потока горючих слез.

Сколько лет я не плакала? Мне кажется, этого не было еще никогда. Только так я и могла залить жажду своих ран и стон своих потерь: всем телом, слезами, которые лились из глаз, сочились из пор, розовели от моей кипящей, рвущейся из вен крови.

Часть пятая
В СУМРАЧНОМ ЛЕСУ

Глава 1
КОВАРНЫЙ ЛАЗУТЧИК

Сергей очень сухо и лаконично делился со мной своей информацией. Выводами вообще не делился. А я почти со страхом понимала, насколько мне необходим именно такой человек. Такой коварный лазутчик моей агрессивной миссии в мире остальных людей.

Он в отличие от меня сумеет втереться в любое доверие, вырвать самые неосторожные признания. У него уже есть своя, автономная цель. Это та правда, которая может быть неудобной всем, и в первую очередь мне самой.

Ради нее он, конечно, готов обмануть любого. И я для него не исключение.

Но я сделала свой выбор.

В отличие от Данте я даже не могу сказать себе, что прошла земную жизнь до половины. Во мне живет

отчаяние обреченной души, осознающей себя только в этот миг.

Да, я в сумрачном лесу.

Но мой поиск, мои натянутые нервы, мое нетерпеливое сердце, страшный груз моего прошлого — все это готово к полному исчезновению. Хоть через минуту. И мне от этого не больно и не тоскливо. Мне не от этого больно.

Я рада, что каждую секунду что-то меняется.

Как странно: в моей жизни были целые часы, проведенные в бассейне или в магазинах. У меня были дни, когда мы с семьей просто грелись на солнце, просто ели, спали, любили. А я лишь констатировала, коллекционировала даты и сроки лени, покоя, отсутствия невзгод и раздражителей.

— Привет, Маргарита, — сказал Кольцов, представляя мне худого парня в очках. — Это Вася, программист и мой штатный помощник. Практически гений. Для того чтобы ему что-то реанимировать, понадобится собственная аппаратура. Вы готовы доверить ему ноутбуки, чтобы он мог поработать с ними у себя?

— Конечно, — сказала я. — Очень надеюсь на вас, Вася.

Парень, отказавшись даже присесть, умело упаковал ноутбуки в кофр и протянул мне крошечный бумажный квадратик со своим телефоном.

— Будем на связи. Вдруг вопросы.

Он ушел, Сергей задержался:

— Можно попросить кофе?

Он выпил, отодвинул чашку, взглянул мне в лицо и произнес:

— С делом я работаю. Нестыковки на поверхности, но все прикрыто вашим признанием. Так что никаких особенных злоупотреблений. Потом решим: мы требуем пересмотра или нет. И какие у нас для этого основания.

— Правосудие меня вообще не интересует. Если вы не поняли.

— Да понял. Просто я не киллер и не палач, не помню, говорил ли я вам это до заключения договора. Это я забегаю вперед: вдруг выйдем на убийцу.

— Сережа, я еще не позволяю себе так далеко загадывать. Мы можем подождать каких-то результатов? Если честно, я и в них пока не верю.

— Да, мы подождем. Я очень терпеливый. Такой вопрос: вы в курсе, что за Таней очень настойчиво ухаживал один парень? Борис Миронов, он тогда учился в выпускном классе школы, которая рядом с вашим колледжем.

— Боря Миронов? Из сто тридцать пятой? Да, он приходил к нам на вечера с танцами. Провожал пару раз Таню. Однажды я вернулась домой, а он был у нас. Помню, Таня сказала, когда он ушел: «Ита, у нас с ним ничего нет. Он просто хочет, чтобы мы встречались.

Я пока не знаю». Больше, кажется, о нем мы не говорили. Мне он не очень нравился: мрачноватый и грубоватый. Тане точно не подходил.

— Говорят, она не была в этом так уверена. И еще говорят, что он был влюблен очень страстно, даже дрался из-за нее, когда ее пошел провожать другой. Я немного узнал: парень известен вспыльчивым и ревнивым характером. После школы проучился один год в геолого-разведочном и бросил. Возможная версия, нет? Он пришел к вам домой, застал в неоднозначной ситуации Таню с отчимом и... Возможно, она действительно не видела. Скажем, он ушел и вернулся, когда она легла спать. Анатолий ему бы открыл. Возможен и более трагичный поворот. Таня знала, что это он, не смогла его выдать. А после вашего признания... вынесла себе приговор. Вот это более чем вероятно. Как, по-вашему?

— Работай, — устало сказала я. — Только сейчас поняла, чем теоретический убийца, рожденный только воображением, отличается от реальных людей, которых я знаю. Тем, что для такого разоблачения нужно задавить в себе все человеческое. Для всех преступление раскрыто и забыто. Мы с тобой собираемся обрушить на кого-то небо. И если повезет, не ошибемся. Давай перейдем на «ты», как подельники.

Глава 2
ПО УЛИЦЕ МОЕЙ

Однажды Сергей после часа нашей совместной работы по материалам дела одобрительно посмотрел на мой новый диван в стиле «прованс» — розы на кремовом фоне, — и произнес:

— Хорошо. Живенько. И к шторам подходит. Все время удивляюсь: как женственность и стремление к уюту могут существовать параллельно со своим обладателем. Ты со своим сухим ожесточением и твои бессознательные проявления — это разные полюса. Кажется, без точек соприкосновения. Я к чему. Надо это использовать. Пора привлекать и завлекать людей. Знакомых и нет, тех, кто захочет с тобой общаться. Разговаривай, находи способ чем-то якобы искренне делиться. Принимай приглашения и приглашай к себе. Пусть по улице твоей друзья не уходят, а приходят. И мы посмотрим, что это за друзья.

— Тяжело, — сказала я.

И остро поняла, что впервые пожаловалась другому человеку. Впервые за всю вечность после того, как нож остановил сердце мужа.

— Без сомнения, — ответил Сережа. — Но это значит только одно. Ты уже отдохнула. Расслабилась. Тебе не было тяжело ни в СИЗО, ни на зоне. Когда человек

выживает на краю, у этого нет степени дискомфорта. Так что соберись. Если твои подозрения в какой-то степени верны, кто-то ждет твоей слабости. А твое одиночество — ему в помощь.

— Есть, генерал, — отдала я ему честь. — Я как раз веду переговоры о работе.

Сергей посмотрел на меня очень внимательно:

— Плохо, что я был не в курсе.

— Пока ничего конкретного, не больше телефонного знакомства. Если честно, не решалась на встречи.

— Тогда в таком порядке. Ты решаешься по своим соображениям, я узнаю об этом до встречи.

Ситуация с поиском работы была у меня очень неоднозначная. Изучив предложения, вакансии, обычные и даже выгодные предложения, я сразу сделала два вывода.

Первый — я легко справлюсь почти с любым кругом компетенции и обязанностей, какие предлагают не узким специалистам. Начиная с работы секретаря босса компании, кончая должностью советника крупного политика. Это я о предложениях с достойным окладом.

Второй — любое предварительное знакомство потребует объяснений моего прошлого.

Допускаю, даже уверена, что кто-то захочет и сможет это все принять и даже стереть при оформлении. Смотрела как-то любопытства ради: у скольких чинов-

ников и депутатов светится явная или неявная судимость там, за горизонтом власти. Но мне так не нужно. Не нужно ни лжи, ни чьих-то услуг, за которые так или иначе придется расплачиваться.

Понятно, что предлагать себя в качестве преподавателя мне даже в голову не пришло. И, разумеется, никаких резюме по электронке. И я поступила так: составила небольшое объявление о поиске работы и разместила его с маленькой фотографией не на обычной доске поиска вакансий, а на страницах серьезных соцсетей.

Обозначила образование, область компетенции, гарантированные профессиональные качества и проблемный статус. И свои условия, связанные главным образом со свободным графиком.

Мысль, грубо говоря, такая: войду в любое положение, смогу соответствовать, если будут учтены и приняты мои личные обстоятельства и условия. Уже такая постановка вопроса отсеет большинство стереотипных работодателей, что и требуется.

Сергей посмотрел текст и кивнул:

— Достойно. Интригует к тому же. Может сработать. Запускай.

Так начался новый уровень моей свободы.

Я открылась безразмерному виртуальному пространству. И подставила свое лицо в самом прямом смысле ветру случайного интереса, неслучайных моти-

вов, острым стрелам любопытства разного толка, всем возможным опасностям.

Кто никогда не выходил из застывшей затхлости клетки, тот никогда не поймет тревоги зверя, чья шкура является добычей по определению.

Через пару дней мой телефон раскалился от звонков, вопросов, предложений и самых невероятных вариантов занятий и сотрудничества.

Скажу коротко: это все был мусор.

Мошеннические, авантюрные идеи, примитивные, нелепые люди. Никому не нужные контакты.

Были и охотники, которые явно повелись на мою фотографию. Их легко узнавать по идиотски слащавому тону, банальным оборотам ходоков и липким намекам.

Потерянное время? Кто знает. Я не торопилась.

Наоборот, это разминка, я еще ни на что не решилась. И терпеливо ждала сигнала своей интуиции.

Не просто: «то, что нужно», но и «это интересно», «это подозрительно», «это непонятно, но нужно досмотреть».

И наконец я не только решилась на встречу.

Я назначила ее у себя дома. Руководитель большого пиар-агентства в телефонном разговоре согласился с моими условиями. И более того, сам предложил особый статус — креативного сотрудника для особых заданий.

Особые сроки, особая оплата, не просто можно, но и желательно работать дома.

— Думаю, вы поймете, о чем речь, — сказал приятным голосом Игорь Сергеев, которого я сразу нашла в «Гугле». — Продвижение политиков требует аналитического склада ума. Большой деликатности, иногда даже скрытности. Не всегда ваши идеи и тексты выйдут под вашим именем. Чаще всего — нет. Но они всегда получат достойное вознаграждение. Детали и пробное задание хотелось бы при встрече.

Я записала этот разговор, как все, что казалось мне значительным. Назначила встречу, купила к ней новый серый кашемировый костюм с узкой юбкой и облегающим жакетом. И, конечно, поставила в известность Сергея.

— Начинай шпионить.

— Отлично, — ответил он. — С почином.

Глава 3
ИГОРЬ СЕРГЕЕВ

Встречу назначили на семь часов вечера.

К шести я приготовила несколько коктейлей, все, что нужно, для кофе. Надела костюм с черной атласной блузкой, даже черные лодочки на маленьком каблуке. Уложила волосы пышной волной. После того как

парикмахеры убрали мои тюремные пакли: посеченные концы, безжизненные пряди, которые заблокировали рост нормальных волос, я и волосы свои отпустила на свободу.

Никаких стрижек, укладок и гелей. Пусть растут и живут естественно.

Я осторожно, по памяти подкрасилась. Посмотрела на себя: ничего. Лицо стало ярким, выразительным.

На взгляд мужчины, возможно, даже соблазнительным. Как они любят: зовущие губы, томные глаза. Фигура в этом костюме тоже под стать.

И я решительно все сняла: костюм, блузку, лодочки. Тщательно умылась. Волосы стянула аптечной резинкой на затылке.

Не хватало еще демонстрации подготовки и подобострастия соискательницы перед встречей с «отрядником» на свободе.

Нет. Достаточно того, что я предлагаю свое время, способности и готовность попробовать. А брать меня можно лишь с тем набором, какой я сама захочу предложить. А я готова работать в удобном мне режиме, который, кстати, может быть сколь угодно тяжелым. Но не готова личность и достоинство делить на части особых заданий.

Я успела влезть в стильный балахон — что-то среднее между экзотическим домашним платьем и спальным мешком.

Цвет дивный — черный с лиловым отливом. Ноги сунула в мягкие розовые итальянские безразмерные тапки. И пошла открывать дверь на звонок.

Игорь Сергеев был очень похож не только на свою фотографию в интернете, но и на свой голос. Ухоженный, холеный мужчина со светскими манерами, с подчеркнутыми оборотами и жестами барства. Наверное, стилисты ему поставили. И бородка в стиле «ваше благородие». Если будем сотрудничать, обязательно скажу ему, чтобы сбрил. Лишние детали не подчеркивают образ, а добавляют ему карикатурности.

Я поймала его любопытный и, кажется, одобрительный взгляд, провела в гостиную.

Мы выпили, произнесли по паре необходимых в Москве фраз — о погоде. И я подумала, что он, пожалуй, лучше, чем его голос по телефону, чем его фото и даже его продуманный образ.

Все это лишь скрывает непростую и достаточно сильную личность.

Вряд ли в его словах и внешних проявлениях есть хоть капля искренности. Так и я не Мальвина. Посмотрим, кто кого.

Разговор обо мне, моем опыте, прошлом напоминал переход по мелким, острым камням бурлящей реки.

Игорь реагировал на все спокойно, умел ловить намеки на то, о чем я не хотела прямо говорить. Ни

ужаса, ни удивления по поводу моей статьи и срока я в нем не заметила.

Меня точно не отвергли.

В качестве пробной работы он попросил меня написать текст от имени одного политика. Поскольку я в силу своих обстоятельств была не в курсе новых имен и приоритетов, он вытащил толстую папку материалов. Статьи, интервью, снимки, комментарии экспертов и пользователей соцсетей.

Политик был молод, с нормальным лицом и беспокойным, навязчивым взглядом.

Игорь следил за выражением моего лица, когда я читала тексты двух интервью, которые были сверху.

— Ну, что? Какой вывод? Что требуется для того, чтобы Костя приобрел симпатию, в идеале интерес интеллигентной и либерально настроенной публики? Именно она настроена по отношению к нему критично, даже категорично.

Я рассмеялась:

— Требуется совсем пустяк. Он не должен выглядеть, как козел. И если это его тексты, то нужно, чтобы он забыл все слова, которые узнал с детства. Допускаю, что он хороший человек, но ума нет. И чутья у его пиарщиков тоже. Все эти слащавые фото с семьей, детками, котом и на радостных народных гуляниях я бы истребила. И нужно что-то делать со взглядом. В нем ни намека на мысль. Наверное, проблема фо-

тографов и операторов. Я к тому, что ваш бюджет, наверное, позволяет из буратино делать мыслителей.

Сергеев долго молчал.

Я уточнила:

— Если я слишком категорична, если мое мнение ломает проект, давайте сразу остановимся. Продолжить в чужом ключе у меня не получится.

— Нет, — задумчиво ответил он. — Не остановимся. Во всем этом есть зерно. Давайте попробуем. Если получится — это уже платная работа.

И только когда мы прощались, я вспомнила, какой вопрос ему велел задать Сергей Кольцов.

— Игорь, просто из любопытства хотелось узнать. У вас наверняка тысячи соискателей. Неужели вы все предложения рассматриваете сами? Сам знакомитесь, выезжаете к таким закрытым людям, как я?

— Нет, разумеется, — улыбнулся он. — Я с этого и начинал — с набора группы, которая ищет и находит нужных людей. Там своя система: уровни, на каждом из которых отсеиваются кандидатуры предыдущего уровня. Это работает. Только моя группа по персоналу могла найти такого оригинального человека, как вы, Маргарита. А у вас есть еще потенциальные работодатели?

— Вы удивитесь, но они есть. С учетом обилия придурков, их полно.

— Ясно. Жду работу. Если устроит, поговорим о сотрудничестве детально.

После его ухода я переслала запись нашего разговора Сергею. Через полчаса он позвонил:

— Все о'кей. Я занимаюсь этой интересной группой поиска. Ты пиши текст для козла. До связи. У меня, кстати, есть новости по Боре Миронову.

Часть шестая
ОХОТНИКИ ИЛИ ЖЕРТВЫ

Глава 1
ИЛЛЮЗИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

Сергей был прав. Я расслабилась. Мне казалось, что мой организм универсален. Он сам, без моих осознанных усилий, выживал в условиях, категорически непригодных для выживания.

Под тонким, колючим, дурно пахнущим одеялом в спящем бараке для отверженных теплым ветерком прилетала картинка с горящим камином в доме родителей. В светлом лучике под плотно сжатыми веками текла прозрачная, чистая река, обнимала мои загорелые руки и ноги, нежно касалась обожженных глаз, иссушенных губ. А в бетонном, ледяном мешке карцера я однажды поймала забытый запах клубники, вкус арбуза.

Что говорить о чистой, красивой квартире, тишину которой могла нарушить только я и только хорошей музыкой.

По ночам тело будило меня неслыханным томлением блаженства и покоя. Обычная металлическая дверь без особых гарантий за тридцать пять тысяч казалась мне неприступной крепостью с башнями и орудиями для поражения врагов.

По утрам преодоление порога казалось мне самоубийственным подвигом. Открытием и спасением была возможность этого не делать.

И Бродский был мне в помощь:

Не выходи из комнаты, не совершай ошибку.
Зачем тебе Солнце, если ты куришь Шипку?
За дверью бессмысленно все, особенно — возглас счастья.
Только в уборную — и сразу же возвращайся.
Зачем выходить оттуда, куда вернешься вечером
таким же, каким ты был, тем более — изувеченным?..

Я уже вернулась настолько изувеченной, что не могу найти в себе неисковерканного, неперемолотого места.

Мозг — не исключение.

И где же прячется, живет моя маниакальная идея поиска правды и врагов? А она живет. И теперь, когда от боли не каждую минуту сводит зубы, когда нервы не сигналят бешено и не стягивают душу, как плети, мне кажется, что идея просто поселилась рядом. Она то ли советчик и подсказчик, то ли жестокий провокатор, ко-

торый ведет меня к беде, по сравнению с которой все, что было, может оказаться прогулками при луне.

А мгновение не останавливалось. А будущее приближалось.

Программист Вася сказал, что у него почти все получилось. Спасти ноутбуки, конечно, не удалось, но он сумел вытащить из них почти всю информацию. Как только закончит, приедет.

Сергей Кольцов вечером позвонил, что с утра приедет с докладом по Боре Миронову.

Я прождала его до двух часов дня, потом начала звонить, но телефон был вне доступа.

«Это оно», — заныла интуиция.

Что-то произошло, и, возможно, есть связь между нашими поисками.

Сережа позвонил в дверь в четыре часа дня.

— Извини, не хотел по телефону, да и не до того было. Короче, все было спокойно. Я встречался с Мироновым, наводил вокруг него справки, получал информацию, которую мы сможем сопоставить с тем, что добудет Вася из ноутбуков... Сегодня рано утром заехал к нему на квартиру для уточнения каких-то деталей. Кстати, он знал, что я общаюсь с ним просто как со свидетелем. На звонки он не открыл, по телефону тоже не отвечал. Консьержка сказала, что еще не выходил. Пришлось привлечь разные службы, вскрыли дверь. Парень висел на перекладине

собственного турника. На своем же ремне. Видимо, с ночи. Что-то типа посмертной записки на столе. Напечатана на компе.

— Самоубийство?

— Так написал в протоколе районный следователь. Но я попросил товарища из отдела по расследованию убийств, он прислал экспертов. Мы допускаем убийство. Земцов, заведующий отделом, взял дело.

— У Бори не было каких-то криминальных дел, связей? Чего-то не связанного с нами?

— Были какие-то не слишком законные способы добывания денег. Так у кого их нет? Надо искать.

— Сережа, какова вероятность того, что это — самоубийство или убийство — просто совпало с тем, что ты начал поиски по нашему делу?

— Если говорить честно, то совпадения — это последнее, во что я верю. Да, масса сомнений. У меня не сложилось впечатления, что парень слишком ранимый, что он склонен к депрессии. О нем мне говорили, что он по жизни достаточно угрюмый, но без видимых срывов. Какие-то махинации с недвижимостью, которыми он занимался в последнее время, по нормам нашего дикого бизнеса на криминал вообще не тянут.

— Ты допускаешь, что он испугался разоблачения как убийца Анатолия?

— Скажу иначе. Я допускаю, что сама поверхность забвения дрогнула с твоим возвращением. Шкурой чую: что-то происходит. Возможно, Миронов мог бы пролить свет. А это значило бы: он не убийца. И в таком случае он скорее всего убит. Что и покажет экспертиза.

В ту ночь я вспоминала этого парня, Таню, которая с ним разговаривала, улыбалась, Анатолия, который хмурился, заметив его куртку на вешалке в прихожей.

Воспоминания вновь терзали, кололи, впивались, мешали дышать. Иллюзия безопасности таяла в темной тишине. Казалось, утро начнется приказом:

— Соколовская, на выход.

Только это будет не вертухай.

Это может быть судьба, которая все гонит меня из норы и, возможно, из жизни.

Глава 2
«ОГОНЬ» — ПРИКАЗ ИЗ ПРОШЛОГО

Сережа сказал, что не верит в совпадения. А у меня они бывают.

Но, возможно, это просто события подчиняются одному приказу: «Стрелять по мишени на поражение».

У меня не получилось спокойно, в тишине одиночества обдумать первое тревожное событие моей свобо-

ды. Было бы время, я бы привела себя к нормальному выводу: все чужие беды, которые происходят рядом, не могут иметь ко мне отношение. И спокойно ждала бы своих результатов. Но времени не оказалось.

Ночью, ближе к рассвету, я, заставляя себя уснуть хотя бы на час, отключила телефон.

Утром на нем были два пропущенных звонка. Программист Вася и Игорь Сергеев.

Я тяжело задумалась.

Казалось, и выбора тут нет. Срочно звони Васе, встречай, слушай, рви душу, может, станет легче, необязательно убьет. Но меня парализовал страх. Самый отчаянный, постыдный, детский. Когда хочется закрыть глаза, заткнуть уши, забиться в угол и надеяться, что никто не найдет, что несчастья не смогут обрушиться на невидимку, что опасность постучится и уйдет, не заметив тебя.

Мысль о том, что Вася откроет мне послания и секреты самых близких, тех, кого мне никогда не найти на земле, — она превращала кровь в темный лед.

Да, именно так я ощущала леденящий страх. И я малодушно отодвинула встречу. Позвонила Васе, извинилась, сказала, что не дома, а на встрече. Но обязательно перезвоню, и мы встретимся.

И Сергееву что-то наплела насчет встречи. Но предложила прислать текст к вечеру из дома.

Он ответил:

— Нет, если не возражаете. Я заеду к вам, сначала прочитаю. Устроит — сохраню у себя своим способом. Не доверяю такие материалы рабочему компьютеру и имейлу. У нас большая конкуренция. Точнее, мы все шпионим друг за другом из разных соображений. При встрече объясню яснее.

Договорились на восемь часов вечера.

Два часа мне потребовалось, чтобы реанимировать собственное тело, заставить работать мозги. Потом я заново просмотрела материалы на политика Костю и сказала в его пустые глаза:

— А давай-ка я тебя сделаю, чтобы сам удивился. Чтобы на человека был похож.

И села за компьютер.

Мне бы хватило красноречия и образованности написать речь интеллигентного, думающего человека с высокой культурой общения, с потребностями и умением выразить свое чистое стремление ко всеобщей справедливости и только.

Так я понимаю идеал политика.

Но такая речь вязалась бы с образом Кости не больше, чем облик засушенной старой девы со шляпкой с кружевными полями и цветком.

Я так задумалась, что даже отвлеклась от своих жгучих проблем.

Был момент слабости, когда я чуть было не взяла телефон и не сказала Сергееву: «Извините, не могу я заниматься этим бредом: пытаться думать за какого-то дятла. Может, мне проще полы мыть в вашем офисе?»

И в тот момент мне это действительно казалось выходом.

Но я, конечно, сдержалась.

Вышла на кухню, достала из холодильника банку пива, которое стала держать на случай визитов Кольцова, выпила. В потеплевшей груди родилась тень решимости и даже удовольствия.

Я одна. Я у себя дома. Я прошла этот путь — от барака до своего компьютера. Что по сравнению с этим такой пустяк. Нужно всего лишь с чувством и вдохновением создать образ человека, который покажется неотразимым или в крайнем случае терпимым хотя бы четвертой части многочисленного, разного, в том числе умного и бестолкового населения. И чтобы этот образ сел на простоватого парня с бессмысленным взглядом, как костюм, сшитый талантливым кутюрье.

Я сделала ставку на искренность. На то, что у большинства политиков не вырвешь с пытками и не обнаружишь на рентгене. А мой Костик, портрет которого я поставила перед собой, наконец хлопнул подрисован-

ными ретушером глазами и посмотрел беспомощно, правдиво и отважно.

Он — не самый образованный человек. Он совсем не мыслитель и потому ищет поддержки у тех, кто обладает могучим интеллектом и знаниями. Он надеется на такую опору. Его идея, миссия, борьба, его судьба — тревога за всех. Он у меня бессилен унять свою рвущуюся из чистой, почти ребяческой души заботу о тех, до кого нет дела никому, кроме него...

У него сердце рвется из-за каждого ребенка, которого не на что оперировать. Из-за инвалида, забытого роботами казенных служб, запрограммированных лишь на получение собственной выгоды. И самое больное — преступники в законе, ворюги на государственных постах, которые счастливы возможностью вытирать ноги о законы. Он не может с этим смириться. Он будет искать и разоблачать.

Мой Костя так страдал, он так ликовал от того, что самые честные люди рядом с ним, он так рвался в бой за справедливость и был готов отдать свою молодую прекрасную жизнь... что я сама чуть не прослезилась.

Во мне есть внутренний редактор и критик.

Я уложилась в такое количество слов, которое и произнести можно на одном дыхании, и принять сразу, не цепляясь за лишние детали и подробности.

А эмоциональный отклик — мгновенный и неожиданный для любого, кто это услышит, — он неизбежен. Потому что текст дышит — чувством, волнением и добротой. Особой добротой, она готова обернуться жестокостью в защите попранных прав.

Я подмигнула Косте:

— Так-то, козел. А ты хотел ломом и нахрапом.

Игорь приехал минута в минуту. Мельком взглянул на меня, но я сразу поняла, что выгляжу сегодня не очень. Не спала, не ела, чуть умылась. Волосы даже не причесала, и халат, в котором я обычно возилась по хозяйству, неохота было сменить. Так он же не модель ищет для работы.

Он сразу сел к моему компьютеру. Увидел портрет Кости, прислоненный к стенке, рассмеялся. Прочитал текст. Какое-то время молчал. Потом спросил:

— У вас есть счет в каком-то банке?

— Есть.

Я назвала счет, на который папа перевел наш клад. Кое-что еще осталось.

Игорь вошел в сбербанк-онлайн и перевел сумму, от которой мне жарко стало. Настолько она показалась неадекватной по сравнению с той ерундой, которую я сделала.

Он посмотрел на мое растерянное и покрасневшее лицо, понял и произнес:

— Это не ерунда. У этого могут быть самые непредсказуемые последствия, даже перемены в стране. Я счастлив, Маргарита, что мы нашли друг друга. Могу надеяться на постоянное сотрудничество?

— Еще бы, — ответила я. — С утра было такое настроение, полы хотела мыть для заработка. Лишь бы не пользоваться ни головой, ни сердцем.

— Я мог бы что-то понять. Если захочется поделиться, если возникнут трудности, которые могут быть мне по плечу, буду очень рад. И давай на «ты». Хочется, чтобы мы стали друзьями.

— Конечно, Игорь. Так и будет. А сейчас прошу прощения, у меня серьезная встреча. Точнее, тяжелая. Спасибо за оценку и гонорар.

Сергеев достал планшет и отправил на него мой текст. Сказал, что это у него секретный ресурс, нигде не зарегистрированный.

Оказывается, вся эта бодяга с продвижениями политиков — такая борьба с такими ставками, что они все скрывают, как военные стратеги.

Ладно, учтем, какие бывают в жизни ценности.

Игорь обмолвился о суммах финансовых вливаний, крутых структурах и олигархах. Ставки как на скачках.

Мне бы их заботы. Я выпроводила его уже нетерпеливо.

Меня била дрожь. Я позвонила Васе и сказала, что жду.

Глава 3
ТАМ, ЗА ГОРИЗОНТОМ

Мы провели с Васей ночь, сидя за столом, плечом к плечу.

Мне нужен был именно такой проводник — уверенный, спокойный, безучастный, — чтобы преодолеть земное притяжение и оказаться там. В месте, которое больше не существует. Рядом с теми, к которым не прикоснуться.

Обилие материала — письма, документы, сохраненные ссылки, мелодии, фотографии, строки поиска — меня ошеломило.

Я потерялась и ни за что бы не нашла то, что требуется для ответов на конкретные вопросы.

Дело в том, что для меня важно было все. Какая мелодия больше всего нравилась моей девочке в последние дни. Какие книги читал онлайн мой муж.

От всего, от любого слова, картинки, ноты я проводила параллели к себе, к своей любви, к своим терзаниям.

Мое пронзительное открытие — все существует. Их нет, а их жизнь, радости и страдания есть. Пока жива я.

Вася деликатно помогал мне только в техническом плане, не мешая читать, смотреть, страдать, удивляться, радоваться, ужасаться, замирать в потрясении.

Он обладал невероятной способностью: казался функцией, а не живым человеком. Ни малейших помех и дискомфорта от его присутствия и того факта, что это свидетель всего, что я хочу скрыть от остального света.

Лишь на рассвете он предложил мне прерваться, попить кофе, передохнуть.

За столом на кухне он спросил у меня:

— Маргарита, что дальше? Как вы хотели бы продолжить?

— Понятия не имею, — беспомощно призналась я. — Мне кажется, я могу это читать годами и только теряться в том, с чем не могу справиться.

— Я подумал об этом, — произнес Вася. — И позволил себе перенести в отдельную папку то, что требуется, как мне показалось. Я имею в виду расследование Сергея.

Так я поняла, что Вася не техническая функция, а полноценный помощник в расследованиях опытного детектива. Так мы выплыли.

Отдельная папка в ноутбуке, куда Вася перенес весь материал, называлась «След».

Там были фрагменты переписки, записи в «документах», немного снимков из альбомов.

Какое тяжелое, болезненное узнавание самых близких людей. Какое резкое прозрение: я плохо знала их

и не стремилась к настоящей близости, когда она была возможна.

Они не знали и, вероятно, не хотели знать меня, быть ко мне ближе.

Ни за что и никогда не стану цитировать то, что я прочитала. То, что было тайной от меня, то стало тайной во мне.

Так выглядит моя жалкая, последняя преданность. Моя попытка быть достойной прощения за то, что в трудные минуты и в тягостных размышлениях самых родных людей я была рядом даже не как равнодушный свидетель. Просто как мебель.

Из записок Анатолия, которые в своем большинстве были обычными размышлениями педагога, Вася выделил и перенес в папку «След» то, что носило очень личный характер.

Да, Толя думал о том, как сохранить доверительные отношения с ребенком, отцом которого он не является. Как провести их сквозь те сложности и опасности, какие несет в себе превращение ребенка в женщину.

Это я так формально сформулировала то, что в деталях, словах и даже знаках препинания взрывало каждый мой нерв по очереди. Сколько стрел с отравленными наконечниками впились в мое сердце — это даже считать не имело смысла.

Я знала, что не долетевшие в эту ночь стрелы ждут своей очереди.

Скажу лишь по делу нашего расследования.

Да, Анатолий стал жертвой расцветающей прелести моей дочери. Он не устоял. Он справлялся из последних сил. До какой степени справлялся, до какого мига, — ответ на это мы искали в переписке Тани.

О ней я узнала уже не с острой болью, а с чувством обреченности.

У Тани была подруга и советчица, с которой она обсуждала все то, что безопаснее всего было бы обсуждать с матерью. Но она именно меня щадила, считала пострадавшей, не могла ранить своими признаниями.

Таня доверила очень многое чужому человеку.

Вот бейся сейчас головой об стенку. Почему ты не говорила ей сто раз на дню: никому не доверяй, прячь душу от посторонних, слишком любопытных!

Странная, непонятная переписка просто вопила: это западня. Здесь опасность.

Адресат в контактах значился просто «Тома». Так Таня к ней и обращалась. Но многое в тексте указывало на то, что между ними большая разница в возрасте.

Таня то и дело сбивалась с «ты» на «вы», ее тон был неуверенным, вопрошающим, как дети говорят со взрослыми.

И наоборот, Тома отвечала убежденно, с примерами из жизни, задавала цепкие вопросы, щедро дарила советы, какие может дать только взрослая женщина.

Дело еще и в том, что в классе Тани не было ни одной Тамары. Была одна классом старше, но я хорошо знала эту тихую, близорукую отличницу, которая постоянно падала от усталости из-за зубрежки. Это точно не она переписывалась с Таней. Что легко проверить. Не было и преподавательницы с таким именем, насколько я помню.

Мы с Васей нашли в документах Анатолия списки всех учеников и педколлектива. Были какие-то Тамары, я вспоминала их, но никого не могла связать с текстами из почты Тани.

Вася уехал поздним утром, а я все оставалась среди завалов разрушенной жизни. Искала там следы жертв и врагов.

Днем позвонил Сергей, спросил, как у меня дела.

— Вася отчитался. Есть материал для нас обоих. И у Анатолия, и у Тани. Мы застряли на переписке дочери с контактом «Тома», я никак не могу понять, кто это. Все списки Анатолия перелопатила... Подожди. Вот прямо сейчас осенило. Записи Анатолия оборвались месяца за два до гибели. Видимо, тяжелое было настроение, не до записей. А переписка Тани началась именно в этот период. И я вспомнила. В колледж пришла новая медсестра в медпункт. Ее зовут Тамара. Фамилия Сотникова. И это, возможно, она. Это такая разбитная, любопытная бабенка. Довольно умелая. Таня могла к ней обратиться

с проблемой здоровья, или она сама что-то заметила и предложила помощь.

— Отлично. Скажу Васе, чтобы пробил электронный адрес, дальше я займусь. А тебе совет и почти приказ. Оторвись. У тебя уже язык заплетается. Выпей чего-то и поспи. Как, кстати, политик?

— Работодателю понравилось то, что я для него написала. Даже заплатил.

— Горжусь тобой. Проверка работодателя и его группы поиска в силе.

Часть седьмая
НАШЕСТВИЕ ОТКРЫТИЙ

Глава 1
ДЕЛО МИРОНОВА

Экспертиза пришла к ожидаемому выводу: Борис Миронов был убит.

Поскольку следа взлома не было, не было и борьбы, логично предположить, что он сам открыл дверь убийце. Наверняка знал его, потому что в желудке обнаружили довольно большое количество спиртного и фенобарбитала, какая-то еда.

Он с кем-то выпивал, ужинал, в его бокал кто-то добавил снотворное. Затем полусонного оглушили ударом чего-то тяжелого по голове и повесили на собственном ремне.

Человек, который это сделал, должен был обладать большой силой. Или он был не один. Записку, которую районная полиция решила считать «посмертной», была напечатана на компьютере Бориса и выведена на его принтере.

В ней было четыре слова: «Я больше не могу». Отпечатков пальцев другого человека в квартире не обнаружили. Видимо, преступник был в перчатках. Бутылки от спиртного тоже не нашли. Все бокалы были вымыты.

То есть убийца не особенно надеялся на то, что останется версия самоубийства, и тщательно уничтожил улики. Что и стало одной из главных улик.

Человек, который хочет убить себя, может выпить, допустим, даже вместе со снотворным, чтобы притупить страх. Но он перед этим не станет выносить мусор и тщательно мыть посуду. И вряд ли станет заморачиваться с принтером ради короткой фразы. На столе есть бумага и ручка.

Ну, то, что самоубийца не ударится затылком до серьезной гематомы и, возможно, потери сознания перед тем, как повеситься, даже не обсуждается.

Следователи работали с кругом знакомых Миронова, опрашивали соседей, всех, с кем он был в деловых контактах. Вася колдовал над его компьютером.

А мы с Сергеем и Васей искали подсказки с того света. Изучали папку «След», а в ней все, что было связано с не очень удачливым кавалером моей дочери.

Анатолий упоминал о нем и Тане в качестве примера в своих размышлениях о половом созревании подростков, об опасностях, которые возникнут в жизни взрослеющего человека, когда он встретится с таким

мощным взрывом эмоций и физиологии, каким может стать только секс. Разумеется, эти размышления исключительно для основы будущих работ, в которых имен и родственных связей не может быть.

Дальше обычные советы и нравоучения педагога, адресованные главным образом педагогам. Он всегда долго и тщательно готовился к выступлениям и публикациям. Серьезно думал о диссертации, но все времени не было.

А в записках только и очень для себя он писал об отношениях Тани с новым поклонником Борей Мироновым. Так человек, знающий силу слова, пытается объясниться с собственными чувствами, взять хоть что-то под контроль логики. Усмирить целительным видом и звуком слов — детей чистого разума — даже такие неукротимые силы, как ревность и страсть.

Разница в тоне и стиле общих рассуждений и этого конкретного случая была очевидна. Толя писал о Тане самому себе и делился только с собой раздражением и гневом, жаловался себе.

Его падчерица, чьей нежностью и прелестью он восхищался с робостью и тоской взрослого опытного мужчины, который не справляется со своим желанием и боится его выдать, — вот этот идеал безмятежно флиртует с другим. С парнем, который значительно старше ее, знает, чего хочет, и явно обладает мужским опытом.

Это была ревность, разумеется.

Именно она заставила Анатолия, человека с аналитическим умом, выстраивать ряд обстоятельств и характеристик, которые помогли бы сделать верный вывод. Он очень хотел остаться справедливым.

Анатолий писал, что Миронов неглуп, обладает своеобразной внешней привлекательностью. Но это притягательность грубой силы, с какой часто взрослые женщины не могут справиться, поддавшись соблазну.

Для неопытной, ранимой девочки, не очень крепкого здоровья — это опасность, западня. Он приводил такие факты. До знакомства с Таней на одном из школьных вечеров Миронов встречался с ученицей выпускного класса нашего колледжа Надей Павловой. Их отношения не оставляли сомнений. Что и подтвердил плановый медосмотр: Павлова не была девственницей.

Дальше была такая неожиданная мысль: Анатолий точно знал, что Павлова достаточно порочное существо. Из чего делал вывод о том, что Миронову просто надоела партнерша, равная ему по степени порочности. Он выбрал Таню по контрасту. Ему нужна была красивая игрушка, жертва.

— Ты знаешь эту Павлову? — спросил Сергей.

— Да. Сейчас, прочитав откровения мужа, я очень хорошо ее вспомнила. Очень высокая, худая девушка с бледным лицом и действительно странным взглядом. В нем было что-то навязчивое и бесстыдное.

— А что ты думаешь о словах «точно знаю, что это порочное существо»?

— Понятия не имею. Но могу предположить, что эта Павлова, как, впрочем, и многие другие, пыталась кокетничать с Анатолием. Он пользовался успехом и у учительниц, и у учениц.

— У него могли быть какие-то записки, электронные письма от поклонниц?

— Вообще-то да. Телефон Толи и его электронный адрес были на табличке, которая висела на двери кабинета. Он любил подчеркивать, что доступен для каждого коллеги и ученика в любое время суток, если случится что-то серьезное.

— Ты не смотрела почту?

— Все письма, конечно, нет. Только то, что Вася выделил в папку «След».

— Поищи письма от учениц. Вдруг... По крайней мере, возможен второй пристрастный свидетель. Первым был Миронов, если он не был убийцей.

Глава 2
НАДЯ ПАВЛОВА

Странно: я как будто отодвинула само понятие «смерть» этими поисками.

Мне больше не хотелось оставить, забыть, похоронить события и детали, которые сопровождали пере-

живания ушедших близких. Это все перестало быть только их достоянием и тайной.

Я не произносила мысли вслух, но мне все больше казалось, что многое так или иначе имеет отношение ко мне.

В один из вечеров Сергей Кольцов приехал и, не раздеваясь, остался стоять в прихожей.

— Марго, у меня предложение. Накинь на себя какую-то человеческую одежду, желательно женскую — не халат и не брюки, — и давай поужинаем в нормальном месте. Там люди просто отдыхают, едят, пьют, смеются. И никто не охотится за призраками, и никого не пугают письма с того света. Я к тому, что тебя уже качает, взгляд отсутствующий. А твои котлеты из мерзлых пакетов внушают мне ужас, как притаившиеся гады. Это не питательно. Это не вкусно. Это даже не забавно. Собирайся.

В маленьком ресторанчике было тепло, уютно и красиво.

Сережа заказал хорошее вино и какое-то сложное блюдо, причудливо украшенное.

Я узнала в нем только креветки, грибы, очень вкусный сыр.

Впервые за последние дни почувствовала голод.

Действительно, какой ужас эти котлеты, которыми я забила морозилку, чтобы иметь возможность не выходить как минимум пару месяцев.

Людей было мало, они все казались нарядными и беспечными.

Я поймала себя на том, что смотрю на них с тоской и завистью.

Я допустила, что для кого-то существует жизнь простая и легкая, запланированная на покой, удовольствия, ожидание лучшего.

Смешно: мы с Сережей сейчас тоже смотримся на все сто. Он, эффектный, голубоглазый блондин, элегантный в простых брюках и свитере. Я — в трикотажном черном, облегающем платье, с подкрашенными ресницами, которые всегда делают мои глаза глубокими, таинственными, как поверхность зеленого озера. Так говорил Анатолий. И в губах под золотистой помадой, наверное, кто-то сейчас видит спрятанную улыбку, превосходство, соблазнительную тайну.

— Каждый раз поражаюсь твоей необычной внешности, — сказал Сергей. — Экзотика и благородство, как говорится, в одном флаконе. Интересные гены.

— Да. Сейчас лень перечислять, сколько всего было в моей прабабке — восток, запад, короли и бродяги, богачи и нищие. Древний род. Никогда не было времени, чтобы его изучить.

Мы пили, ели, даже смеялись над историями частного сыска, который заводит в самые неожиданные и нелепые дебри человеческих проявлений.

Я постоянно ловила на себе чьи-то любопытные взгляды. И в какой-то момент сказала себе: «Господи, Соколовская, да успокойся же ты наконец. И пойми, что ты на свободе. Сама пришла, сама уйдешь, когда захочешь. Захочешь — напейся вусмерть, твой частный сыщик тебя доставит домой. К тебе домой!»

— Маргарита, — вдруг осторожно, но очень серьезно произнес Сережа. — Ты никогда не чувствовала угрозы, которая была бы адресована именно тебе? Чья-то корысть, зависть, вражда, месть? Настолько сильные, чтобы лишать тебя семьи, свободы, чего-то еще, о чем мы пока можем не знать?

— Я только ее и чувствую с определенных пор, но я вижу немного не так. Не адресована мне, а просто я попала в ее поток. Под шквал опасности, преступлений, и да, они, наверное, не закончились.

— Это мистика. Я о фактах и логике. Понимаешь, иногда человека ненавидят настолько сильно, что его мало просто убить. Преступнику требуются долгие страдания жертвы. Не подходит под твой случай? Или это не месть, а какой-то сложный расчет. Прошу прощения, твой отец — богатый человек? Ты — единственная наследница? Нет претендентов на его недвижимость, состояние, к примеру?

— Папа мог быть таким, но он считал своим долгом сразу тратить все, что зарабатывал. Я тебе рас-

сказывала, откуда взялась сумма, на которую я купила квартиру. Дом у отца нормальный, недорогой. Его коллекции имеют ценность только для него. Родственники по его линии только далекие, я с ними даже не знакома. Они не поддерживали связь. Нет, тут мимо.

— Я бы не был столь категоричен. Недавно один парнишка двадцати пяти лет из нормально обеспеченной семьи заказал убийство всех своих родственников — отца, матери, младших братика и сестрички. Отец почувствовал за собой слежку, подумал, что конкуренты, нанял меня. Короче, мы поставили охрану, устроили засаду, взяли непрофессионального киллера, который и сдал заказчика. Так что уродов много. Но не будем о грустном. Что-то узнала о Наде Павловой?

— Да, не успела сегодня тебе рассказать. В почте Анатолия есть от нее письма. Они провокационные, как будто она его чем-то шантажирует. Требует встреч. Мне показалось, Толя допустил ошибку: у них что-то было.

— Понятно. Мне одному поехать к ней на встречу?

— Я бы, конечно, хотела это слышать. Но, боюсь, при мне она не будет откровенной. Я ведь тоже ее учительница.

— Тогда так. Договариваюсь с ней один, постараюсь все записать на видео, ты посмотришь. И решим,

нужна ли ты для усиления эмоций. Если там есть невроз, маниакальность, то вид жены объекта может вызвать нужный эффект.

Ночью я спала крепко, без снов, вырвавшись наконец из паутины мыслей, каждая из которых вела в тупик.

Утром перечитала переписку Нади с Анатолием, рассмотрела фото на ее аватарке, вспомнила эту девицу очень остро.

Кожей вспомнила, если так бывает, исходившую от нее недоброжелательность.

Нет, не именно по отношению ко мне. Есть женщины, которые считают соперницами всех остальных существ женского пола. Таким нужны постоянные подтверждения своей неочевидной привлекательности, победы над собственными комплексами, завоевание чужого.

Она могла ненавидеть мою прелестную Таню, которая стала ее двойной соперницей.

На следующий день Сергей прислал мне видео их встречи.

Надя из странной, неприятной девушки превратилась в демонстративно неприятную женщину без возраста.

Тот же враждебный, немигающий взгляд, отяжелевшее лицо, грубые носогубные складки, как застывшее выражение недоверия и презрения ко всем.

Она отвечала на вопросы четко, холодно, достаточно цинично. Она подтвердила тот факт, что была любовницей Миронова, когда училась в школе. Рассказала, что, когда он ее бросил, она хотела покончить с собой. Приняла большое количество снотворного. И сразу испугалась. А позвонила не в «Скорую», а директору колледжа, телефон которого был у всех. Ее мать постоянно живет в деревне, в московской квартире она одна. Анатолий приехал сразу, был поздний вечер. Вызвал врача, ей помогли. Он посидел с ней. Обещал никому не рассказывать. На следующий день заехал проведать.

— Мы не устояли перед нашей страстью, — сказала эта тварь.

— В таком случае давай уточним, для правдивости картины. Ты продумала весь сценарий? Выпила не очень много снотворного? Ты просто решила поймать этого мужика?

— А если да? В чем преступление? Если бы Анатолий Васильевич так сильно любил свою жену, у меня бы ничего не вышло, так?

— Ты считаешь, он в тебя влюбился?

— Конечно. Женщина всегда знает. А потом он не хотел со мной встречаться, потому что боялся своих баб. Эта Маргарита такая вся самовлюбленная, как

будто весь свет ей обязан. А Танька такая же, как мать, была: хватала все, что видит. И Борю моего тоже.

На этом месте я вырубила видео. Чудом не разбила компьютер о пол.

Мне захотелось оказаться с наглой мразью в бараке, где можно подстеречь врага, схватить за горло и бить головой о стену, пока тебя не затащат в изолятор.

Глава 3
ПОРТРЕТ ПРАБАБКИ

Мне хватило ума и осторожности не рваться к Павловой, не требовать признаний, подробностей. Не заставлять ее изливаться в ненависти ко мне и, главное, к Тане. Не давить, не провоцировать, не угрожать, не выбивать силой.

Да, всего этого хотелось. Но лишь для того, чтобы выплеснуть собственный гнев. Для того чтобы получить от этого хитрого, лживого и циничного существа хоть какую-то правду, нужно было отсутствие эмоций. Нужен был опыт Сергея, который умеет видеть в человеке всего лишь дверь с замком разной сложности.

Нет ключа — он использует отмычку. И объект ахнуть не успеет, как он проникнет дальше сказанного,

туда, где рождаются замыслы, планы, самые безумные идеи.

Если Сергею понадобится, он устроит нам встречу, точно зная, чего хочет этим добиться. А пока мы решили, что самое время мне вырваться из плена событий прошлого. Он становится слишком горячим, болезненным, почти нестерпимым.

И я поехала к папе. В наш дом, в котором отовсюду смотрит на меня детство. А в теплом воздухе все еще звучат два родных и молодых голоса — мамы и папы, когда смерть их еще не разлучила.

Мама всегда пела мне на ночь, папа часто рассказывал смешные истории собственного авторства.

Мама ушла от нас очень рано, мне не было четырнадцати. А папа с тех пор стал хранителем.

Мне кажется, он жизнь свою посвятил тому, чтобы дом не умер. Чтобы жила его атмосфера полной семьи. Воздух любви. Заколдованное пространство, из которого никто не уходит совсем.

Пару дней я отсыпалась. Сладко тонула в теплом, бездумном забытье ночью и днем. Просыпалась и шла на вкусный запах из кухни.

Папа каждый день готовил завтраки, ужины и полный обед из трех блюд. Как всегда делала мама.

Однажды мы с ним пили чай с пирогами на теплой террасе, смотрели на высокие ели под пухом легкого

блестящего снега. И я задала вопрос, который интересовал Сергея:

— Папа, я много лет ничего не слышала о твоих родственниках. У тебя ведь была дальняя тетя с сыном. Помню, ты иногда им что-то посылал к праздникам, они нас поздравляли с Новым годом.

— Да. Антонина с Валерой. Они жили в Магадане. Мы не встречались даже не из-за расстояния. Просто никогда ни в чем не сходились, раздражались, спорили. Знаешь, даже между более близкими людьми бывают и социальная ненависть, и гражданская война. Что-то такое я всегда чувствовал с их стороны. Но все в прошлом. И это тоже. Тетя Тоня умерла лет десять назад, я, наверное, тебе и не сообщил. Не ездил на похороны, только послал Валере деньги. А года два назад — ты как раз была в СИЗО — мне сообщили, что Валера в нетрезвом виде попал в ДТП. Погиб. Так закончилась моя родня.

— Печально. Но я сейчас думаю, чувствую, просто впитываю из воздуха счастливое понимание: как хорошо, что мы есть друг у друга. Как хорошо, что мы близкие люди не по свидетельствам о рождении. По всему. По мыслям, реакциям, вкусам и даже очень похожим тараканам. Ты, как и я, любишь только свою нору. Только тех, кого когда-то выбрал. Веришь только своей совести. И верен лишь своей любви.

— Примерно так. Ты знаешь, я совсем забыл тебе рассказать. Когда ты была в заключении, меня нашел один человек. Представился гражданином Испании Иваном Сердюком, эмигрантом из России. Он — поверенный в делах Изабеллы Ляндрес, тетки твоей матери. Она одна из трех дочерей той самой твоей прабабушки Маргариты, на которую ты так похожа. В живых из троих осталась только она. Может, ты даже ее и запомнила. Она приезжала к нам, когда ты была маленькой, лет пять, кажется. Мы с мамой ее не очень впечатлили, очень высокомерная оказалась дамочка. А от тебя она пришла в восторг. Говорила, что ты самый красивый ребенок, какого она видела, и что ты точно достойная правнучка прекрасной Маргариты. После этого она несколько раз присылала посылки с нарядами для тебя. После смерти твоей мамы связь оборвалась. Я не думал, что она жива. Но этот поверенный сказал, что жива, что ей исполнился сто один год и она собирается упомянуть тебя в завещании. Не сказал, о какой сумме или вещи речь. Он и приехал, чтобы узнать, жива ли ты, где, есть ли у тебя семья и все такое. Он на тебя не выходил?

— Обалдеть, что за история. Нет, вроде не искал. Хотя я вообще-то только на днях зарегистрировалась по новому адресу. А местонахождение заключенных

вряд ли открывают иностранцам. Испанскую гостью из детства я запомнила. Она мне обещала подарить красивую золотую булавку с коралловой розочкой. Я тогда долго ждала посылку. Папа, а я только сейчас вспомнила. Ты мне как-то сказал, что достал портрет прабабки Маргариты, купил у коллекционера за сумасшедшие деньги. Но у меня как раз начались проблемы, я даже не посмотрела. Он есть?

— Конечно. Не всем экспертам кажется, что это шедевр живописи. Может, совсем нет. Неизвестный испанский художник, писал по заказу. Но я влюблен в этот портрет. Пойдем, посмотришь — поймешь.

Картина в папиной галерее висела на стене без окон, под красивым бра — черным с золотом. Она была небольшой, в темных тонах, характерных для испанской живописи.

Папа зажег свет — и я замерла.

Я как будто в темное зеркало заглянула. Невероятное впечатление.

Женщина в старинном, закрытом черном платье, с поднятыми в высокий узел волосами смотрела на меня моими глазами. В губах прятала мое выражение, мою тайну, горечь, страсть.

Маргарита...

Заморская тень даже не моего прошлого. Путешественница в веках. Вот и встретились.

Ты, такая гордая и величественная дама, и я, простая и ласковая Ита, независимая и свободная Маргарита, попадающая во все ловушки Марго, которая вот прямо сейчас с острой болью выбирается из кожи Соколовской из барака. И мы все осиротели, все потеряли и обрели вот этот портрет.

Намек на бессмертие.

Часть восьмая
СЛЕДЫ

Глава 1
У СТЕН ЕСТЬ УШИ

Сережа прислал мне видео разговора совершенно неожиданного свидетеля.

Таисия Петрова, уборщица колледжа. Тихая, незаметная тетя Тася, она везде, ее никто не замечает.

У меня никогда не хватило бы сообразительности поинтересоваться, что она знает о моей семье, что видела. А он ее разговорил. Именно потому, что она везде и незаметная.

Я даже не уверена, что слышала раньше ее голос. И вот она рассказывает. Спокойно так, неторопливо.

Они сидят в холле под лампой, уже явно вечер, все разошлись.

Тете Тасе даже приятно поговорить. Собеседник появился в кои-то веки.

— Анатолий Васильевич был хороший человек. Уважительный, не придирчивый, не жадный. Уму непости-

жимо, как его можно было убить. Я не сильно верю в то, что это сделала Маргарита. Она другая, бывала резкой, с людьми не то что не ладила. Просто не хотела ладить. Говорили, что она взяла на себя вину дочери. Ну, в это мне еще труднее поверить, что Таня могла. Она нежный ребенок. Хотя отношения девочки с отчимом были сложные.

— Вы имеете в виду что-то конкретное?

— Что видела. Не раз.

— Можете привести пример?

— Да хоть такой. Точно видела только я. Время было как сейчас, все уже ушли. В кабинете сидел еще только Анатолий Васильевич, а Таня ушла с девочками после какого-то факультатива. Я убираю, и вдруг она возвращается. Ведет собаку за ошейник! Знаете, такую, коротколапую, как у английской королевы. Только грязную, в крови, вроде больную. Оставила ее рядом со мной, сама открыла дверь в кабинет и кричит отчиму: «Толя, помоги быстро. Тут собачка потерялась, и ее, наверное, ранили. Надо отвезти, чтобы ее полечили, а потом к нам домой». Ну, Анатолий Васильевич спокойно так вышел, посмотрел и объясняет. Мы отвезем собаку в клинику. И там оставим. О том, чтобы домой, не может быть и речи. Говорит, по каким причинам, я уже не помню. Короче, стали они ссориться. Больше Таня, конечно. Он голос не повышал. А она, точно помню, — она кричала со слезами: «Ты мне на-

доел! Ты против всего и всех, кто мне нравится. Ты во все лезешь. Ты висишь надо мной — и в школе, и дома. Я хочу, чтобы ты ушел от нас! Я хочу жить с мамой и этой собакой. У тебя же есть еще какая-то квартира. Уходи!» Вот так она кричала. Потом схватила собаку и выбежала. Он стоял такой белый, смотрит перед собой и вроде ничего не видит. Потом тихо сказал: «Боже». Ушел к себе. Я была до ночи там. А он так и не выходил.

Вот такую историю я узнала.

В правдивости источника сомневаться невозможно. Но как же это могло быть? Как же я могла быть настолько слепой курицей? Я не видела этого напряжения.

Что-то чувствовала, но не в такой степени.

Таня хотела, чтобы он ушел? Он висел над ней? Он мешал ей жить и дышать?

Я набрала номер:

— Сережа, ты допускаешь, что это могла сделать Таня? Теперь ты допускаешь?

— Успокойся, Марго. Ты просто хотела правду. Теперь придется с ней справляться. Да, многое, если не все, может оказаться совсем не тем, что ты видела, что себе представляла. Да, во время любого следствия подозреваются все. Я даже твою невиновность просчитывал по секундам, метрам, изучал экспертизу и протокол под лупой. Так мы работаем? Заметь, все можно

бросить на любом этапе. Если... Если мы не увидим прямой угрозы твоей жизни. Что не исключено. Но ты и тогда можешь выйти из дела. Я продолжу.

— Конечно, работаем. Но...

— Да, повторю в сотый раз. Если что, я могила.

Ночью я вылила в рюмку пузырек каких-то сердечных капель и залпом выпила.

Дело в том, что о такой сцене, какую наблюдала тетя Тася, можно думать только днем. С дневными, ясными и умытыми мозгами.

Ночью все воспалится, и полезут демоны страшных догадок. А ведь ничего особенного не произошло.

По такому поводу могли поссориться любые отец и дочь. Даже родные. И нервный подросток мог бы кричать именно это: хочу с мамой и собакой.

Да, ничего особенного. Кроме Анатолия у стола с ножом в груди. Кроме онемевшей от ужаса Тани.

Я знаю, каким жгучим и больным бывает прилив ненависти у ребенка. И этот прилив вполне может стать приступом любви в следующий момент. Если для следующего момента будет в жизни место.

Я провалилась в тесный и тягучий сон, из которого никак не могла выбраться.

Разбудил меня собственный крик: «Оставь нас. Уходи! Мы с тобой не можем дышать. У тебя же есть старая квартира!»

Вскочила в поту, колени дрожат.

Я, бывшая учительница, осиротевшая мать, овдовевшая жена, была раздавлена собственной беспомощностью.

Все самые простые и самые сложные методики, советы, знания жалко свернулись, как мертвые листья, вокруг меня.

Этот нелепый опыт, который может понадобиться в одном случае: если все живы. Этот бессмысленный опыт.

Я постоянно недооцениваю свою нищету, свою обездоленность.

Только ничего не говорить Сергею, чтобы, не дай бог, не стал меня щадить.

Я пройду по острым гвоздям своего первого и главного исследования в жизни. Я узнаю все.

Глава 2
РОЗА МОЕЙ СВОБОДЫ

Я совсем забыла о том, что у меня фактически есть работа. О том, что я подписалась создавать образ борца за народное счастье. И это моя идея — сделать ставку на уникальную пленительность. На тонкую и неотразимую смесь ребяческой робости, интеллектуальной неуверенности новичка и почти безумную отвагу спасителя по призванию, готового в любой момент

встать на путь камикадзе, если того потребует чужая беда.

Мне об этом напомнил Игорь Сергеев, который тактично выдерживал время, видимо, ожидая проявления моей заинтересованности в продолжении сотрудничества.

Он позвонил утром;

— Здравствуйте, Маргарита. Я дал вам время на размышления и теперь хотел бы узнать: вы хотите работать у меня на постоянной основе, с оформлением? Если да, то я объявляю испытательный срок успешно завершенным.

— Конечно, — воскликнула я с фальшивым энтузиазмом. — Разумеется, я размышляла и вот как раз хотела позвонить. Я согласна, мне это интересно, меня все устраивает, особенно свободный режим.

— Должен сразу заметить, что после подписания контракта свободный режим может оказаться свободой работать любое количество времени и в любое время суток. У нас бывают авралы, связанные с политическими событиями, выборами, серьезными заказами.

— Этого я точно не боюсь. Мне приехать для подписания к вам?

— Мы, кажется, перешли на «ты», на дружеское, откровенное общение. В договоре будет пункт и о сохранении тайн — конфиденциальной информации, личных данных объектов и заказчиков, сведений

о спонсорах. Общие тайны — они сближают. Наш коллектив — это общность друзей и сообщников. В хорошем смысле. У меня такое предложение. Не нарушать твой особый режим и статус самого креативного автора. Продолжай общаться с портретом у компа, раз тебе так комфортно. А я заеду с документами вечером, ты не против?

— Конечно, нет, наоборот, — ответила я с меньшим энтузиазмом и по-прежнему без всякой искренности.

Игорь назвал время, я отложила телефон со смешанным чувством.

Вроде бы и дело сделано, и работа есть на моих условиях. Но я бы обошлась и без этого «ты», и без обильных уверений в дружбе от незнакомого, в общем, человека.

Да и третья по счету встреча у меня дома вечером — это не навязчивость?

Если задать эти вопросы Сергею как консультанту, он, конечно, скажет: «Не вздумай отказываться. Может, он на тебя и запал, может, ты показалась ему гениальной, — все это возможно. Но нас интересуют только подозреваемые. Твое дело — колоть объект, мое — следить».

Я так ясно услышала его голос, увидела выражение глаз борзой на охоте, что рассмеялась.

И позвонила. Все рассказала.

— Отлично, — сказал Сергей. — Процесс пошел. Причем у нас параллельно. Я как раз по рекомендации еду узнавать, кого и на каких условиях принимают в группу отбора персонала в агентстве Сергеева. Тоже собираюсь войти с сотрудниками в неформальный, дружеский контакт. Раз там все такие дружелюбные. Оба пишем диалоги, обмениваемся, думаем. Да, Марго, я в смысле деликатности тоже незаменим. Сергеев — мужик интересный, ты красавица, короче, жизнь никто не отменял. Даже не поинтересуюсь.

— Придурок. — Я уже хохотала до слез. — Ты можешь ничего не говорить, я слышу тебя без слов и на расстоянии, такой ты предсказуемый частник. Впрочем, последнее предположение — экзотика сухой, но нежной ментовской души. Спасибо за радужные надежды.

Не анализирую свои мотивы, но к вечеру я готовилась. Даже съездила на маникюр-педикюр. Приняла ванну с пеной и отдушками. Волосы тщательно вымыла, расчесала просто щеткой, а уложила ладонями, они так красивее и естественнее всего лежат. Обнимают голову мягким и теплым каштаново-золотистым облаком.

Когда приводила в порядок лицо, мне казалось, что я освежаю краски на том темном испанском портрете. Наши одинаковые глаза засветились томительной надеждой.

Все средства хороши, чтобы вернуться в облик, в границы и порядок Маргариты, той самой, в венах которой течет и свободная, страстная испанская кровь.

Деловой костюм и нарядные платья я вновь отвергла. Выбрала просто другой балахон, на этот раз цвета чайной розы. На стол поставила красное вино и фрукты. Нормальная обстановка для заключения официального контракта о платном сотрудничестве и выражения неформальной дружбы.

С богом!

Даже если, к радости Сережи, я вместо честного работодателя и галантного поклонника получу коварного преступника. Для записи нашего тайного разговора мне нужно было только нажать кнопку под салфеткой.

Звонок в дверь раздался точно в назначенное время.

Игорь вошел, серьезный и собранный, как обычно. Но я уловила легкую тень неуверенности в его небольших, светлых, довольно красивых глазах.

В руках он держал одну, крупную розу, чудо из бархатных лепестков темно-фиолетового цвета.

Я не сдержала восхищенного вздоха, а он легко прижал меня к себе. Почти по-дружески. И сразу отпустил.

Мы прошли в гостиную. Он сразу разложил документы.

Я подписывала, особенно не вчитываясь. Сумма ежемесячного оклада впечатлила. Вознаграждения за качество, за видимый успех — тем более.

Потом мы пили вино, ели фрукты, болтали обо всем и ни о чем.

Он очень тактично коснулся моего несчастья, произнес, как будто нечаянно вырвалось:

— Пока не увидишь настоящей беды, вот как у тебя, — можно считать проблемами и даже бедами любые сложности личной жизни. Нет, у меня ничего такого особенного. Все даже слишком обычно. Женат, брак династический по нашим понятиям. Серьезный дипломат выбрал меня для своей дочери. У меня не было ни причин, ни желания отказываться. Наоборот, был польщен. Эльвира — интересная женщина, умный и образованный человек, хороший партнер по жизни. У нас ровные, честные отношения. И нет любви. Того самого элементарного притяжения, на котором и держится союз мужчины и женщины, а не партнеров. В каком-то смысле даже хорошо. Нет лишних эмоций. Но иногда такая тоска. Вот как сейчас, когда я вижу такую прелестную, такую необыкновенную женщину, о какой не позволю себе даже мечтать.

Я нажала кнопку «выключить» под салфеткой.

Нет, мы не стали любовниками в тот вечер. Но мы приблизились к этому предельно близко.

Я не позволила себе окончательного горячего безумия за секунду до него. Даже не прошу понимания. Чего тут не понять? Больше двух лет иссушающего, бесконечного отчаяния. И все это в клетке и под надзором. Истукан «отрядник», отвращение к которому едва не убедило меня, что на сексе крест. Что желания женщины навсегда покинули мое истерзанное тело и полуживую душу.

Игорь ушел после полуночи. Крепко прижал меня на прощание и глубоко заглянул в глаза, как будто задавая безмолвный вопрос и заставляя ответить.

Я мягко вывернулась, закрыла за ним дверь. Вошла в комнату, прижала к губам первую розу своей свободы. И включила запись. Хотела убрать последнее откровение Игоря, перед тем как отправить Сергею. И тут же передумала. Отправила целиком. Тут же пришел ответ:

«Ок. Умница. Интересный объект. Особенно в части жены. Спасибо. Займусь. Кстати, у меня тоже кое-что есть. Я сейчас не один, на кухне сидит товарищ из группы по отбору персонала. До кондиции осталось немного. Это он выбрал тебя. До завтра».

И мысли сразу полетели в другом направлении. А тело все отказывалось остывать до нормальной температуры.

Скотина все-таки этот Кольцов.

Его миссия — облом всякой романтики. Для того и наняла. Теперь могу расплатиться за работу. И это неловкое понимание того, что он в деталях представил себе все, после того как я выключила запись. Даже раскидал на время — от выключения до отправки ему.

Да пошел ты. В конце-то концов. Я никогда и ни за что не теряю цели.

Глава 3
ЖИЛЕТКА ДЛЯ СЛЕЗ ПАДЧЕРИЦЫ

Когда Кольцов на следующий день приехал ко мне, у него было такое выражение на почти торжественном лице не отвлекающегося на пустяки профессионала, что не оставалось никаких сомнений: он со своим живым и натуралистичным воображением мысленно разглядывает мое вчерашнее свидание в деталях.

И мне хотелось сделать две вещи.

Сначала хлопнуть кухонной тряпкой по наглой роже, потом рассказать все самой, выделяя именно забавные моменты, о которых вспомнила с утра.

Как Игорь почтительно привстал над стулом, давая практически деловую характеристику своей высокородной жене.

Как во время самых страстных порывов он умудрялся произнести: «прошу прощения», «если ты не

против». Причем даже тогда, когда у меня не было физической возможности шевельнуться в его крепких объятиях.

Как на подступе к экстазу у него вырвалось: «Ты так невероятно прекрасна, что мне все равно: убила ты или нет».

Хорошего я себе сыщика нашла.

В минуты смятения, в любой туманный, тягостный и неопределенный момент мы с ним можем превратить если не трагедию, то кусочек одной драмы в веселый и смешной водевиль.

Он понимает и умеет создавать такие вещи. Но пока я отложила развлечение с предательством моего первого возлюбленного на полях свободы.

Пусть будет.

Сережа явно приехал с докладом.

— Если ты сварила для меня кофе, то я хочу пива, — заявил он, удобно устроившись в кресле. — И заметь: я не завтракал, а ужин вчера скормил сотруднику твоего Сергеева, Никите. У него зверский аппетит после выпивки. Кстати, все шло по плану. Я узнал массу технических подробностей подбора персонала. Они ведут поиски и в инете, и проверяют тех, кого очень рекомендуют, ищут и конкретных людей по чьему-то заказу. Для своих целей, разумеется. Но я подумал, что таких специалистов можно использовать в любых целях.

— Сережа, как он вышел на меня?

— Я успел задать именно этот вопрос, но он не успел ответить. Ты не поверишь. Он захрапел сидя, с открытыми глазами, не прожевав последний кусок.

— Ну что же, — заметила я. — Это был профессиональный допрос — закормить и напоить источник, как свинью.

— А ты растешь, — одобрительно взглянул на меня Сережа. — Такая четкая экспертная оценка. Да, облом. Но ничего не потеряно. Клиент в принципе изучен. В следующий раз я начну с того места, на котором связь оборвалась.

— Если он захочет...

— Не припомню случая, чтобы меня отвергли навсегда. Извини за скромность.

— Рассказывай дальше. Я же вижу, что есть что-то еще.

— Есть еще. Во-первых, следствие обнаружило на камере наблюдения в подъезде Миронова двух людей, которые не совпали ни с кем из жильцов этого огромного дома. Пока нет совпадений ни с клиентами, ни с сослуживцами по агентству недвижимости. Эти люди приходили в день его гибели, но не вместе. Сначала высокий, очень худой парень в черной куртке с капюшоном, закрывающим почти все лицо. Затем крупный, коренастый мужик. Судя по времени, они приходили, когда Миронов был еще жив. Консьержка показала, что она днем часто уходит: подрабатывает няней, ко-

торая водит детей в школу и забирает. Ночью она тоже все закрывает и спит. Код домофона известен всем жильцам, стало быть, известен многим посторонним. Да, могут быть и курьеры, поставщики. У мужика в руках была довольно большая сумка. Видео с тем, как они уходили, не нашли. Могли быть прикрыты другими людьми у лифта. Могли уйти по черной лестнице. И во-вторых. Тома, та самая жилетка, которая принимала жалобы и слезы твоей дочери, давала такие назойливые советы и во все лезла, — действительно Тамара Сотникова, фельдшер медпункта в колледже, директором которого был твой муж. Собственно, я от нее. Вот теперь завари, пожалуйста, кофе покрепче и давай посмотрим — послушаем вместе.

Эта Тамара Сотникова, конечно, — не простушка тетя Тася.

На разговор с Сергеем пошла охотно, не скрывая своей заинтересованности. Мелкие глазки на ее полном благодушном лице смотрели цепко и с острым любопытством.

Она прежде всего закрыла дверь своего кабинета на ключ изнутри. Затем вскипятила чай, поставила на стол блюдо с печеньем, мягко поинтересовалась, с какой целью и в чьих интересах Сергею понадобилась информация.

Сергей показал удостоверение, объяснил свою роль информатора при отделе по расследованию убийств

и сказал, что следствию требуется восстановить обстоятельства убийства Анатолия Савицкого.

Повод — смерть ключевого свидетеля Миронова, которая оказалась убийством.

— Я правильно поняла: они теперь сомневаются в том, что Анатолия убила Маргарита?

— Нет. О пересмотре решения суда речи пока нет. Там же признание, сами, наверное, в курсе. Мы просто ищем убийцу, мотив, точки соприкосновения. Такие вещи редко бывают совпадениями. Тень одного убийства часто объясняет причину следующего.

— Вы допускаете, что убийство Бори Миронова связано с возвращением Маргариты? — вдруг тонко, с намеком спросила Тамара.

— Мы ничего не допускаем и допускаем все, — четко ответил Сережа. — Наш бог — факты, и для нас нет мелочей. Поэтому я и хочу, чтобы вы поделились тем, что знаете, что видели. У нас есть информация о том, что вы состояли в переписке с покойной Таней Соколовской, падчерицей Савицкого. Таня и была главным свидетелем убийства отчима. Ее собственная гибель не расследована. Миронов был знакомым или другом Тани. Она доверяла вам свои тайны. Такая связь. Я понятно выразил мысль?

— Вполне, — удовлетворенно кивнула Тамара.

И вновь эта пытка, когда условно знакомый человек говорит о тебе, о твоем ребенке, муже, о тех тайнах,

которые близкие скрывали от тебя. Говорит с легкостью и удовольствием полоумного патологоанатома, который балдеет, препарируя тела других людей, уже не способных дать отпор и что-то скрыть.

Да нет. Бери выше. Эта сраная Тома взяла на себя смелость препарировать наши души — две мертвые и одну живую, если так можно сказать о моей душе.

Она описывала мужа и меня в сладких, округлых выражениях, но сколько мерзких соображений и догадок в них пряталось.

Короче, мы — внешне очень благополучные и даже эффектные люди, знающие, как изобразить полную гармонию семейных отношений, на людях играли просто спектакль. Лживую постановку.

«Так поступают все не слишком счастливые супруги, — лицемерно заметила Тома. — Я очень хорошо относилась к Анатолию Васильевичу, хотя успели вместе поработать всего несколько месяцев. Я как женщина понимала и жалела Маргариту. Но больше всего мне хотелось поддержать девочку. Она так в этом нуждалась...»

Твою ж ты мать, Тома.

Беседа длилась полтора часа.

Ее детали я буду изучать долго, примерять все на себя, Толю, Таню, задавать вопросы своей девочке и пытаться получить ответы.

Скажу лишь, что Тамара допустила все — сексуальные домогательства Анатолия по отношению к Тане, его ревность к Миронову, мою сознательную — заметьте! — отстраненность во всей этой истории. И она не исключала мою особую роль в том, что все сложилось так трагически.

«Маргарита — сложный, в чем-то очень опасный человек, — такой вывод. — И если Миронов что-то серьезное знал...» — оборвала она мысль.

— То что? — вцепился в нее взглядом Сережа.

— Ничего, я просто так, — мило улыбнулась она.

— Да нет, такие вещи не говорят и не думают просто так. Я хочу понять смысл: чем мог Маргарите помешать Миронов, если она уже отсидела срок за убийство мужа?

— Так вы же сами говорите, что смерть Танечки не расследована... Я не собираюсь об этом судить, не мое дело. Просто ревность женщины — страшная вещь. Дочь — не дочь... Миронов мог догадаться или знать, к примеру...

— Я уловил вашу мысль. Замечу, если вы не в курсе. Соколовская была в СИЗО, когда погибла ее дочь.

— Я в курсе, — загадочно улыбнулась Тома. — Хорошее алиби. Понятно, что такие вещи делают не своими руками. Родная дочь как-никак.

Я никогда в жизни не теряла сознание — ни от боли, ни от страданий, ни от страха. Потому долго не могла

понять, куда я провалилась, почему не могу выбраться из темноты, почему сердце лежит мертвым грузом, не дает вздохнуть. И почему Сережа с таким перепуганным видом обкладывает меня мокрыми полотенцами, пытается трясти, делать массаж. Вот схватил телефон...

— Не нужно звонить, — получилось у меня прошептать. — Я сейчас. Уже нормально.

— Как же ты меня перепугала, — бросился ко мне Сергей. — Что же ты творишь! Больше ни за что не дам тебе слушать записи. Это просто свидетели. Это просто идиоты. Из этого ничего не вытекает, кроме характеристики того, кто говорит. Ты это понимаешь? Кто-то из твоих знакомых может быть убийцей, вот и все, чем я занимаюсь.

— Я все понимаю, даже не сомневайся. Но вот один человек на земле допустил, что я могла убить свою дочь. И этот бред начинает жить самостоятельной жизнью. Он в какой-то степени окажется правдой скорее всего. Я не справилась с главной задачей — защитить свое дитя. В чем-то вся мерзость, которую она предположила, — правда. И мне с этим как-то выжить... почти невозможно.

Сережа повернулся, вышел на кухню, вернулся с сигаретой в зубах. Сказал серьезно, как не говорил еще никогда:

— Слушай меня, Маргарита. Ни у кого на свете нет возможности защитить от всего своих детей. Тем более от смерти. Нет такой силы. Ни у львицы, ни у тигрицы, ни у волчицы. А ты просто женщина. Но не баба и не тряпка. Соберись. Вот почему я рядом. С чем-то справимся. А теперь послушай главное. Не хотел тебе говорить до прослушивания записи. Твой муж Анатолий принял на работу Тамару Сотникову по очень настойчивой рекомендации своего бывшего сокурсника, ныне сотрудника Министерства иностранных дел Антона Гришина. Просьба есть только в личной почте Анатолия. Сейчас покажу. Гришин пишет, что эта добрая женщина, прекрасный человек и отличный специалист, — его подруга детства, сидели за одной партой, оказалась в большой беде после смерти мужа, за которым она долго ухаживала, из-за чего и потеряла работу в хорошей клинике.

Я прочитала эту переписку, с недоумением увидела мгновенный и короткий ответ Анатолия:

«Хорошо. Пусть приступает завтра».

У нас было место, но он никого не брал так быстро.

Видимо, мужу уже все было безразлично.

— Ну, и что? — спросила я у Сергея.

— То, что Гришин никогда не сидел с Сотниковой за одной партой. Вряд ли они давно знакомы, если знакомы вообще. У нее был один гражданский муж, с которым они разъехались по обоюдному согласию.

Он не собирается умирать. Правда лишь в том, что она работала в нормальной клинике. И уволилась из нее по собственному желанию в тот день, когда твой муж написал: «Пусть приступает завтра».

Черт, эти дебри все гуще.

А мне уже не в любую минуту кажется, что я хочу правды.

Все отчетливее и больнее понимание: правда — это груз, который не сбросишь. Правда — это меч, от которого не увернешься.

Часть девятая
ТАКАЯ ЗАПУТАННАЯ НИТЬ

Глава 1
СЛЕДУЮЩАЯ ЖЕРТВА

В сплошной ленте мутных дней и ночей, из которой я вырывала часы для полного провала в глубокий сон, почти кому, я ощущала лишь одно: смертельную усталость.

Она настигла меня именно сейчас, через большой промежуток времени после того, как меня распяли на кресте правосудия, после смрадного застенка с истязанием тела и сожжением души, после возвращения и попыток преодоления на грани принудительного воскрешения.

Для того чтобы споткнуться о пылинку под ногами, для того чтобы почувствовать отвращение к собственной отравленной крови, хватило пары чужих фраз, звука враждебного голоса, холодных прикосновений к горящей ране моего прошлого.

Я ничего не хотела и ждала только самых ужасных открытий и лихих поворотов.

Я изо всех сил заставляла себя оставаться в рамках созерцателя, но все мои мышцы, начиная с главной — мозга, стремились только к радикальному покою — к летаргии, атрофии...

Хотела ли я умереть?

Я знала лишь одно: здоровое сердце бьется ровно, а если придет убийца, — во мне не будет ни страха, ни надежды, ни желания задержаться. Просто приму все. Существует только жизнь или ее подобие. Смерть увидят другие, не ты.

Кстати или некстати, прилетело по почте следующее задание от Игоря.

Нужен текст для выступления Кости перед большой молодежной аудиторией.

«Твой первый текст, — писал Игорь, — имеет сумасшедший успех. Постарайся развить мотивы искренности и отваги. Одно дело напечатать, другое дело — говорить, глядя людям в глаза. Зарази его самого своим вдохновением. Прилагаю новые снимки, старались по твоим пожеланиям. Вроде получилось настроение. Жду».

Я открыла ссылку с новыми изображениями моего козла, увеличила каждый снимок по очереди, выбрала один, распечатала, поставила к стенке.

Да, явно лучше.

Глаза ему не увеличили и не подвели, как для плаката «Не проходи мимо: пой с нами!».

Наоборот, лицо не так резко, все смягчили, облагородили, взгляд не прямо в объектив, а вдаль, задумчивый такой, если не мудрый, то, во всяком случае, что-то понимающий взгляд.

Я кивнула ему и сказала: «Поехали. Я сейчас».

Вышла на кухню, сделала себе очень крепкий кофе, вернулась с кружкой и приступила:

«Мне немного страшно смотреть вам глаза, — сказал мой Костя пытливым студентам. — Я, наверное, слишком далеко ушел от вашего прекрасного возраста отчаянной потребности в правде. От вашей уверенности в том, что справедливость непременно должна торжествовать. Я во время своего пути успел узнать, что правда — не товар, что она слишком бесценна и потому способна обрушить покой и благополучие многих. И эти многие будут с ней всегда бороться. Я успел убедиться в том, что ее носитель — всегда враг для тех, кто делает деньги и творит преступления в тишине. И что справедливость никому ничего не должна. Она не придет сама, по вашему или моему желанию. Просто так не придет. Я здесь, чтобы попросить вас: поверьте, я просто стараюсь. Я просто готов посвятить свою жизнь самым неудобным, тяжелым вещам. Они стоят больше моей жизни».

Дальше мой Костя перешел к самым громким и скандальным сюжетам, о которых я прочитала в соцсетях.

Он сделал ряд сногсшибательных версий, вышел на прямые разоблачения. Дал грамотную справку о существующих законах и требованиях к официальному правосудию. Не умничал, не поучал, не грозил расправой и не раздавал милости преступникам в случае своего прихода к власти.

«Власть, — сказал Костя, — это одно право: первым подчиняться закону, и только ему».

Я уложилась в заданный размер, оставила Косте время для ответов на вопросы.

Отправляя работу, написала Игорю: «Ответы на вопросы лучше сократить до минимума. Пусть не тратит ИХ время на пустую болтовню. Самое важное для них и для НЕГО САМОГО — это самообразование. Образованный человек и человек с дипломом — разные вещи. Это я о том, что он скажет экспромтом перед тем, как свалить».

Игорь ответил через пять минут: «Блеск. Хочу тебя».

Ну, и прекрасно. Все в тонусе.

Мне это все помогло. Мозг капельку разогрелся, заработал, как процессор.

Я приняла душ и даже приготовила себе плотный завтрак. Мои балахоны стали на мне болтаться гораздо

в большей степени, чем требуется для соблазнительности.

Я, как все женщины, прячу в себе навязчивую идею — худеть, но когда это происходит помимо воли — я против. И даже на зоне заставляла себя есть, сколько возможно проглотить той гадости.

Легко стать скелетом и думать, что все получилось.

Нет, женщине нужны килограммы «для прелести», как говорила мама, не говоря о силах для жизни.

Во время моего завтрака в три часа дня и позвонил в дверь Сергей.

Вошел, сосредоточенный, прошел на кухню, взглянул на сковородку с пышным омлетом на беконе с сыром и помидорами, одобрительно кивнул:

— Уверен, что это на двоих. Не для одной стройной женщины. Выглядит как мечта. Но сначала новость, Марго. Сегодня утром по адресу Надежды Павловой вызвали полицию и «Скорую». Дверь вскрыли, ее обнаружили в ванной с перерезанными венами. Без сознания. Успели спасти. Повезло потому, что в ее ванной прогнивший, раздолбанный пол, вода полилась к соседям снизу на голову. Так и раньше бывало, но в этот раз она не отвечала на звонки в дверь и по телефону. Сначала вошли с полицией и слесарем.

— Это самоубийство или попытка убийства, как с Мироновым?

— Разбираемся. Девушка скоро и сама что-то сможет рассказать. Другой вопрос, верить ей или нет.

Мы с Сережей поели, молча и в задумчивости. Не остывать же омлету.

Как ни крути, противная эта Павлова или не очень, но она чья-то жертва. Возможно, ее запугивали, предупреждали.

Возможно, она действительно сама пыталась от чего-то или кого-то уйти. Факт в том, что она тоже свидетель. И, видимо, еще никому не сказала того, что знает. И есть люди, которым известно, что она знает.

Остаток дня я занимала себя домашними делами.

К ночи заметалась в бесконечном лабиринте собственных мыслей. Опять к горлу подобралось удушье.

В два часа ночи раздался звонок в дверь.

Я накинула халат и пошла открывать, не сомневаясь в том, кого увижу. Только один человек сейчас может приехать ночью без звонка по телефону. Потому что он почти близкий человек. А как еще трактовать ночь незаконченной любви.

Игорь вошел так стремительно, как будто он вырвался из плена и бежал ко мне по полю боя. Как будто давал обет освободить меня из башни тьмы.

У него были горячие руки и холодные губы.

Он был властным и робким. Забыл о своих «прошу прощения», «если ты не против».

Наше нетерпение было взаимным. Близость — полной, окончательной, пряной и горькой, как под угрозой вечной разлуки. На рассвете он смотрел на меня таким взглядом, что слова были лишними. Так смотрят на недостижимое воплощение всех желаний.

Когда он все же начал говорить: «ты...» — я закрыла ему рот рукой.

— Лучше не нужно. Я умею читать мысли и плохо, подозрительно отношусь к словам. Не стоит ничего портить.

— Конечно, — сказал он.

Он оделся, направился к двери.

Я не хотела его провожать. Никаких банальных сцен. И вдруг он вернулся, сделал ко мне шаг и с мукой произнес:

— Я очень хочу развестись с женой. Чтобы быть свободным... На всякий случай.

После этого быстро ушел.

Я решила запомнить эти слова просто как факт. Из него не вытекают никакие события, во всяком случае с моим участием.

Мне приятен этот мужчина, особенно сейчас, когда весь его нелепый лоск слетел, как мишура с елки.

Когда он стал искренним, серьезным, даже глубоким в проявлении своих чувств.

Меня он в каком-то смысле даже спас сегодня. Что,

впрочем, несложно в контакте с одичавшей, изголодавшейся волчицей.

Слава богу, нежная и страстная Рита не умерла в моем теле за время мытарств.

И, сладко засыпая, я подумала о том, что нужно сказать об этой фразе «хочу развестись» Сергею. Стукнуть на любовника.

Не сомневаюсь в реакции бдительного сыщика: «Тут надо подумать и понаблюдать».

Глава 2
ВСТРЕЧА

С утра Сергей позвонил и сказал, что предлагает мне принять участие в одном следственном эксперименте. Просто чтобы развеяться.

Это обед в одном полузакрытом частном ресторанчике в центре. Домашняя обстановка, домашние блюда, столики таким образом, что никто никому не мозолит глаза.

— Ты будешь сидеть одна, даже я тебе не помешаю. Заказал тебе все по своему вкусу. Попробуй, кстати, мой любимый сырный суп с беконом на пиве. Что-то особенное. Где буду я — скажу в машине.

Действительно развлечение.

Я собралась и не задавала вопросов, пока он сам не начал свои объяснения. При первых словах чуть не выскочила из машины.

— Не стал говорить тебе по телефону, у тебя такая больная реакция на имя Тамары Сотниковой. А мы едем встречаться именно с ней. То есть встречусь я, а ты будешь мирно обедать в таком месте, откуда мы видны, а ты нет. Сейчас поймешь задачу. Ты тогда не смогла дослушать запись нашего разговора. А я у нее спросил, в каких она отношениях с сотрудником МИДа Антоном Гришиным. Она или не сразу поняла, о ком речь, или сделала вид, что не понимает. Я объяснил: по его рекомендации директор Анатолий Васильевич Савицкий принял ее на работу в колледж.

«А, — вспомнила она, — да, знакомый. Я забыла, а может, и не знала, где он работает. А познакомились просто. Я же в клинике работала. Кажется, он там лечился». На вопрос, почему она просила устроить ее медсестрой в школу с зарплатой меньше, чем в частной клинике, — ответила: «Зато работа легче и приятнее. Обожаю детишек». Короче, баба за ответами в карман не лезет, но и к большому правдоподобию не стремится. Особенность всех записных лгунов. Я и не давил. Так вот, задача. В этом ресторанчике обедает каждый день в одиночестве Антон Гришин. И там же, за соседним столиком, тот случай, когда они практиче-

ски вплотную — для компаний из четырех-пяти человек, — будем сидеть мы с Сотниковой. Дело в том, что Гришин по будням обедает один, в субботу приводит жену и друзей, другую семейную пару. Место не меняет. Метрдотель объяснит ему, почему мы окажемся рядом. Меня он никогда не видел. Я его — да, со стороны и по фото. Не думаю, что он будет возражать. Человек спокойный и культурный. Думаю, ты все поняла. Сотникова тебя точно не увидит, надеюсь, и ты не выскочишь на волне гнева. Ты просто свидетель. Что он написал твоему мужу, рекомендуя Сотникову, ты, конечно, помнишь. Подруга детства, за одной партой, знает всю ее сложную и честную жизнь.

Мы вошли в действительно очень приятный небольшой зал с колоннами и арками, позволяющими создать любому иллюзию уединения и, наоборот, возможность объединиться для узкого круга избранных друзей.

Сергей проводил меня за столик в уютном закутке, сам сел за один из двух столиков напротив.

Мы явно приехали первыми. Мне принесли какое-то чудо в тарелке, ароматное, горячее, красивое, строго антидиетическое.

Я сразу поняла, что проголодалась, несмотря на неприятную лихорадку ожидания. Видела, как по-хозяйски Сережа принимает блюда на двоих за своим столом.

О, у них обед с вином. Думаю, Томе понравится.

Минут через десять в зал вошел худой мужчина в безупречном сером костюме и в очках. Не глядя по сторонам, он прошел к столику рядом с тем, за которым сидел Сергей.

Сергея не удостоил взглядом. Кивнул метрдотелю, сел, закурил.

В это время к Сергею продефилировала расфуфыренная Сотникова, запах ее резких духов почувствовала даже я за своей колонной.

Она уселась, расправляя под задом широкую юбку из плотной ткани, в складку, что ей вообще-то противопоказано.

Гришин повел узким утиным носом в их сторону. Блеснул очками на Сотникову.

Видимо, запах духов перебил даже его сигаретный дым.

На лице мелькнуло раздражение. И все. Ничего похожего на узнавание.

Ему уже подавали обед, и он его разглядывал с предвкушением гурмана. Выпил крошечную рюмку коньяка и тут же не просто начал есть. Он отдался процессу поедания и пищеварения, как это бывает с настоящими обжорами.

Интересно, как ему удается оставаться таким худым? То ли генетическая склонность, то ли есть болезнь, то ли нервы сжирают лишние калории.

А Сотникова за соседним столом с интересом оглядывалась вокруг, пила, ела, говорила. Все громче и оживленнее говорила.

Видимо, Сережа выбрал нужные напитки. А потом у них там что-то произошло.

Я увидела только, как Сотникова вскочила с салфеткой в руках и бросилась к Гришину, чья белая рубашка и серый пиджак были в мокрых пятнах красного вина.

Большой разбитый бокал лежал между ними.

То ли медсестра оказалась криворукой, то ли сыщик у меня очень ловкий. Скорее всего и то и другое.

Сотникова с красной рожей стала промокать Гришина, что-то приговаривая. Его лицо окаменело от скрытого бешенства, но он не сделал ни одного лишнего движения, не стал возмущаться. Просто отстранил ее брезгливо. Встал и молча пошел к выходу.

Когда проходил мимо меня, я заметила, что узкие губы произносят почти беззвучно: «Черт бы ее побрал».

Настоящий дипломат.

Сережа сделал мне знак, я вышла и постояла за углом, пока он не вывел Сотникову. Она была возбуждена и, как мне показалось, довольна.

Сережа остановил такси и перед тем, как запихнуть ее, дал деньги таксисту, а ей поцеловал руку.

Мама дорогая, эта корова расплылась от восторга.

Это у него называется: процесс пошел.

Мы сели в его машину. Он молчал, явно выжидая, когда я поделюсь впечатлением.

— Вкусный был суп, — сказала я задумчиво. — И да. Тома никогда не видела Гришина, как он не знает ее. Понятия не имеет, если точнее.

— Совершенно верно, — подтвердил Сережа. — У него другой круг знакомых. В нем, к примеру, есть Эльвира Сергеева, жена твоего работодателя. Совсем недавно Гришин отмечал маленькое семейное торжество тут же, в очень избранном, дружеском составе. Среди приглашенных гостей была Эльвира Сергеева с мужем. Именно так и было написано в списке для охраны: Эльвира с мужем.

— Ты о чем? — от неожиданности я вздрогнула.

— Ни о чем. Прослеживаю нить.

— Какая же мерзость — и твоя профессия, и твои привычки. Ладно, тогда скажу. Сегодня ночью Игорь сказал, что хочет развестись с женой. Я так поняла, что из-за меня. Скажи что-то ужасное по этому поводу.

— Марго, я скажу тебе просто правду. Ты редкая женщина, очень красивая, соблазнительная, еще и умная ко всему, что в принципе лишнее. И я понимаю Сергеева, видел фото его супруги. Но у любых коварных замыслов свой путь. И механизм, который его прокладывает, не знает пощады. Чья-то прелесть, как и чья-то жизнь, становятся иногда всего лишь сопут-

ствующими товарами. И в лучшем случае их не нужно истреблять, как помехи. Этот механизм в таком мозгу, который просчитывает только расстояние к цели. Во имя чего, часто становится понятно после преступления. Надеюсь, ты меня правильно понимаешь: все это теория, не имеющая пока отношения к конкретным людям. А что касается Тамары Сотниковой, то Вася поискал по ее аккаунтам в соцсетях, проследил другие движения в инете. Она пару раз давала под ником объявления об услугах особого характера. Дорого. Телефон для связи свой.

Мы почти подъехали к моему дому, когда меня вдруг забила нервная дрожь.

— Останови, Сережа, у магазина. Ты мне сегодня не заказал вина, в отличие от вас с Томой. Купи какую-нибудь бутылку. И зайди ко мне на пять минут.

Дома я разлила по бокалам красное вино и сказала:

— Выпьем за мои успехи в любви. Сережа, я наняла тебя, чтобы ты узнал правду о гибели моих близких. То, что опасность угрожает мне, кажется, твоя идея. Ты действительно продолжаешь так считать? Но почему? За что? И ради чего?

— Понятия не имею. Но есть тайна. Марго, эту тайну я ощущаю всей своей дубленой кожей. Давай договоримся. Это мое дело, а ты просто живешь. И успехи в любви у тебя на самом деле есть. За них и выпьем. Бедная ты девочка, лишенная всего, что

по праву должно просто падать к твоим ногам. Я не о богатствах, а об искренних восторгах и обожании. Заметь, я никогда не жалею своих клиентов. Просто справедлив.

Да, он не жалеет.

Он просто, как экстремальный психолог, дал мне возможность капельку пожалеть себя. Он ушел, а я забралась под одеяло, обняла себя, как в детстве зимой, как в бараке ночью, закутала себя в собственную жалость и шепнула: «Будь что будет. Пошли они все».

У меня есть сегодняшний день, это больше, чем я рассчитывала.

Глава 3
НА ТРОПЕ НЕВИДИМОЙ ВОЙНЫ

Вдруг бездействие показалось мне невыносимым. Не мое это дело — давать поручения золотой рыбке по фамилии Кольцов и слепо доверять его впечатлениям.

Да, в криминале он, конечно, крутой ас, я охотно верю. Но что-то понять, почувствовать по поводу людей, которые как-то коснулись моей жизни, я должна сама.

В то утро я встала рано, сразу собранная, как для конкретного дела, и с ясной головой. Села к компьютеру и поискала по разным направлениям.

Эльвира Сергеева — светская дама, которая просто обязана быть ярко представленной в соцсетях. И это никак не может быть «ВКонтакте» или «Одноклассники», что для простолюдинов. У нее, конечно, страница в «Фейсбуке». Что есть не столько социальная сеть, сколько самое совершенное, мобильное СМИ. Источник наиболее стремительных новостей, пронзительных публицистических блогов и самых невероятных откровений. Это, разумеется, и возможность достойного пиара для человека с именем, потому что личные записи в «Фб» становятся событиями в ежедневных новостях ресурсов и газет. Другая особенность: недели не проходит, чтобы СК не возбудил дела по фейсбучным откровениям, видео, фото или не назначил проверку. Для следствия там материал на тарелочке, это не глухая соседка тетя Нюра в качестве свидетеля. Система контактов настолько интересная, что более полного материала следствию не найти, если искать какой-то сговор. Но для меня сейчас интересно другое. Любые пустячки. «Фейсбук» — площадка для миллионов семейных, дружеских кланов. Родственники, коллеги и реальные приятели, которых ты принимаешь в друзья, сразу оказываются в поле постоянного эффекта присутствия, особого комфорта связи. Ты можешь в любой момент, из любого места, с компа или смартфона проверить, есть ли они в чате. Когда вышли, сколько минут назад. Из какого города заходили. Позвонить любому на

другой конец Земли можно, просто нажав значок, посмотреть, на кого хочешь, можно в прямом эфире, выйти на связь в месенджере. Если человек в Нью-Йорке празднует день рождения, то его мама в своем Бобруйске или Тамбове — почетная участница. Она смотрит видео, снятые прямо сейчас, разговаривает с внуками, оценивает блюда на столе.

Однажды на зоне я услышала по радио, что в Калифорнии пожары. Моя бывшая светская подруга Ира Зайцева вышла туда замуж. Я пришла к отряднику, в столе которого хранился мой смартфон, и вошла на «Фб». Мой аккаунт там уцелел, и виртуальные друзья меня не удалили. И в первую же минуту я прочитала всплывающие сообщения от друзей из Калифорнии: они сообщали, что в безопасности. Среди них — Ирка. Я так растрогалась, что не удержалась и написала ей: «Я рада, дорогая. Желаю, чтобы тебя обходили все беды, а пожары только согревали. Может, увидимся».

Так что, если есть у Эльвиры реальные друзья, родственники в любой стране, — я сейчас их рассмотрю во всех подробностях. Если она страдает потребностью в личных излияниях, если склонна к хвастовству, — я имею шанс узнать многое, догадаться о большем. И я, конечно, нашла ее страничку. На аватарке не снимок, а портрет работы какого-то художника. Профессиональная и добротная работа. Холеная женщина

в вечернем платье с ожерельем из крупного жемчуга на шее. Лицо обычное, но с тем скрытым отблеском совершенства, которое способны придать внешности только большие деньги. И спокойный, чуть высокомерный взгляд небольших, довольно умных глаз.

Среди друзей немало известных имен. Есть муж Игорь, отец, живущий в Испании, Антон Гришин, советник МИДа.

Я очень внимательно почитала ее хронику. К сожалению, тетка немногословная и явно скрытная. Возможно, просто не очень владеющая словом. Но, как все, в иллюзии личного пространства страницы, видной всему свету, — сообщает ежедневные события, рассказывает о вкусах и привычках. Короче, есть находки для шпиона.

В основном записи о путешествиях, красивые пейзажи. Есть впечатления от выставок живописи. И почти помешательство на антикварной посуде, фарфоре, серебре. Снимки приобретений с восторгами явно из квартиры, обставленной дорогими и в принципе красивыми предметами мебели.

Одно «но»: эти предметы, помноженные на эту посуду, дают результат — безвкусица. Страшный перебор.

И наконец, то, что мне полезно.

Эльвира благодарит своих мастериц из салона-парикмахерской «Чудо». Называет имена-фамилии.

Я посмотрела дату публикации, проверила, какой это был день недели. Пятница. Возможно, она ходит туда именно по пятницам.

Нашла сайт этого «Чуда», записалась на маникюр на вечер. Потом поболтала с девушкой на ресепшене о том о сем. Назвала несколько конкурирующих салонов, сказала по секрету, что разочаровалась в них. Хочу поменять, тем более сюда ходят мои знакомые.

Назвала пару имен, с которыми не промахнешься: Валя Петрова, Нина Иванова. И Эльвира Сергеева.

— Кто-то из них записан у вас на ближайшее время?

— Да, — через минуту ответила девушка. — Иванова есть завтра на прическу, только это Ирина. И Эльвира Сергеева на пятницу на шестнадцать тридцать. У нее большая процедура у косметолога.

— Хороший косметолог? — живо спросила я. — Можно узнать фамилию? Никогда не спрашиваю у знакомых, многие берегут хороших мастеров только для себя. Но это же смешно, правда?

— Конечно, — рассмеялась девушка. — Но знаю таких, некоторые даже с мастеров слово берут, чтобы отказывали их подругам. Сергеева ходит к Свете Ильиной.

— Есть у нее свободное место?

— Да, как раз после Сергеевой. На восемнадцать. Записываем вас?

— Конечно.

Так, кое-что. Кольцова точно не запишут на прием к дамскому косметологу. Какой для меня в этом толк? Так я же не за толком, я за впечатлением. Пока не знаю, каким.

Дальше я набрала тот ник, под которым, как сказал Сережа, Сотникова дает свои объявления на сайте предложений, нашла одно, под рубрикой «особые услуги». Обновлялось неделю назад. Есть телефон для связи. Для такого случая у меня есть бесплатная анонимная симка. Вот голос...

Она может узнать.

Я села перед включенным диктофоном и начала попытки изменения голоса. Долго мучилась, слушала, браковала сама себя. И наконец, что-то получилось. Что-то хрипучее, сдавленное, выдающее вполне натуральную то ли обиду, то ли неприязнь.

Позвонила.

Сотникова ответила:

— Говорите сразу суть. Коротко.

— Есть тяжелый, агрессивный, опасный человек. Сейчас нуждается в помощнице по дому. На время болезни — неделю. Нужно, чтобы болезнь усугубилась. Желательно неподвижность. В идеале, чтобы не мог говорить. Дальше по обстоятельствам.

— Двести тысяч.

— Рублей?

— Долларов. По обстоятельствам больше.

— Хорошо. Подумаю и перезвоню.

Я вытащила симку, на всякий случай порезала, спустила в унитаз. Такие специалистки иногда подрабатывают и провокаторшами-стукачками у органов. Запись для Сережи сохранила.

Это уже результат — профессионалка, способная на все.

На маникюр я, конечно, в тот день не поехала. А в пятницу в шесть вечера сидела за журнальным столиком в приемной косметолога «Чуда» Светы Ильиной. Листала глянцевые каталоги.

Эльвира Сергеева вышла из кабинета еще с воспаленным от процедур лицом. Присела на диванчик напротив, достала пудреницу.

Оригинал, конечно, значительно хуже портрета, но не узнать невозможно. Она припудрила нос, поправила прическу и невольно посмотрела в мою сторону. И замерла. И остановила взгляд.

Я свой равнодушно отвела, подняла другой журнал, но краем глаза видела, что Эльвира все не может от меня оторваться.

Она меня узнала!

Женщина, которую я вижу в первый раз в жизни, явно меня узнала. Наверняка видела фотографию. А это — не то слово, какой результат.

Света оказалась симпатичной теткой.

Сделала мне массаж, всякие-разные маски, болтала без устали.

Я даже немного расслабилась. А домой приехала, как будто меня стадо лошадей потоптало.

Тайна?

Так говорит Сережа. Какой-то жуткий морок продолжает сгущаться вокруг меня. И я даже не могу сформулировать вопрос. И нет ни одного ответа.

Я отбыла вечер, как срок, перед спасительным провалом. А ночью в дверь позвонил Игорь. Нам опять было хорошо. Но я с подозрительностью зверя следила за выражениями его лица. И с горестным недоумением слушала, как искренне, с трудом вырываются у него признания: «Я больше не могу от тебя уходить», «Я перестал выносить жену даже на расстоянии», «Меня раздражают все люди, потому что они мешают приблизиться к тебе. По-настоящему, навсегда приблизиться».

Так страдал по мне муж Эльвиры Сергеевой, мадам икс в моей тайне.

Часть десятая
ЛИКИ ТАЙНЫ

Глава 1
ДЕПРЕССИЯ

Надю Павлову из реанимации перевели в психиатрическое отделение. Какая-то усложненная депрессия с истерическими припадками, потерей памяти, галлюцинациями. Ходить почти не могла.

Врачи объясняли это последствиями большой и длительной кровопотери.

Сергей даже не пытался ее навестить. А представителю следствия по делу убийства Миронова разрешили: оперативная необходимость.

Павлова — в ранге свидетеля по тому делу, нельзя исключить, что ее тоже пытались убрать.

— Следователь, он же заведующий отделом по расследованию убийств, — мой друг, некогда сослуживец Слава Земцов. В смысле Вячеслав Михайлович. Это большой критик моих методов, иногда даже целей, но мы настолько взаимовыгодны, что он часто идет мне

навстречу, — сказал мне Сергей. — Павлова лежит в отдельной охраняемой палате. Там есть маленький санузел. Она без посторонней помощи пока туда не доходит. Есть в него дверь из коридора для уборщицы. Слава согласился, чтобы я там постоял во время допроса. При небольшом нажиме, основанном на логике, он разрешил мне привести и тебя. Я здорово впечатлен твоими самостоятельными идеями и вылазками. А в данном случае ввиду духовной и физической немощи именно женщины, да еще знакомой тебе, — имеет смысл надеяться на твою помощь, интуицию.

— Помощь в чем? Я же не могу задавать ей вопросы?

— Ни в коем случае. Ты даже дышать не можешь, говорю же, там истерические припадки и масса претензий. Но нужна твоя трактовка сказанного свидетелем. Именно живое присутствие, а не по записи… Может, какие-то оговорки, проговорки, что-то по Фрейду. Дело не только в том, что произошло с ней самой, но и в том, что это могло как-то повлиять на ее показания по убийству Миронова. Вдруг у нее возникли новые идеи.

Мы с Сережей приехали в клинику, прошли с черного хода по черной лестнице, крадучись, по коридору.

У него была таинственная и довольная физиономия. Седые виски у мужика, а он обожает играть в шпио-

нов. Но в его случае это и есть любовь к профессии. Повезло.

Я успешно скрывала, что нервничаю.

Не из-за страха разоблачения, не из-за возможной выходки Павловой, если она нюхом психопатки почует меня. Нет, я в самом процессе вопросов-ответов стала бояться только страшных открытий, острых и ядовитых шипов правды.

Мы стояли, бездыханные, в крошечном закутке с раковиной, душем и унитазом, смотрели через окошко в палату, когда туда в сопровождении врача вошел мужик в обычном костюме и светлой рубашке с галстуком.

Это и был полковник Земцов.

Он подошел к кровати Павловой, подождал, пока врач его представит, а потом тоном, не терпящим возражений, сказал:

— Спасибо. Мы сами побеседуем.

— Не больше пятнадцати минут, — обиженно сказал врач и вышел.

Павлова лежала неподвижно, ее серые глаза стали сплошными зрачками, которые уставились на следователя. Лицо белее, точнее, серее наволочки. Вытянутое, с выпирающими костями скул, подбородка и лба, — оно напоминало морду белой лошади, только далеко не такое симпатичное.

В напряженной тишине я боялась только одного: чтобы не зачесался нос и не захотелось чихнуть.

— Надежда Михайловна, — сказал, придвинув к кровати стул, Земцов. — Поймите правильно наш безотлагательный интерес. Мы допускаем, что существует опасность вашей жизни. Вы — свидетель по делу убийства Бориса Миронова.

— Какой я вам свидетель? — прохрипела Павлова.

— Серьезный. Вы не можете знать точно, кто убил, не присутствовали на месте, но вам лучше многих известны обстоятельства жизни покойного, круг его знакомых.

Павлова тормозила, тупила, путалась во всем, но спокойный, ровный и неотвратимый допрос ее утомил. Среди симулятивного, как мне показалось, бреда появились истеричные, а затем и искренние ноты.

Пересказывать по порядку это пробирание через пень-колоду не имеет смысла. Но в сухом остатке такие вещи.

Да, у нее есть общий с Мироновым знакомый, который интересовался подробностями его убийства, задавал всякие вопросы по поводу того, что ей известно. Спрашивал, не вызывали ли ее для показаний в полицию…

Она даже не знает его фамилии, его все зовут просто Сема. Он торгует всякой необходимой мелочью, может купить где-то и привезти по заказу. Что-то при-

носил и Миронову. А в тот вечер, да, ей кажется, что это было в тот день или вечер, — она плохо себя чувствовала и позвонила ему, чтобы принес лекарства из аптеки.

Помнит, что принес. Вроде ушел, когда она рассчиталась.

«Но тут у меня началось, — сказала она. — Жуткая депрессуха». Она налила воду в ванну, наглоталась таблеток и легла.

Брала ли с собой лезвие? Не помнит. Но они всегда лежат в ванной на полке.

Было ли решение резать вены? В принципе хотела ли она умереть?

— Нет, — ответила Павлова. — Не умереть. Я могла захотеть причинить себе боль, иногда так делаю, чтобы душа не разрывалась.

— Из-за чего вы страдали? — осторожно спросил Земцов.

И тут у нее и вырвалось яростно, как будто плотину прорвало:

— Я всегда страдаю от одного. От меня на свете осталась третья часть. Две страшно, злодейски убиты. Я потеряла двух любимых и любящих мужчин.

— Вы кого-то подозреваете?

— Да кого тут подозревать. Кому выгодно, тот и убил, так ведь?

— Назовите четко имя, мы говорим для протокола.

— Маргарита Соколовская, конечно. И ее невинная дочечка, может быть, отца как раз она.

Сережа больно сжал мой локоть. Но на этот раз у меня не было такой острой реакции, как во время прослушивания обвинений Томы.

Я просто впитывала каждое слово, каждое выражение полубезумного лица Павловой, каждый ее вздох.

— А теперь взгляните на этот снимок, Надежда Михайловна, — попросил Земцов. — Соберитесь, изображение плохое, это распечатка с камер видеонаблюдения. Этот человек не ваш знакомый Сема?

— Вроде похож, — слабо сказала Павлова. — Это с камер в нашем подъезде?

— Нет, у вас как раз камера не работает. Это запись с камеры наблюдения в доме Миронова, в его подъезде в день убийства.

— Он мог ему тоже что-то принести.

— Разумеется. И приносил, видимо. Как и вам. Но в одном месте после его визита нашли убитого человека, в другом случился то ли суицид, то ли его имитация. И вы сами не смогли сейчас прояснить обстоятельства.

— Сема — нет... Он простой, нормальный парень.

— Не сомневаюсь, — ответил Земцов. — Вам известен его адрес?

— Конечно. Он живет в соседнем со мной доме, номер пятнадцать, корпус три. Снимает однушку на первом этаже.

— Спасибо. — Земцов распрощался, пожелав ей выздоровления.

Мы с Сережей выбрались из своего укрытия в коридор, затем прошли тем же путем во двор к машине.

— Есть какие-то соображения? — спросил он.

— Пока трудно сказать. Но вот что на поверхности. Сотникова вроде бы не должна знать Павлову, та училась в колледже за три года до ее появления, а они по моему поводу как будто спелись.

— Есть. Проверим факт знакомства. Хотя подозреваю, что версия насчет тебя и дочери гуляет по мозгам и языкам еще десятка-другого паскудных баб. Знаешь, как это бывает. Одна скажет — и поехало.

— А этого Сему нашли?

— Ищут. Следствие вычислило данного коробейника еще по камерам в подъезде Миронова. Это приезжий, без регистрации. Снимал квартиру действительно в доме по соседству с Павловой. Может, и не случайно. Возможно, она его и познакомила с Мироновым. Сейчас его там нет. Машины его тоже. Квартиру снимал у пары алкашей, которые переехали в свой хлев в деревне ради денег. Они даже не знают его фамилии, не смотрели документы. Мы без них нашли — Ковров. Услуги оказывал действительно многим. Что-нибудь еще?

— Да. Врет она, когда говорит, что не помнит, резала вены или нет.

— С какой целью?

— Не знаю. Может, привлекает к себе внимание как жертва убийц. Нормальный ход для психопатки. Может, этот Сема ей чем-то не угодил, и она мстит. У них могло что-то быть в смысле секса, а она нимфоманка.

— Ты же не отвергаешь версию попытки убийства? — прервал Сергей. — Допустим, это действительно убийца Миронова, она могла его заподозрить. Он дождался приступа ее депрессии, принес сильные транквилизаторы, посидел, пока она наглотается, сделал вид, что ушел. Или ушел, не закрыл дверь и вернулся. Если в отношениях, у него мог быть ключ. И помог, когда она ничего не соображала.

— Конечно, я все это допускаю. Но параллельно допускаю, что эта интриганка и лгунья могла перехитрить даже себя. Для нее характерно демонстративное поведение. Демонстративно пристает к мужчинам, демонстративно шантажирует, кого хочет, суицидом. Ты же помнишь, как она ловила Анатолия. Сама призналась, что симулировала самоубийство. Могла так пугать кого-то еще, того же Сему, к примеру. Немного не рассчитала с дозой и временем. Чуть больше таблеток, чуть глубже порезы, дальше сама не закрутила воду в кране, когда вода полилась на пол. Знала, что соседи снизу дома, а они не сразу заметили потоп. Редкая дрянь баба. При всем моем сочувствии. С такой поте-

рей крови, с таким надрывом все бывает. Может довести свою попытку до конца. Или его попытку.

— Неплохо мы поработали, — заключил Сережа.

Глава 2
ПАПА

В воскресенье я ждала отца.

Мы договорились, что он приедет к обеду, а потом мы с ним поедем покупать ему костюм, куртку и ботинки. Он за всю свою жизнь, кажется, не делал это самостоятельно, без помощи женщины. Сначала ему все покупала мама, потом я — с четырнадцати лет.

Папа ест только домашнюю, хорошо приготовленную еду. Поэтому я с утра сходила в магазин, наметив меню нашего обеда.

На первое — испанский томатный суп с креветками, маслинами и помидорами, на второе фаршированный перец. На десерт — сметанный торт без муки со свежими ягодами. И бутылка его любимого сухого белого вина.

Я готовила, убирала, — и посмотрела на часы в то время, когда папа должен был уже приехать.

Странно, он никогда не опаздывает.

Я не успела встревожиться по-настоящему. Позвонил телефон.

Папа спокойным, но каким-то ослабевшим голосом сообщил, что сегодня не сможет приехать. У него ЧП.

Такая неприятность, впервые за все время, что дом газифицирован. Папа, хорошо зная, какие накладки бывают с газопроводом в Подмосковье, на ночь всегда перекрывал газ.

— А тут, Рита, знаешь, вечером так торопил время, так хотел быстрее тебя увидеть... Всякие мысли, воспоминания, ужасно загрустил. Выпил бокал вина, чтобы уснуть. А проснулся от удушья. Жуткий запах газа. Голова закружилась, с трудом спустился по лестнице, не сразу открыл дверь кухни, добрался до вентиля. Закрутил, проветрил, но запах оставался. Вызвал службу. Они сказали, что вентиль уже поврежден. Да, и в чем мне вообще стыдно признаться: кран на плите был открыт. Огонь не горел. Они только сейчас уехали. Со мной все нормально. За руль, конечно, не сяду. Да и есть не могу: подташнивает. Я просто полежу. Перенесем нашу встречу.

— Да, поспи, — бодро сказала я. — Я сама к тебе приеду к ночи. И привезу все, что наготовила. Не пропадать же. Целую.

Я задумчиво побродила по квартире.

Нормальная неприятная история. Подмосковье, газ, газовщики, которых папа вызывает по самым первым признакам утечки, зевнули повреждение вентиля.

Бывает, точнее, только так у них и бывает.

Что не так? Папа ничего не забывает, вот что не так.

Я не верю в бредни о внезапно накрывающих людей слабоумии и склерозе.

То есть, конечно, накрывает, но это просто получило развитие слабоумие, которое прячется в мозгу с рождения.

Не претендую, конечно, на лавры физиолога от сохи, просто наблюдения за людьми.

Скажу по секрету: я вижу эти зародыши иногда в здоровых, вполне симпатичных детях. Это крайнее отсутствие любопытства, бессознательное отталкивание новой информации, вялая память, владелец которой отвергает любое напряжение.

Мой папа, с его четким, ясным, логичным и упорядоченным складом ума, мог в минуты волнения забыть, что он сделал привычное, обязательное, непременное движение. Ему может потом показаться, что он забыл. Но он не мог ничего пропустить в том порядке, который давно стал автоматическим.

Я перезвонила:

— Извини, папа, хочу уточнить, может, с кем-то посоветуюсь. Вентиль был все же закрыт? Тебе показалось, что ты забыл закрыть? Утечка из-за повреждения? Что сказали мастера?

— Да нет, я же сказал, — смущенно проговорил папа. — Вентиль был открыт. Я забыл. За что и был

так наказан. Хорошо, что таким образом обнаружили утечку. Она была незначительной при закрученном вентиле, но такие вещи нужно исправлять сразу. Ну, и это вообще мое преступление, то, что я забыл закрыть один кран на плите.

— Вот как? Понятно. Извини, что дергаю. Отдыхай. Один только вопрос: если со мной приедет мой помощник по разным делам, ну, ты знаешь — Сережа Кольцов, — ты не будешь против?

— Зачем ты спрашиваешь? Я буду очень рад. Он мне нравится, как и сам факт, что у тебя есть помощник. Жду.

Я набрала номер Сергея, рассказала.

— Только одно хочу сказать, чтобы прояснить ситуацию. Мой папа может забыть поесть-попить, если расстроен или чем-то увлечен. Он может не поехать за деньгами в банкомат, если у него нет настроения, и будет сидеть без копейки и крошки, пока не соберется с духом. Но ни в каком волнении, потрясении, ни в какой боли, потере сил он не забудет сделать такие вещи: помыться, почистить зубы, побриться, выключить газ, свет внизу, проверить, заперта ли дверь. У него жесточайшие алгоритмы в мозгу. Ему не нужно что-то специально запоминать.

— Я понял. Что-то такое есть и в тебе. Именно жесточайшие алгоритмы. Конечно, едем вместе. А я коечто обнаружил, пошел по твоим стопам в интернете.

У Андрея Гришина на странице «Фейсбука» есть не в друзьях, а в подписчиках Иван Сердюк, юрист. Место проживания Мадрид. Вероятнее всего, он и навещал твоего отца, когда ты была в заключении. Начинаю думать, что твоя испанская тетушка оставляет тебе в наследство не булавку с коралловой розочкой, как ты предположила. И есть еще тот дом, в котором ночью чуть было не случилась большая беда.

— Посмотришь, что у нас за домище. По нынешним меркам домовладельцев это скворечник. Но очень милый, конечно. Насчет того, что все наши мифические фигуранты состоят в каких-то контактах, интересно, разумеется. Но это одна среда, на «Фейсбуке» такие люди находят друг друга сознательно и неизбежно.

– Да, это так. Что понятно и любым заговорщикам: это не вызовет подозрений. Даже если там пересекутся заказчик и исполнитель. И еще: в личные сообщения «Фб» проникнуть со взломом труднее, чем в ящик на обычном почтовом ресурсе. Я к тому, не слетать ли моему Васе в Мадрид? Конечно, тайну завещания никто и никому не должен раскрывать. Но она известна как минимум двум людям. Тому, кто составил, и тому, кто хранит. А люди — это самый ненадежный сейф.

— Без вопросов. Можешь заниматься оформлением. И если у него получится повидаться с тетей Изабелл, если она еще говорит и что-то соображает, пусть

передаст от меня привет и скажет ей, чтобы отправила с ним свою булавку с розочкой. Это избавит нас от лишней головной боли.

Глава 3
ТЕНИ В НАШЕМ ДОМЕ

Мы приехали к дому вечером.

Нет ничего более уютного, мирного и спокойного, чем наша деревянная, двухэтажная избушка, — на двух этажах меньше ста метров, — в окружении такого же игрушечного сада: три ели и пять яблонь. За узорной низкой оградкой — плантация десятка роз, рядом грядка для клубники. И забор папа поставил больше для красоты.

Кажется, столяр Ваня делал по какому-то рисунку из папиной галереи.

Папа выглядел очень бледным, даже похудевшим, но, как всегда, выбритым, с чистыми, аккуратно причесанными волосами и в нарядном костюме с новой голубой рубашкой. Он встречал гостей.

Был нам, конечно, очень рад, но с первого взгляда было понятно, что разговор о том, что произошло, начинать пока не стоит.

Перед нами был преступник, который сам себя во всем обвинил, вынес приговор и посыпал бедную

голову пеплом, который и смыл перед нашим приходом.

В этом смысле я привезла бесценного человека.

Сережа сразу умудрился сказать папе самые приятные слова по поводу дома и сада. Помог мне выгрузить продукты, поставить разогревать блюда и вполне искренне присвистнул:

— Я фигею, дорогая редакция. Ты на самом деле приготовила это все сама?

— А то. Частнику на подхвате у казенных ментов этого не понять. Человек не подсаживается на баланду, как на героин, сколько бы ни просидел на зоне. Более того, он уничтожает свое прошлое разными способами: кружевная наволочка по цене золотой цепочки. Духи на весь гонорар за месяц. И еда. Просто первое, второе и десерт, какие едят счастливые и спокойные люди в минуты своих главных праздников — встреч друг с другом.

У меня вырвались эти, слишком искренние слова, а Сереже хватило такта ничего не ответить, даже не взглянуть мне в глаза, которые вдруг стали горячими.

Он просто дотронулся до моего плеча:

— Скажу, как всегда, банальность. Талантливый человек талантлив во всем. Я это понял, когда ты подписалась лепить великого политика из этого неудачного Буратино.

Я накрывала на стол, папа, явно в очередной раз, пошел осматривать свою галерею, а Сережа слонялся у меня за спиной. Но я, как и он, тот человек, у которого со спины и с разных сторон есть глаза и уши.

Кольцов осматривал каждый сантиметр кухни, злополучный вентиль, окно, шпингалет на нем. Затем вышел во двор, я выглянула и увидела, как он рассматривает землю под окном. Достал носовой платок, что-то собирает.

С ночи оттепель — плюс два. Могли остаться следы, если вдруг...

Мы уселись за стол, как семья с симпатичным родственником.

Сережа повел беспроигрышную партию: смешные истории о своих клиентах.

Я постоянно думаю, как икают эти бедолаги, когда он умело и со всем сочувствием делает из них потешные карикатуры. Кому-то и про меня расскажет, когда все кончится. Когда все наконец кончится.

Папа улыбался и ел с аппетитом, постоянно восхищаясь моим мастерством.

Сам он готовит те же блюда гораздо лучше.

Сережа вдруг спросил спокойно:

— Виктор Николаевич, вы с ночи не закрывали окно на шпингалет или недавно опять открыли?

— А я никогда не закрываю на шпингалет, — ответил папа. — Зачем? Кухня за ночь разогревается,

я вечером открываю окно, потом просто его прикрываю. Как сейчас.

— Не опасаетесь воров?

— Меньше всего, — улыбнулся папа. — У меня нет ничего такого, что можно было бы выгодно продать. Даже моя коллекция нужна только мне. Денег — ну, на пару раз сходить в магазин. Если кому-то нужно, — пусть берет.

— А вы проверяли: точно ничего не пропало этой ночью?

— Свою коллекцию я, независимо от обстоятельств, проверяю несколько раз в день. Просто потому, что мне это приятно, — папа ответил уже со стальными нотками в голосе.

— А нельзя все же посмотреть: на месте ли деньги, документы? — Сережа объяснил: — Я всего лишь о том, что мы так узнали бы, не заглядывал ли к вам непрошеный гость.

— Нельзя, — ответил мой неповторимый папа. — Не хочу вас обидеть, Сергей Александрович, но я боюсь напрасных подозрений. Понимаете, у меня с ночи были посторонние люди. Рабочие-газовщики, сосед-слесарь, не помню, кто еще. Я сейчас в плохом состоянии. Вдруг не найду каких-то денег, документов... Получается, на всех брошу подозрение? И это будет не только подозрение в краже, но и в покушении на мою жизнь? Исключено. Нет таких людей. Я достаточно ясно объ-

яснил, как произошел несчастный случай. К счастью, все помогли, все закончилось благополучно, и мне только повезло в результате. Вы с Ритой приехали в гости.

Сережа кивнул папе и выразительно посмотрел на меня.

Я ему подмигнула: ну да, жесточайшие алгоритмы.

После позднего обеда, который был ужином, мы осмотрели папину галерею. Сережу особенно восхитил портрет прабабки Маргариты.

— Если бы не понял, насколько вы честные люди, подумал бы, что это изощренная стилизация. Маргариту нарядили в старинный наряд, картину состарили. Невероятное сходство. И взгляд такой у этой знатной дамы: «Только попробуй».

— Да, такой, — рассмеялся папа.

Мы попрощались на ночь.

Папа ушел в свою спальню.

Сереже я постелила на диване в гостиной на первом этаже, не сомневаясь, что он будет везде шарить в поисках следов. Он проводил меня в мою комнату, рядом с папиной.

Спать совсем не хотелось. Я спустилась за остатками вина, включила негромко музыку.

Попросила Сергея: «Давай без версий на сегодня, ладно?»

Он охотно согласился.

Я рассказала, что вспомнила, о бурной и яркой жизни Маргариты-первой.

Во время разговора Сергей несколько раз смотрел на телефон с выключенным звонком и сбрасывал какой-то настойчивый контакт.

Наконец встретился с моим взглядом и объяснил:

— Это Павлова. Ты была права. Баба — явно нимфоманка, к тому же мифоманка. Небольшой телефонный террор.

— Ее уже выписали?

— Давно. Как минимум неделю дома. Практически здорова. С нервами, как они считают, не все в порядке, но сердце как набат.

— Ее как-то охраняют?

— Нет такой возможности, да и не такой она ценный свидетель. Вот почему я ей дал свой телефон. Чтобы звонила в случае опасности или подозрений. В таких двух случаях! Но она же бомбит постоянно.

— Берегись, скоро позовет тебя спасать ее от депрессии под угрозой суицида.

— Имею в виду опыт твоего мужа. Со мной все будет иначе. Да, Марго, с Никитой из группы поиска Игоря Сергеева договорить удалось. Не знаю, удивишься ты или нет, но он искал именно тебя. Показал даже карточку задания: «Маргарита Викторовна Соколовская». Такие карточки он получает от руководителя группы. Тот — от владельца агентства.

— Можно, я не буду реагировать? В этом нет пока смысла. Да, загадка. Да, Игорь мне ничего подобного не говорил. Но если бы ты был моей подругой, а ты и есть моя подруга в отсутствие других, — то я бы вот что сказала. В его отношении ко мне, в его восхищении, желании, тоске нет фальши. Или такого гениального актера мир еще не знал. Поверь, я очень критична к себе и другим. Меня трудно обмануть, да еще в таком контакте. В этом смысле я не похожа на папу.

— Конечно, — легко согласился Сергей. — Нам надо поспать. Постарайся все выбросить из головы.

На прощание он притянул меня к себе, по-дружески поцеловал только в щеку. Но то было прощание совсем не «подружки», или я совсем ничего не понимаю в мужчинах. А я понимаю. И, похоже, Павлова тоже.

Какая же настырная зараза.

Такое впечатление, что она очень доверяет моему вкусу, потому охотилась на мужчин, которые рядом со мной или моей дочерью.

Привычка оказалась более стойкой, чем жизнь моих близких. Теперь на прицеле Сережа.

Часть одиннадцатая
НИЩЕТА И БОГАТСТВО

Глава 1
ЗАВЕЩАНИЕ

Какая весть... Шок! Радость... Радость? Радость?! Мать вашу, и тетя Изабелла, и все алчные крысы вокруг нее.

Ладно, скажу по порядку.

Наш гонец и гениальный программист Вася прибыл в Мадрид, вступил там в контакт с братьями по разуму, которые всегда от большого ума становятся в какой-то степени хакерами.

Это самая опасная и неистребимая армия. Для нее нет ни стен, ни тайн, ее не остановишь оружием.

Прежде всего они собрали материал на Ивана Сердюка, адвоката моей тетушки. Взломали личную переписку. Он оказался геем.

После одной вечеринки Иван ушел домой со своим любовником и его младшим братом. Это был подсадной «брат».

Любовник взял деньги, даже особенно не вникая, в чем миссия третьего лица. Лицо тихо споило хозяина дома вместе с дружком, добавив снотворное в спиртное. И всю ночь рылось в секретных файлах. Нужные пересылало на ноут Васи.

Утром все встретились за вкусным завтраком, приготовленным заботливым «братиком». Все были довольны и счастливы. Никто не пострадал. Кроме меня.

На меня свалилась глыба настоящего богатства.

Изабелл завещала мне состояние в пару десятков миллионов долларов, старинный замок в Испании, который может стоить в десятки раз больше. Картины, антиквариат — все, что, оказывается, досталось ей от Маргариты-первой.

Изабелл, крайне сухой и скупой человек, за свою жизнь потратила какие-то гроши — процент с капитала. Ей просто больше не было нужно. Ее грела и вдохновляла сама роль могущественного распорядителя богатств. И воображения хватило только на то, чтобы оставить все почти чужому ребенку, единственному в ее жизни, к которому она испытала горячее родственное чувство.

Возможно, она потому и не хотела никогда встречаться со мной, взрослой, — чтобы не испытать разочарования.

Наверное, это высокая и романтическая история любви. Но я бы предпочла прозаичный и прямой кон-

такт. Без тайн и сюрпризов. И без этого завещания, если оно стоило жизней моих близких.

Если такая связь действительно есть, если на папу тоже было покушение, — я поеду к безумной дарительнице и уговорю ее все переписать на общество защиты кроликов. И пусть объявит об этом во всех газетах.

Да нет, я поеду в любом случае, не стану же дожидаться, пока тугодумы-следователи разродятся разгадкой.

Я сделаю все, чтобы она успела меня разлюбить, в идеале — возненавидеть.

Если, конечно, меня не грохнут раньше.

Дело в том, что формулировка там такая: она все оставляет Маргарите Соколовской, в случае ее смерти — мужу, в случае его смерти — дочери, далее — любому кровному родственнику перечисленных наследников.

Если не будет найден никто, поверенный получит особое указание.

И его тоже обнаружил Вася.

Этот резервный наследник — владелец маленького ресторана на берегу моря.

Изабелл считает его своим единственным другом: он много лет сам привозит ей ее любимые устрицы.

Мой муж был убит через месяц после составления завещания. Таня погибла через месяц после него.

Меня упекли за убийство. Если бы получилось с папой, если получится с папой, то останусь только я. И вы же не думаете, что заказчик стольких преступлений какой-то поставщик устриц, никогда не выезжавший из Испании?

Ясно только, что этот тип — чей-то исполнитель, с кем-то в доле. То есть резервный вариант завещания должен быть тетей уничтожен. Без доказательств преступности замысла. Вот и это я должна ей внушить. Хоть бы она еще соображала.

Я не суд. Я слабая женщина, которая должна попытаться спасти жизнь папы, в идеале свою. Тетя — обманутая дура.

Да, Вася повидался с тетей Изабелл. Она живет с двумя служанками и сиделкой.

Вася говорит, она в уме, хотя и небольшом. Она поняла, что он студент, который приехал на каникулы и пришел с нею повидаться по моей просьбе. Он купил в ближайшем супермаркете фрукты, пирожные и вино, сказал, что это я передала.

Тетя плакала от умиления, называла меня деточкой. И передала мне на память булавку с коралловой розочкой. Прошептала: «Пусть приедет на мои похороны. Она все узнает».

Великая интриганка, блин.

Но я вдруг заплакала тоже среди ночи, глядя на эту смешную булавку.

Вася хорошо описал мрачную, скудную, одинокую жизнь умирающей старухи, стерегущей в нетронутости огромное богатство для той, которая всего лишь унаследовала лицо главной и самой яркой представительницы нашего рода.

Да, для меня род — это пустой звук.

Я понимаю только связь близких душ, цепи из горячей крови тех людей, которые стали настоящим, а не мифическим содержанием моей жизни.

Но любовь Изабелл вдруг достала меня в моей защищенности от лишних сантиментов. Бедная, несчастная, жалкая и все же невероятно гордая эта миллионерша, которая создала себе святыню из портрета.

Как жалко ее. Как жалко меня.

Я стала нищей из-за этого богатства, которое мне и при хорошей жизни было не нужно.

— Это все только предположения, — объяснял мне на следующий день Сергей. — Обычное, самое, кстати, банальное предположение. Нет более веского мотива преступлений, чем деньги. Нам нужно только время, чтобы разобраться. Не дается никак связь между всем, что произошло. Ты же понимаешь, прошло время. Но есть — пусть поверхностная — связь подозреваемых, есть приблизительный круг.

— Ты так мне доступно объясняешь, я в восторге. Скажу и я тебе одну простую вещь, которая понятна даже дилетанту. Вы, несомненно, все раскроете, най-

дете и даже кого-то возьмете... На моем трупе. Это будет точно, железно и по горячим следам. Верю: справедливость восторжествует.

— Ценю и понимаю твой сарказм. Но давай без пессимизма. Если убирают свидетелей, значит, кто-то боится разоблачения. Значит, кому-то что-то понятно. Я как раз собирался тебе сказать. Следствие нашло Сему, Семена Коврова, подозреваемого в убийстве Бориса Миронова. Получили ориентировку на его местонахождение в доме, который принадлежит его двоюродному брату, под Ярославлем. Ковров там жил один. Вчера его нашли. Он мертв. Следов насилия нет. Передозировка алкоголя и, видимо, наркотиков.

— Сережа, — у меня вырвался нервный смех, — ты сообщаешь мне это в качестве утешения? Как они, эти убийцы, сильно испугались следствия? Продолжают убивать тех, кто может быть причастен к истреблению моей семьи?

— Трудно с тобой сегодня, — мирно заключил Сергей. — Пока не доказано, что это убийство. Просто передоз. Но подумать есть над чем. Разберемся. А пока Вася занимается личностью и кругом общения поставщика устриц тете Изабелл. Он удачно съездил: много новых, добрых и умелых друзей. Какие у тебя планы на сегодня?

— Ко мне приедет Игорь. У нас любовное свидание, если тебе интересно. И я не собираюсь прятать

тебя под кроватью на тот случай, если он захочет меня убить. Не собираюсь с ним ничем делиться и не хочу у него ничего выпытывать. Просто немного секса для того, чтобы не забыть, что я еще жива. И он — именно он, подозреваемый, — мне подходит в этом смысле. Мне с ним хорошо. А потом я попробую оформиться в Испанию, если получится с судимостью. Нужно успеть тормознуть тетю Изабелл. Нормальные планы?

— Блестящие. Надеюсь, что-то одно получится.

Сергей церемонно простился со мной и напомнил, что он на связи в любое время суток. Если что.

Глава 2
МОИ БОГАТСТВА

Есть вещи, для которых я выделила что-то вроде колумбария в памяти. Ни в коем случае не поднимать крышку над прахом, только иногда в лучшие минуты примирения с жизнью мысленно положить туда призрачную ромашку.

Это захоронения не людей, а воспоминаний.

Сегодня я устроила себе праздник полного, абсолютного одиночества. Это так легко в наше время.

Отключаешь все телефоны — и мир замирает за стеной, как усталый зверь. К двери на звонок не подойду.

У меня есть бутылка белого сухого вина, сыр и черный виноград.

Я так свободна в своих четырех стенах, что могу сказать самую откровенную, самую острую правду самой себе.

Этот колумбарий в памяти — моя трусость, уловка, уход от правды.

Моя резкая прямолинейность в отношении живых людей — тоже в какой-то степени защита и бравада.

Я хочу содрать со всего покровы хитрости и коварства, возможно, вместе с кожей, чтобы эти колючие и ядовитые покровы не успели ранить мою по-прежнему нежную душу, несмотря на то что ее закаляли все, кому не лень.

Почему сегодня такой вечер?

Потому что мое тело ослабело и растаяло от неги в волне страсти одного подозрительного мужчины, о котором я ничего не знаю. Потому что мое горячее дыхание сделало меня настолько сильной, что я сейчас ликвидирую тот колумбарий.

Нет смерти для того богатства, которым для женщины может быть только любовь.

Я медленно пила холодное вино, и его капли, как живая вода, воскрешали самые пылкие, самые бездумно-искренние и полные минуты моей жизни.

Это сеанс проверки на выживаемость, тест на женскую полноценность и, что самое главное, это поиск главного результата.

Вот он: не все потеряно. Главное может быть впереди. Всегда главное впереди.

Я сравнила те минуты, те ощущения, которые так старательно хоронила, с тем, что испытала сейчас, сегодня, прямо этой ночью.

Это не эрзац? Не натужная подмена настоящих чувств, которых давно не знает пергаментная душа?

Нет. Это сокровища одного порядка — из разряда бесценных.

Я не люблю Игоря, но он совпадает со мной по стольким параметрам, по таким строгим, высоким и низким критериям, по такой интимной предопределенности, что я выбрала бы его снова и снова. В любой толпе, на необитаемом острове, десять лет назад, десять лет вперед...

Не на жизнь, а на ночь, для капли восторга, для стона счастливой усталости. И мне не помешает то обстоятельство, что он, возможно, убийца, охотник за состоянием.

Честно говоря, другого расклада уже не получается, если рассуждать логически.

От завещания тети Изабелл тянется цепочка людей, и она ведет только ко мне. Не нужно быть Кольцовым, чтобы выстроить такую схему.

Эти люди послали ко мне Игоря, он должен меня влюбить в себя, развестись с женой, скорее всего фиктивно, стать моим мужем, затем вдовцом. Поделить все на круг заговорщиков.

Что говорит мне сейчас моя интуиция? То же, что и логика.

Это все возможно, если не допустить цепи невероятных совпадений. Но во мне все протестует против мысли о том, что Игорь мог иметь отношение к гибели моих близких. Может, кто-то, кто и его ввел в заблуждение...

Но нет между нами тени его вины. Состоявшейся вины.

Я не могла бы это не почувствовать в самые откровенные мгновения окончательной, непреодолимой близости. Ведь во мне никогда не спит подозрительность израненной волчицы. В нем есть чуткость и совесть, их не истребит ни страсть, ни алчность.

О том, что будет дальше, я и подумаю завтра. Есть такой спасительный рецепт от Скарлетт.

А пока я плыву из вечера своей защищенности в ночь своего покоя. Там меня ждут такие свидания, такие жгучие часы и следы таких сильных прикосновений, какие не получилось смыть ни слезами, ни кровью ран.

Люди исчезли, растаяли в тумане забытья или во мраке смерти.

А их любовь, искренность, правда их сердец — все это осталось в качестве моих трофеев. И я поняла это только сейчас, приблизившись после окопов своей войны к той границе, которую всегда освещает черное солнце ночи. Где происходят только слияния самых сложных и тяжелых людей, отказавшихся на миг от своей отдельности, избранной изоляции. Во имя сладостного подчинения, которое и есть победа.

До первого замужества у меня был один парень.

В свите из многих поклонников всего один мальчик, с которым у нас был настоящий роман.

Впрочем, тогда он казался совсем взрослым. Ему было восемнадцать, мне пятнадцать. Артем был ослепительно, неправдоподобно красив. Так мне повезло.

Все, что я узнала о близости мужчины и женщины, было прекрасно, благоуханно, освещено взглядом синих глаз почти мистической красоты, согрето дыханием удивительных губ.

Млела под нами трава в росе восторга, журчала рядом зеленая река, смягчая зной того, что я чувствовала. И только грозно темнеющее небо помогало мне не потерять себя. Не подчиниться потоку, который был сильнее нас обоих, не смириться во имя всего этого с тем, что было дальше.

А дальше он ждал и любил меня до моего совершеннолетия.

Именно в этот день привел в дом к своим родителям, с их благословения мы и провели нашу первую ночь практически решенного брака.

К утру я была готова к одному: к стремительному и бесповоротному побегу. Под потолком жилища самого заурядного семейства я наконец рассмотрела и примитивную суть своего возлюбленного, которую так изощренно маскировало физическое совершенство, романтика природы и диких, вольных отношений.

Артем успокоился, поверил в то, что меня уже не нужно пленять, — и стал тусклым манекеном удачной формы.

Меня тошнило даже от нее, как от магазинного пирожного с розами неестественных тонов.

Расставание было болезненным. Он сломался и спился. Исчез для меня. А роскошь того подарка судьбы, который был завернут в него, как в нарядную упаковку, осталась.

Я выпустила это сегодня из колумбария.

Первый брак начался с ощущения дежавю. Какой-то странный, навязчивый повтор. И я была готова к побегу, его задержало лишь рождение Тани. Но первый наш месяц был пьянее, чем вересковый мед.

Потому такой результат — такая чудесная девочка родилась. Этот результат я и сохранила — всего один месяц брака-ошибки.

Настоящим, полным союзом оказалась наша встреча с Анатолием.

Именно с ним я испытала осознанную радость близости с равным, глубоким и сильным человеком.

Наверное, я уже была отравлена страхом разочарования, потому что ожидание беды появилось, когда для нее не было, казалось, причин. Что-то меня беспокоило, как крошечное, зудящее пятнышко на коже, которое по форме и цвету может оказаться лепрой.

Сначала просто мысль: почему человек с такими способностями ученого, с такой амбицией карьериста пришел работать в школу? У него была масса более заманчивых перспектив. Потом какие-то неоднозначные штрихи его безупречных контактов с людьми. И вдруг в его отчаянном упоении моей внешностью, моей женственностью я рассмотрела оборотную сторону куда более непреодолимой страсти.

У Анатолия была тайна, которую он удачно скрывал.

Его мучительно привлекали, брали в плен не женщины, а эльфы. Нежные, полувоздушные существа того беспомощного возраста, когда девочка дарит себя миру, воздуху и солнцу, не отдавая себе отчета в гибельности собственной прелести.

Анатолий отважно и честно боролся, держался за мою женскую полноценность, мою необычную внешность, за наши естественные и взрослые объятия, за

обеты, которые подразумевались сами собой. Но рядом цвела моя прекрасная Таня…

Для него это была я, но без уверенности, силы и опыта.

Я — без трезвой оценки и резкого сопротивления тому, что отвергала. Я — в наброске, в нежных намеках, в слабости и доступности цветка. Я совершенно уверена, что такой взрыв, такой взлет и такое падение случились в жизни Анатолия впервые наяву, а не в грезах. Именно мы с Таней это разбудили, а он не смог остановить огонь.

Но наш мир был обречен.

В любом случае, даже если бы не объявились реальные и невидимые враги. Но сегодня я впервые его благодарю за то прекрасное, теплое и чистое, что было.

И самый неожиданный миг любви.

Самое великое открытие и откровение. Я тяжело переносила беременность. Я уже не любила мужа. Мне нужно было работать, чтобы совсем не потерять себя. Мне казалось, я не хочу этого ребенка. Срок подошел внезапно…

Эта разрывающая боль, кровь, которая, казалось, залила и мозг…

Это мокрое, орущее существо, в его отчаянно открытом ротике я увидела ненависть к себе за то, что обрекла его на страх и неизвестность.

Мы разделились, мы отторгали друг друга.

Я потом спала почти сутки, проснувшись, не хотела открывать глаза. Я не хотела видеть ребенка... И вдруг что-то тепло и уютно зашевелилось у груди, которая ныла от кипящего молока.

Я посмотрела. О, боже.

На меня взглянуло совершенство, расплывающееся в молочной голубизне глаз. Это совершенство крепло и становилось все реальнее от каждого глотка белой жидкой нежности из моей груди.

Я истекала любовью. Я растворялась в том, что до сих пор не могу определить. Это был смысл, итог, вершина и начало. Всего, что могло с нами случиться.

Да, сегодня я открыла сердце даже для источника своей самой страшной боли. Пусть будет. Это самое тяжелое богатство матери-сироты. Женщины, которая впускает в жизнь и дом убийц.

Утром я обессиленно смотрела в окно, в сплошную февральскую метель.

Я была так же далека от ответов, как вчера. Так я и не искала их.

Я шла по тропинкам догадок и мелодиям живых чувств к одному пониманию. Я заплатила страшную, чудовищную цену за то, что столько стоило.

В моем случае именно столько. Ни от чего не откажусь, ничего не отдам и не спрячусь от новых счетов жестокого кредитора — судьбы.

Глава 3
НИЩЕТА

Пока я разбиралась с собой — с душой и телом, пока, сжав зубы от раздражения, общалась с безликими функциями, которые брезгливо рассматривали мои документы для оформления заграничного паспорта, — у Сережи кое-что получилось.

Сотникова, наша Тома, спалилась по полной программе.

Сергей, а затем и следствие пошли по пути ее подработок. Обнаружили очень похожие, постоянно повторяющиеся варианты.

Тамара оказывала услуги по уходу во время болезни одиноким пенсионерам. Как правило, они жили в хороших районах, в дорогих квартирах. Видимых родственников рядом не было.

Кольцова заинтересовало в этих визитах Томы то, что инициатива исходила от нее. Ее не нанимали! Вася не даст ошибиться. Сотникова звонила первой. Потом выяснилось, что она приходила как социальный работник, то есть бесплатно. А это уже стойкий запах наводки, который ни с чем не спутаешь.

Короче, в нескольких случаях после ухода Сотниковой за клиентом во время его болезни этот человек приглашал нотариуса и представителей какой-то ор-

ганизации и заявлял о решении передать благотворительному фонду свою квартиру, ежемесячную пенсию за гарантии пожизненного ухода и медицинского обслуживания.

Теперь у следствия уже есть перечень удовольствий в договоре с фондом «Добро» — там по пунктам рай на земле, не меньше.

В общем, получился первый толк от наших с Сергеем поисков во тьме. Он нашел один из приютов для престарелых фонда «Добро».

Не знаю, заинтересовало бы кого-то то, что Сергей увидел, если бы не его связи с МВД и прокуратурой.

Я приехала взглянуть на плоды трудов Сотниковой, когда вокруг обычного жилого дома уже стояли машины полиции, «Скорой», какого-то начальства.

Из двери полуподвального помещения выносили, выводили узников концлагеря, каких мы видели только в кино. Эти скелеты в лохмотьях если могли говорить, то только два слова — «есть» и «пить». Выводили и мрачных теток — надсмотрщиц, сажали в автозак.

Тупая рабочая сила, которая знала свою задачу — убийство голодом и жаждой, что было бы оформлено как естественная смерть в пансионате для престарелых. Там были и «врачи». И так много лет, в разных «приютах».

А получалось все с легкостью, потому что организаторы бизнес-системы — не бандиты, не уголовники. Это чиновники того же пенсионного фонда, службы опеки, контролирующих органов, включая то же МВД.

Обыски проходили в разных кабинетах. Дела заводились, что, впрочем, на меня особого впечатления не произвело.

Как заведут, так и развалят. Свои люди.

В лучшем случае спасенным людям вернут квартиры, что очень трудно, так как их уже продали «добросовестным приобретателям».

А вот что было важно для нас с Сергеем, так это ордер на обыск Тамары Сотниковой.

Сережа обещал, что они с Васей и программистами следствия вывернут наизнанку все ее контакты и связи. Они найдут ниточки, которые должны привести к другим подозреваемым в моих несчастьях. Если такая связь действительно есть.

Я приехала домой, долго смывала с себя тяжелый запах разложения еще живых человеческих тел.

Глаза горели, мне хотелось стереть с них все, что я увидела сегодня. Смыть чем-то едким, обеззараживающим, чтобы сохранить возможность видеть что-то еще. Что-то нормальное, чистое, вменяемое, человеческое.

Когда я там стояла, в том страшном дворе, слепла от ненависти и жалости, я смотрела на оружие в кобуре ментов.

Самым верным средством самой правильной борьбы с такого рода преступностью было бы перестрелять к чертям свору мучителей и тюремщиков. Так они же не здесь. Они же всегда не здесь. Эти тетки тоже рабыни.

Тот, кто придумал способ обогащения, сейчас греет зад в надежном кабинете. До него не доберется даже мой Сергей. Он всего лишь частник.

Вот что такое нищета. Это не сдохнуть с голоду. Это сидеть в сытости и пожирать чужие деньги. Чужие жизни, чужие дни, чужое счастье — просто дышать и видеть небо.

Никогда еще я не испытывала столь острого отвращения к человеческой алчности — это и есть тупость, самый криминальный мотив, самое жалкое и позорное существование, причина несчастий целых народов.

Жадное, жвачное, жестокое и липкое от крови существо — не животное, нет. Это урод, не достойный жить.

Может, получить наследство тети Изабелл и послать киллеров на всех упырей? Шутка.

Теперь мне вообще тошно подумать об этих миллионах. Если за московскую двушку можно устроить ад

на земле для ни в чем не повинного человека, то какие сомнения в том, что за тетины миллионы меня хотят убить. Что из-за них погибли Таня и Анатолий. И кто-то подбирался к папе.

Вот еще что такое нищета — это наша общая беспомощность перед агрессивной алчностью.

Надо срочно ехать к отцу...

Часть двенадцатая
ЗВОНЯТ КОЛОКОЛА

Глава 1
ПРИХОДИ, НЕНАВИСТЬ

Было около часу ночи, когда я подъехала к нашему дому.

Все как обычно. Темно и тихо.

Я подошла к крыльцу, поднялась, открыла ключом дверь и поняла. Именно это и необычно. Слишком темно и тихо. Не горел фонарь у кухонного окна: папа его никогда не выключает.

Могла, конечно, перегореть лампочка. Да, наверное, что-то со светом.

В холле он тоже не загорелся, когда я щелкнула выключателем.

Я нашла на кухне свечку, зажгла ее и поднялась по лестнице к папиной спальне. Под дверью не было полоски света от ночника. Возможно, свет отключился, когда папа уже спал.

Я подошла к его кровати, подняла свечу над его лицом. Оно было неподвижным и мертвым. Не вздрог-

нули ресницы, не шевельнулись губы, когда я его позвала.

Не помню, чтобы я нажимала кнопки быстрых вызовов на телефоне. Нажимала, конечно, раз все приехали. Но я помню только свой страшный крик, вой.

Мне казалось, что люди услышали именно его. И Сережа в Москве. И еще помню, как я билась и отгоняла соседей от папиной кровати, не давала никому к нему подойти близко, дотронуться.

Мне все казались стаей воронья, слетевшейся для того, чтобы заклевать добычу.

Кто-то заменил перегоревшие пробки, включил свет.

Я пыталась поймать папино дыхание, вернуть его, искала пульс, но слышала только гудящий колокол собственной крови, которая сошла с ума. Не знаю, сколько прошло времени, пока меня не скрутили сильные руки и не оттащили от папы.

— Успокойся немедленно, — сказал Сережа. — Со мной врачи, эксперт, сейчас подъедет следственная группа. Глотни воды, перестань хрипеть, ты уже голос сорвала от воя.

Какая-то девушка, видимо медсестра, приволокла меня в ванную, влила в рот валокордин, плеснула в лицо холодной водой, похлопала по щекам, приложила ко лбу мокрое полотенце.

Я захлебнулась каплями и чуть не утонула в воде из ее ладоней. Оттолкнула ее, рванулась обратно.

Сережа ждал меня на пороге спальни, больно сжал плечи.

— А вот теперь убирайся отсюда со своей истерикой. Виктор Николаевич дышит. Он жив, поняла?! Дошло? Но все серьезно, и мешать не смей.

Потом я сидела на кухне.

Сережа вывернул на стол содержимое папиной аптечки.

— Марго, посмотри внимательно: здесь все лекарства, которые Виктор Николаевич принимал?

— Да, все папины лекарства, из которых он принимал иногда только это и это. От высокого давления и при мигрени. Не каждый день, вообще старался терпеть до последнего. А в чем дело?

— Эксперт Масленников считает, что у него отравление большой дозой снотворного. Настолько большой, что ты приехала в самый последний, нужный момент. Это я говорю тебе для того, чтобы ты поняла: ты спасла отца, несмотря на все свое безумное потом поведение. Все нормально, Ита. Они справятся.

— Это оно, Сережа?

— Скорее всего. Ребята поищут следы, зацепки. Когда придешь в себя, проверь все же деньги, документы, его коллекцию. Следователь сейчас смотрит, кто ему звонил или писал. Вдруг какой-то шантаж.

И еще. Уже утро. Полезай в «Гугл» и вызывай мастеров, которые, наконец, поломают ваши идиотские алгоритмы доверия и интеллигентности. Нужны окна из пуленепробиваемого стекла, нормальная входная дверь, запоры.

Четко выраженное задание, ограниченная, простая и понятная задача привели меня в чувство.

Я занималась всем этим, пока меня не позвали в комнату отца.

Там все выглядело как в лаборатории. Капельницы у папиной кровати, на столе приборы. Высокий худой человек, который представился экспертом Масленниковым, сказал:

— Маргарита Викторовна, мы сделали все, что требовалось. У меня передвижная станция оперативной помощи. Сейчас я напишу экспертное заключение анализа крови для следствия. Препарат, который принял ваш отец, в крови обнаружен. Вероятнее всего, он был в стакане с молоком, который стоял на тумбочке. На дне немного осталось. Проверяю.

— Да, папа пьет на ночь горячее молоко. Это и есть его снотворное. Никаких лекарств.

— Я понял. Виктор Николаевич так сказал. Сейчас он отдыхает. От госпитализации отказался. Я и сам так думаю: не стоит его далеко тащить. Здесь все, что ему нужно. Медсестра останется с вами.

— Папочка, — шепнула я с порога и вылетела из дома, чтобы вдохнуть немного воздуха, жизни и облегчения на час, на день, на сколько-нибудь.

Насколько легче отдать свое тело и душу на растерзание людям, системе, боли, чем смотреть, как безропотно и кротко принимает спасение самый близкий, самый беспомощный человек. Так же кротко папа глотнул отраву из рук убийцы.

Да, я успела. Это мне зачет от судьбы.

Спасибо, Сотникова-сука, что напомнила, с кем мы рядом живем.

Я бы ни на секунду не сомневалась в том, кто мог это сделать, если бы ее не взяли вчера. Приходи, спасительная ненависть. Без тебя мне не справиться. Вот сейчас пусть они мне скажут, что к этому имел отношение Игорь, мой прекрасный любовник.

Я разберусь, как никому не снилось.

Глава 2
РОЛЬ ЖЕРТВЫ

Я прожила с папой неделю. Через три дня поблагодарила и отправила медсестру Катю, которая обещала приезжать по первому звонку.

Мы остались вдвоем, и нам было хорошо.

Папа, такой слабый, удивленный и смущенный,

придумывал какие-то детские объяснения случившемуся и казался моим седым ребенком. Я и еду ему готовила детскую. И фильмы находила веселые, смешные. Да и сказки рассказывала на ночь. О том, какие бывают герои-следователи, как они храбро спасают жертв разбойников. А последние плачут от раскаяния.

Дом наш я укрепила, как крепость. Заставляла папу каждый день тренироваться — закрывать и открывать запоры на двери и окнах. Мягко, но неотвратимо внушала ему новые алгоритмы — осторожность, опасения, проверки и предупреждения. И никакого доверия. Хотя бы на время.

Вряд ли что-то вышло из моего неловкого перевоспитания. Но папа очень старался слушаться и не огорчать меня.

Я вернулась домой, когда мне пора было ехать за заграничным паспортом.

В домашнем компьютере обнаружила восемь встревоженных писем от Игоря.

Я всю неделю сбрасывала его звонки по телефону.

В первом письме было новое задание — интервью Кости серьезному американскому изданию. В остальных вопрос: что случилось? — и сдержанные слова несомненной тоски, страха и жажды.

Да, он так и написал: «Я как будто неделю в пустыне, погибаю от жажды. Мне бы только увидеть тебя,

хотя бы издалека. Это и есть мой глоток для жизни. Если ты приняла какое-то убийственное для меня решение, просто скажи».

Я ответила: «Привет. Была у папы. Неотложные проблемы. Устала, отосплюсь и пришлю работу».

И на самом деле провалилась в беспросветный сон больше, чем на сутки. Проснулась один раз, тут же отогнала все воспоминания и заставила себя подумать о чем-то хорошем. Получилось.

Я подумала о том, что могу спать сколько влезет, и меня не разбудит вертухай.

У каждого свой уровень счастья. На том вновь уснула.

Когда разлепила опухшие веки, не знала, день или ночь, какое число. Включила телефон, обнаружила пропущенные вызовы с двух откровенно казенных номеров.

Первый — наше отделение почты, мне сказали, что приносили телеграмму.

Второй — курьер экспресс-почты, мне ценное письмо из Испании.

Время было шестнадцать часов, дата — через два дня после того, как я приехала от папы.

Я автоматически умылась, влезла в джинсы и свитер, надела куртку и пошла на почту. Я знала, что прочитаю в телеграмме, что за пакет принесет мне курьер. Я не знала только, что мне теперь делать. Совсем!

Приняла телеграмму, не читая. Затем расписалась за ценный пакет. Закрыла за курьером дверь. Поставила на стол две бутылки водки, которые купила по дороге. Пила из большой кружки. Так я стала миллионершей.

В телеграмме сообщалось, что моя тетя Изабелл Ляндрес скончалась такого-то числа в таком-то часу. Ее последнее распоряжение мне отправлено незамедлительно. Подпись И. Сердюк. В пакете — завещание на многих страницах.

Я опоздала. Елки-палки, я опоздала со всем.

Я не простилась с этой несчастной старухой, которая, как выяснилось, любила в жизни только меня. Только как отражение своего идеала — Маргариты-первой.

Я опоздала сказать ей какие-то ласковые слова, которые могли бы стать единственным теплом в ее иссушенной, странной, ни на что не похожей жизни.

Я опоздала уговорить ее отдать все в фонд счастья кроликов.

Я опоздала сделать хоть что-то, чтобы выйти из роли жертвы, которую могут убить из-за несчастных денег прекрасной Маргариты, забыв спросить: не отдам ли я их и так. Чтобы остаться. Чтобы папа был жив. В этом и суть: они не спросят!

Я пьянела, рыдала и скрипела зубами. Это становится новой, дурной привычкой.

Я никак не могла вырубиться. На меня надвигалось опять то, что никак от меня не зависело, чем невозможно управлять.

Что делал Кольцов? Чем занималась я? Мы ничего не знаем.

Была глубокая ночь, когда я набрала номер Игоря. Он, конечно, спит сейчас рядом с женой. Тем лучше.

— Приезжай, когда сможешь, — сказала я. — У меня такое... На меня свалилось наследство. Я пью водку.

— Хорошо, — ответил он и разъединился.

Это все, что я смогла придумать, — полететь на огонь.

Глава 3
ПОЛЕТ НА ОГОНЬ

Игорь приехал в шесть утра. Позвонил с дороги, из машины.

Я успела почистить зубы, постоять под холодным душем, выпить две чашки черного, смертельно крепкого кофе. Голова стала легче и яснее, настроение не изменилось ни на каплю.

Я была переполнена гибельным отчаянием, безумной решимостью и... тоской по страсти. Не страстью, не к нему, а ужасной тоской по тому, что могло

быть у нормальной, полноценной и красивой женщины в какой-то другой, безопасной жизни без потерь и смертей.

Он похудел за прошедшую неделю.

Был очень бледным, не успел или забыл побриться. Колючая щетина на щеках, над губой и на подбородке, измученный взгляд запавших глаз — он был похож на беглого каторжника или монаха, свихнувшегося в своей келье от маниакального желания женщины. Одной женщины.

Замечу, этот человек приехал ко мне из супружеской постели. И я допускаю, нет, я только то и имею в виду, что именно жена его ко мне и послала.

Он смотрел на меня так, как будто действительно пил иссушенным взглядом родниковую воду, которая долго-долго была для него миражом.

Сказал только:

— Я даже не догадывался никогда, что можно так скучать по другому человеку.

Прошел на кухню, посмотрел на две пустые бутылки из-под водки, поднял одну, посмотрел на свет, не осталось ли чего-то на дне. Осталось. Он глотнул из горлышка.

На том же столе я разложила документы от тети Изабелл. Он пробежал по листкам внимательным взором профессионала, сразу улавливающего суть, и безразлично отвернулся.

— В десять у меня совещание. Пропустить или опоздать невозможно. Если ты хотела обсудить это, то придется отложить. Я вообще не большой специалист по таким документам, но мог бы кого-то поискать, если тебе нужна помощь.

— Да нет, с помощью все о'кей. Мне просто нужно было поделиться с кем-то самим фактом. Знаешь, как бывает: ничего не ждешь, и вдруг глыба снега на голову.

— Понятно, — улыбнулся он и кивнул на бутылки: — Это помогло немного?

— Да, немного. Есть еще и другой повод. Моего папу пытались убить. Вот почему я была там.

— Что ты сказала? Ты уверена? Как? Что с ним сейчас?

Десять тысяч экспертов-психологов не уличили бы его в притворстве и лицемерии.

Я в этом уверена, потому что никто, кроме меня, не подозревал его в преступлении так сильно. Мне нужен был один неверный вздох, чтобы вынести приговор тому, кто уже обнимает меня трепещущими от нежности и нетерпеливого восторга руками.

— Уверена. И я, и следователи. С ним сейчас все в порядке, — ответила я.

И притянула его за шею, прижалась к колючему лицу.

Я не вынесла приговор: неверного вздоха не было. Что значит только одно: я не хочу войны. По крайней мере, с одним человеком. По крайней мере, сейчас.

Мы с Игорем были вместе два часа пятнадцать минут. Они пролетели, как молния, сквозь наши тела, утратившие всякую связь с контрольным центром мозга. И каждая секунда светилась отдельно, как звезда в короне моего маленького царства.

Но на часы мы взглянули синхронно.

Когда Игорь, уже одетый, вышел из ванной, я поставила перед ним на кухонный стол чашку кофе и тарелку с горячим тостом. И спросила (так сказать, эффект неожиданности):

— Твоя жена была рядом, когда я позвонила? Она догадывается о том, что ты уехал так рано к женщине?

— Рядом, — ответил он. — Не исключаю, что она в курсе. Почти уверен. Но мы уже настолько далеки, что нескромных вопросов друг другу не задаем. Так бывает. Ты умный человек и наверняка это знаешь. Можно спать рядом и быть очень далеко. Я подал заявление о разводе. Надеюсь, Эльвира согласится без суда.

Игорь встал, вытянулся передо мной, как ученик на уроке перед учителем, и добавил:

— Я не собираюсь делать предложение тебе, наследнице-миллионерше, если ты об этом подумала. Меня устраивала вчерашняя зэчка. Другой статус пока

не заинтересовал. И брачные узы пока не влекут, а наоборот.

— Отлично, — сказала я, как бесстрастная училка. — Я тоже — больше ни-ни. Что угодно, только не счастье семейной жизни. Спасибо, что приехал. Меня отпустило. Работу пришлю через пару часов. Наш Костя выйдет на международную арену.

Я закрыла за Игорем дверь, медленно помыла посуду.

Как безошибочно правильно он ответил на мои вопросы. Любой драматург написал бы положительному герою именно такой текст. Любой чертов примитивный драматург.

Ничего, я поставлю вопросы иначе. И не вопросы.

Два часа пятнадцать минут спасительного огня — это очень много. И ни разу не повод не устроить для любовника ловушку. Организовать на него засаду. Эти неумолимые факты.

Он подал на развод, я получила завещание.

Часть тринадцатая
КРУТЫЕ ПОВОРОТЫ

Глава 1
СИНДРОМ ПАВЛОВОЙ

Сережа распутывал обильные контакты Сотниковой. У нее забрали несколько телефонов, два ноутбука, вскрыли имейлы на всех ресурсах, проследили связи на всех сайтах.

У следователей масса материала для проверки и разных уголовных дел. На редкость многосторонняя мошенница.

Если рассматривать во всех эпизодах результат, как с приютом «Добро», то соучастница в убийстве. Там обнаружили и трупы в овраге за Кольцевой.

Это случаи, когда не получилось с констатацией естественной смерти, налицо откровенное насилие.

И только Кольцов с Васей искали связь с офисом Игоря Сергеева. И они нашли ее.

Звонок на один из телефонов Сотниковой был входящий. Ей просто назначили встречу, потому что тут

же на имейл пришло из группы поиска персонала письмо с датой и временем.

Такие письма оттуда рассылают с общего ящика.

Так удобнее руководству контролировать встречи своих сотрудников и очень трудно узнать, кто конкретно послал письмо.

— Трудно — не значит невозможно, — сказал Сережа, развалившись на диванчике в кухне. — Извини: спина требует расслабухи. Мы всю ночь работали. Но по дате и времени найдем и того, от кого письмо. Время ушло даже не на это. Мы искали и связь Сотниковой с Надей Павловой. С того момента, как я прочитал переписку Томы с твоей дочерью, я думаю, кто же был информатором. Она пришла в колледж за несколько месяцев до гибели Анатолия. И так быстро установила доверительные, почти родственные отношения именно с твоей дочерью. В ее почте нет аналогов такой переписке. Сотникова очень скупо общается, как все преступники. Павлова в качестве информатора очень бы подошла. Свидетель по делу, имела прямое отношение ко всем действующим лицам, пристрастна, одержима, сплетница и интриганка по натуре. Не знает, так придумает. Но пока ничего не нашли.

— Что ничего не значит, — сказала я. — Они могли найти друг друга и без звонков, тем более писем. Скажем, Павлова пришла в колледж посплетничать,

познакомилась с Томой. Или, наоборот: Тома, узнав каким-то образом подробности дела, а она их явно знает, нашла Павлову по домашнему адресу, который есть в колледже.

— Да, конечно. С этим разберемся, возможно, напрямую с Надей. Она не дергает меня уже несколько дней. То ли лечение подействовало, то ли обдумывает новый план.

— Она не работает?

— Так у нее работа — системный администратор в почти скончавшемся НИИ. Оклад семь тысяч. Режим свободный. Звонят, если старый компьютер у кого-то зависнет. Думаю, приступила без проблем и ущерба для своей напряженной внутренней деятельности.

Сережа почитал документы от тети Изабелл.

— Серьезные перемены, — заметил он. — С хорошим специалистом у меня есть договоренность. Свистни, когда будешь в состоянии заняться. Как с паспортом? Ты поедешь на похороны?

— Нет. С живой тетей я попрощаться не успела, а просто ритуалы никому не нужны. Я папу не оставлю. И совершенно не хочется раньше времени видеться ни с этим Сердюком, ни с поставщиком устриц. На этом этапе ищите крысу без меня. Оснований полагать, что она есть, больше чем достаточно.

— Как Игорь Сергеев? — безразлично спросил Сережа.

— Отлично. Был недавно у меня. Видел все это. — Я кивнула на документы. — Разводится с женой. На мне жениться не собирается. Объяснил это очень убедительно.

— Очень рад тому, что вы начали обсуждать самые болезненные темы. Это полезно для отношений. Читал у одного психолога.

Я посмотрела на Сергея, детектива, прорывшего вокруг меня множество подземных траншей в поисках мин, на завещание, которое, вероятнее всего, стало мечом над всеми нашими жизнями, бросила взгляд на дверь своей спальни, в которой еще не растаял воздух любви, — и мои виски как будто кто-то сжал стальными тисками.

Что это все? Это точно свобода?

Да мне в бараке бывало в тысячу раз легче на душе.

Именно потому, что там была абсолютная нищета, беспросветная пустота. То, что на меня свалилось, мне не под силу.

— Сережа, давай сегодня больше ничего не обсуждать. У меня Костик выходит на международную арену. Нужна серия статей.

— Везунчик наш Буратино, — восхитился Сережа. — Ему очень повезло и с пиарщиком, и с автором. Наткнулся тут недавно на какой-то текст, как будто в твоей кухне посидел. Полный интеллектуальный комфорт.

Самое бесценное качество моего частного сыщика — с ним приятно болтать о всякой чепухе.

Я на какое-то время отвлеклась от всего. Нас прервал звонок его телефона.

— Так и знал, что она явится, стоит ее помянуть вслух. Это Павлова.

Сережа ответил:

— Кольцов слушает.

Павлова трещала громко и возбужденно. Слов я не могла разобрать, но ясно, что ее распирает то ли от новой информации, то ли от очередного приступа симуляции.

Сережа слушал спокойно, не прерывая.

Затем сказал: «Еду к вам» — и разъединился.

— Новый поворот от Нади Павловой. Узнала о смерти Коврова. И хочет сообщить следствию важную информацию. Но сначала мне. Такой у нас уровень доверия.

— Сказала, какую?

— Именно. Говорит, до следователя должна посвятить меня, чтобы не обвинили ни в сокрытии, ни в соучастии. Она подозревает, что Бориса Миронова убил Ковров.

— Почему скрывала до сих пор?

— Потому что боялась. Он ей угрожал. И теперь она вспомнила, что он вернулся в тот день, когда она лежала в ванной после дозы лекарств. Теперь она уже

уверена, что это он ей и подсыпал лишние порошки в еду, они вместе ели. И точно знает, что он и вены перерезал. Вроде предоставит улики. Типа отошла и сама во всем разобралась.

— Ты ей веришь хоть в чем-то?

— Я вижу сплав, чудовищный замес: только у нее и есть серьезная информация о гибели твоих близких, но именно она упоенно лжет, пытается торговать правдой. Причем покупателю попытается подсунуть поддельный товар. Это какой-то маниакальный синдром, который она сделала смыслом жизни. Синдром Павловой. Я поехал, пока она не изобразила попытку перерезать себе горло. Не исключено, чтобы подставить меня. Или тебя, что еще вероятнее. Она рыдала, говоря о смерти Коврова. Говорит, его убил какой-то заказчик. И еще — он был ее любовником.

— Черт подери, какая насыщенная жизнь у этой психопатки. Постарайся вернуться живым.

Глава 2
БОМБА ПОД ЛЮБОВЬ

Павлова обеспечила работой и Сергея, и следствие. Показала, что после гибели Миронова у Коврова появилась зажигалка той же фирмы, что была у Бориса.

Это очень дорогая вещь, Боря ее никогда не оставлял без присмотра — или на столе под рукой, или в кармане.

Есть особая примета. Миронов нацарапал на ней лезвием ножа крошечную букву «М».

Павлова видела ее у него в руках буквально за день до смерти.

Когда к ней пришел Ковров и прикурил сигарету такой зажигалкой, она спросила, где взял. Он ответил, что давно искал такую и, наконец, попалась относительно дешево. Но она заметила там букву «М».

Кроме того, у нее есть зубная щетка Коврова.

Он чистил ею зубы и в тот последний раз, когда после его ухода ее нашли с перерезанными венами. Она ее не выбрасывала и не мыла, может, понадобится ДНК, чтобы ей поверили, что они состояли в близких отношениях.

Его следы следствие может найти и на грязном постельном белье в плетеной корзине в ванной.

Это объясняет, почему она могла расслабиться в его присутствии, а у него была легкая возможность совершить преступление.

Лезвие, которым резали вены, следствие изъяло. На нем есть ее отпечатки пальцев. Но их мог поставить тот, кто резал, когда она уже была сонной. Если сам был в перчатках. А вот бумажную упаковку от лезвия

она якобы недавно нашла на дне мусорного контейнера.

В перчатках трудно открыть такую упаковку, возможно, на ней есть отпечатки преступника.

Во всяком случае, попросила проверить: есть ли на этой упаковке ее отпечатки. Она сама ее достала в хозяйственных перчатках. Такая запоздалая, но бешеная активность и прозорливость.

Как бы там ни было, но эксперт нашел на упаковке лезвия отпечатки Коврова. Ее — нет. После смерти подозреваемого в другом городе такую улику не сфабрикуешь. Я подумала, но лень было им сказать: Павлова могла просто найти упаковку от лезвия, каким когда-то у нее побрился Ковров, или не нашла, а на всякий случай сохранила. Интриганка ведь. На отпечатке нет даты и числа. Но не сказала. Пусть роют сами.

Все закрутилось по новой.

Обыск в доме, где нашли труп: теперь искали зажигалку, которой на теле не было.

Контрольный осмотр ванной комнаты и кухни Павловой.

Она предоставила следствию свою квартиру, сама поехала на неделю в оздоровительный центр по путевке психдиспансера, где наблюдается после суицида. Обещала вспомнить все разговоры Коврова в ее присутствии по телефону, всех людей, которых она видела

с ним, — для поиска следствием заказчика убийства Миронова и покушения на ее жизнь.

Заявила, что если раньше она втайне допускала, что Ковров мог убить Миронова из ревности к ней, то после его смерти она уверена: то был чей-то заказ.

Убирали свидетелей именно убийства Анатолия и Тани.

— Ты просто получил помощника в лице Павловой, — сказала я Сергею.

— Можно и так сказать, — заметил он. — Версии и улики посыпались, как из рога изобилия. Даже не знаю, почему у меня в голове постоянно вертится одно имя. Иван Сусанин. По правде говоря, я уже сам не знаю, кого мы ищем вокруг нее. Только ощущение, что случайных людей в нашем круге объектов внимания нет.

Была пятница.

Сергей поехал с группой в дом, где убили Коврова. А ко мне часов в шесть вечера приехал Игорь. Никогда еще он не приезжал так рано.

Мы посидели за кухонным столом, попили кофе с булочками, как мирная семейная пара. Затем я сказала ему, что обещала приехать к папе до ужина.

Отменить не могу, опоздать тоже. У папы строгий режим после отравления.

— Конечно, — поднялся Игорь. — Ухожу.

Поднялся, притянул меня к себе. И все медлил, и все не говорил прощальных слов. Вдруг посмотрел взглядом робкого подростка.

— Я все не решаюсь попросить тебя. Разреши поехать с тобой. У меня в кои веки свободный вечер, да и выходные тоже. Я больше не обязан вовремя возвращаться домой. Познакомь меня с отцом. Давай побудем вдвоем — как можно дальше от всего. От работы, от идиота Кости, от этих твоих бумаг, которые могут увести тебя от меня навсегда в какую-то другую жизнь. И, конечно, подальше от твоих проблем, бед и страшных подозрений.

— А поехали, — просто ответила я.

И мы отправились на его машине.

Он предложил мне устроиться сзади, где можно разлечься с ногами на просторном и мягком кожаном сиденье с регулируемой спинкой, укрыться пушистым пледом, включить музыку и даже разложить походный бар с напитками в маленьких бутылочках и печеньем.

Не припомню, когда еще мне было так уютно после возвращения из заключения.

Наверное, только в первый приезд в наш дом. Но там были только ожившие воспоминания и детские чувства. А в этом путешествии со мной был любящий и заботливый мужчина. Здесь и сейчас. И мы плыли вдвоем по волнам густых, темнеющих сумерек. И был

наш корабль защищен от мира, как крепость. И светился его огонек, как символ иллюзорного, безмятежного, плавучего дома, подаренного на минуту, на час для отдыха и награды.

...Я все это вспомнила через неделю. Прошлась обнаженными нервами по каждой секунде. Вот дошла до последней. Тут еще тепло, мягко, млеет тело и душа.

А тут уже налетела следующая, грозовая секунда. И мое тело, замороженное болеутоляющими уколами, вновь взрывает немыслимая, разрывающая каждую клеточку боль. Глаза слепнут от огня и собственной крови, дыхание прервано запахом катастрофы.

Сергей рассказал мне, как все было, уже здесь, в больнице, когда я пришла в сознание.

Взрывчатка была заложена под заднее сиденье.

Все службы вызвал случайный гаишник.

Кольцову сразу сообщил помощник, отслеживающий ДТП и несчастные случаи. Он проверил по приложению нахождение моего мобильного.

Сергей связался со следственной группой Земцова. Примчался вместе со «Скорой».

Я была в страшном виде, но еще не потеряла сознание. Спросила, погиб ли Игорь. И тут же увидела его лицо, склонившееся надо мной. Белое, перевернутое лицо с красными струями, стекавшими со лба.

И сейчас вновь ощущаю тот леденящий страх. Помню, я тогда закричала:

— Это убийца. Арестуйте его.

И потеряла сознание.

— Будем считать, что тебе повезло, — сказал Сергей. — Тачка у Игоря Сергеева вся из особо прочных материалов с защитой от взрывов. Даже кожа на сиденье закалена и обработана. Взрывчатка под тобой была не слабая. Но голова не пострадала, что меня беспокоило в первую очередь. Кости целы. Шрамы на какое-то время останутся. На лице, говорят, скоро пройдут. А в остальном ты из тех женщин, которых этим не испортишь.

— Хорошая шутка, — попыталась улыбнуться я.

Мне еще не показали зеркало, но было полное ощущение, что от лица остались только глаза и щель, куда заливали жидкое питание, причем она от всего болела.

— Зубы целы, ты не в курсе?

— Конечно, — с энтузиазмом сказал Сережа. — Бог всегда на стороне зверей. Он не оставил бы такую хищницу беззубой. Все у тебя будет хорошо, если ты о красоте. А теперь давай немного поговорим. Тебе все равно придется обсуждать все со следователем. Ты помнишь, что требовала арестовать Игоря как убийцу? Это было сознательно? Ты и сейчас считаешь, что он может быть причастен?

— Я помню. Не знаю, как отвечу следствию, я не стукачка. Но тебе постараюсь объяснить. Во время взрыва я не потеряла сознание, я даже не перестала соображать. Была уверена, что водителя разнесло в клочки. Я вообще думала, что взрывчатку подкладывают в двигатель. И когда увидела его лицо... Я в такой жуткой ситуации вдруг не обрадовалась, а страшно перепугалась. Теперь я точно знаю, что страх смерти страшнее смерти. Да, в его полубезумных глазах я прочитала что-то вроде любопытства: жива ли. Но, разумеется, никаких официальных обвинений. У меня нет причин, кроме собственного страха. А его не арестовали?

— Нет. Его отпустили под подписку о невыезде как главного свидетеля. И да, подозреваемого. Но о последнем пока не знает он сам. Потому что это версия, основанная исключительно на моих расследованиях вокруг твоего завещания и гибели мужа и дочери. А их пока нет в официальном деле. Я не стану тебя больше мучить. Скажи просто: ты подозреваешь его сейчас? Он ведь тоже пострадал, не сильно, правда. Но я не припомню такой ситуации, чтобы виновник оставался на момент взрыва в машине. И потом, он ведь ничего не выигрывает от твоей смерти, раз вы не женаты.

— Я продолжу твою мысль, — сказала я, чувствуя, что теряю сознание от слабости, ожившей боли и все того же холодящего страха. — Мы не просто не жена-

ты. Он понял меня в том, что этого не будет вообще. А он меня хорошо знает. Из этого решения вытекает, что так близко ко мне не окажется никто другой. И что он сам ближе уже не будет. Да, ни у кого другого не было такой возможности. Кроме тебя. То, что сам пострадал, снимает подозрения, пускает всех по ложному направлению. И если бы я... Если бы хотя бы вышибло мозги, как ты опасался... Начинает работать последний пункт тети Изабелл. Поставщик устриц. Вот и мотив. Сережа, мне плохо. Меня тошнит. Мне не оторвало ни голову, ни ногу, ни руку. Только мужчину, который был физически близок и приятен. Такое членовредительство...

А когда Сережа ушел, когда прибежала медсестра с уколами, я уплывала в царство обезболивания с рвущейся от горя душой. Не в потере одного мужика дело, а в предательстве.

Бог плохо защищает хищниц.

Глава 3
ОТКРЫТАЯ ИГРА

На следующий день врач спросил у меня, готова ли я пообщаться со следователем.

Я попросила принести мне зеркало. Медсестра достала из кармана свою пудреницу.

Я взглянула и сказала врачу:

— Если можно, скажите, что только через два дня. Какой может быть разговор с таким уродом.

Врач понимающе кивнул, вышел. А я попросила свой телефон и написала Сергею список кремов, тканевых масок, пудры и гигиенической помады.

Мне кажется, Сережу надо брать в штат на зарплату главного распорядителя по уходу за моим организмом.

Никого другого я к этому допустить не могу. Чего стоит эта маленькая и миленькая палата на одного в обычной московской больнице. Это он сразу потребовал для меня.

Я не уточнила, какая была названа причина.

Теперь их две: я — жертва покушений и наследница миллионов. Здесь даже ванная есть. Там я и провела полдня.

Врачи сказали правду: повреждения на лице заживали, корочки отошли после компрессов. Полностью погрузиться в воду я еще не могла из-за бинтов, но умудрилась смыть ощущение неопрятности, запущенности, запах нечистоты. Даже голову помыла.

— Вот. — Сергей поставил перед моей кроватью большой яркий пакет. — Лучший магазин, как ты и велела. После меня ассортимент там стал гораздо беднее. Можно уточнить: ты для себя или решила бизнес

открыть, чтобы не простаивать в этой больничке? Я читал, что люди, которые почувствовали хотя бы запах денег, уже не могут прожить и минуты, чтобы не усиливать это ощущение.

— Примерно так, — согласилась я. — Это только для меня, но именно с целью придать себе товарный вид. Для того чтобы получить миллион, надо выглядеть на миллиард, — такая логика. Ко мне просится следователь. Что посоветуешь?

— Товарный вид — это правильно. Насчет следователя скажу главное. Это не тупой, безразличный мент, для которого твоя драма — дежурное дело. Это Вячеслав Земцов, руководитель отдела по расследованию убийств. И главное, это мой друг и постоянный соратник. Он в курсе всей твоей истории, готов вновь поднять дело убийства твоего мужа по открывшимся обстоятельствам. Новые обстоятельства — завещание, покушение на твою жизнь и, стало быть, твое ложное признание, за которое ты отсидела. Пора вносить официальную ясность. Решайся, дальше нам вдвоем никак.

— Хорошо. Иди. Я займусь собой, заодно немного успокоюсь перед тем, как нырнуть в эту бездну. Ты представляешь, что меня ждет?

— Конечно. Только ты больше не одна. Мои посекундные, доказанные расчеты твоего алиби уже у Славы. Не преувеличивай свою роль. Теперь нужны только

профессионалы и твое согласие. И, конечно, адвокат. Ты же понимаешь, что не было на свете миллионерши без адвоката.

— На хорошего адвоката мне пока не хватит.

— Хороший с удовольствием подождет, пока не сможет отщипнуть кусочек состояния нашей тети. Как и я, впрочем. Можешь не присылать мне деньги за мешок этой мазни. Предпочитаю, чтобы ты становилась моей должницей.

— Действительно смешно. Хорошо, что ты такой дурень, я даже сама начинаю верить, что возможна ситуация, в которой я получу эти деньги. Кстати, мне на счет упал гонорар от Игоря.

— И что ты почувствовала?

— Все то же. Холодный ужас.

— Мой совет: говори Славе только правду. Он знает, что имеет смысл оставлять за рамками протокола.

Когда Земцов назвал врачу точное время своего визита, я с утра почувствовала все свои зубы. Они стучали от страха. Не только потому, что мне предстояло говорить с чужим человеком о своих самых болезненных подозрениях, делиться интимными подробностями личной жизни.

В кои-то веки у меня появилось подобие личной жизни после двух лет, в течение которых я не знала, что такое закрытый туалет. С этим я справлюсь. Но...

Мне придется вернуться туда, в свой по-прежнему раскаленный ад. Схватить там голыми руками луч пламени и притащить его в сегодняшний день. Чтобы что-то осветить, чтобы остальное сжечь к чертовой матери.

Наверное, я бы еще долго не решилась, если бы судьба в очередной раз не подложила под меня бомбу. На этот раз в самом прямом смысле. Чтобы избавить от сомнений: час настал.

Вячеслав Михайлович Земцов сначала показался мне именно казенным, безразличным ментом, который ведет дежурное дело. Может, и не тупым — взгляд внимательный, неглупый. Но весь он — от макушки, где торчали вихры светлых волос, до носков немодных ботинок, — отталкивал саму мысль о доверии, о надежде на хоть какое-то понимание.

В моей голове пронеслись все варианты: срочно отказаться от идеи официального расследования, ограничить все только взрывом, не касаясь остального, главного, поставить какие-то свои условия, которые они не смогли бы нарушить...

На подоконнике безучастно сидел Сергей, любуясь видом двора-колодца.

Хорошо он оттенял своего соратника, обычный костюм которого смотрелся как серая, суконная шинель.

Сережа казался яркой дамской акварелью — синеглазый блондин на фоне облаков.

— Маргарита Викторовна, — начал Земцов, — нам легче всего начать разговор с того, что я обладаю достаточно полной информацией. У меня нет необходимости заставлять вас отвечать на формальные вопросы. Моя задача — подтвердить или опровергнуть ваши намерения. Сразу задам ключевые вопросы, ответить прошу в любом порядке. Вы готовы выступить с официальным заявлением о своем самооговоре? Основания для этого достаточны — попытка спасти главную подозреваемую, против которой все прямые улики, — то есть дочь. Согласны ли вы сделать достоянием нового расследования весь круг лиц, которых частный детектив Кольцов определил как участников общего заговора? Подозреваете ли вы своего работодателя Игоря Сергеева в причастности к заговору, который связан с вашим наследством? Допускаете ли его причастность к покушению на вашу жизнь? И последнее: считаете ли происшествие с вами продолжением преступлений, которые происходили в вашей семье в последние годы?

Я на мгновение прижала веками закипевшие слезы в глазах, перевела дух и ответила:

— Да, да и да. По всем вопросам.

— Тогда просто работаем, так?

Земцов вдруг улыбнулся той самой улыбкой, которая выдает ум и деликатность человека, чья цель скрывать все человеческое в себе. В интересах условного

дела, которое якобы требует только холодной головы без чувств и сожалений.

Я кивнула, а Сережа, спрыгнув с подоконника, с воодушевлением подытожил:

— Какой содержательный и насыщенный у вас получился допрос. И это ни за что бы не вышло, если бы не мой налет на магазин для исцеления взорванных женщин. Слава, ты хоть понял, что, если этого тяжелого инвалида еще немного подлечить, вытащить из бинтов, нормально покормить и дать глоток вина, — мы увидим красавицу? Которой больше всего идут миллионы тети Изабелл? Ты это понял, Слава?

— Так точно, Кольцов. Не дураки, что-то и мы понимаем. Что у вас с адвокатом?

— Марго пока не в курсе. Но я начал переговоры с Андреем Петровым. Что скажешь?

— Нормальный вариант.

Сережа достал айфон, открыл там снимок, показал мне:

— Как тебе, Марго? Адвокат — это не сыщик, он должен нравиться внешне.

На меня смотрело интеллигентное, сухощавое лицо привлекательного без всяких сомнений мужчины. Именно тот тип, который и должен был мне понравиться.

— Никак, — ответила я безразлично. — На всякий случай подготовь кого-то еще. Чтобы был выбор. Спасибо, господа, за внимание, но я очень устала.

Когда за ними закрылась дверь, я укрылась одеялом с головой и страстно, с тоской обняла свое одиночество.

Нет у меня других союзников на земле.

Часть четырнадцатая
ПОБЕДЫ — БЕДЫ

Глава 1
ГРЕХ НА ДУШУ

По делу взрыва машины Сергеева задержали работника автосервиса, откуда Игорь утром забрал машину. Ею занимался новый служащий Петр Кузьмин.

Теперь уже не Сережа, а официальное следствие отслеживало его контакты, звонки и возможные связи с группой подбора персонала агентства Сергеева.

Они по всем камерам наблюдения убедились в том, что Игорь не имел возможности подложить взрывчатку лично, не обнаружили в течение предшествующих дней фактов его встреч с кем-то, кто мог бы быть изготовителем или продавцом бомбы. Но они допускали, что это сделал работник по его заказу. Или не только по его.

Дело в том, что с Тамарой Сотниковой, на которую вышла группа поиска, встречалась в офисе жена Игоря, Эльвира Сергеева.

Я так и чувствовала, что этой подлой идеей — втереться в доверие к моей дочери, чтобы получать информацию, — руководила женщина.

Жестокое чудовище, готовое ради чужих денег проникнуть в душу чужого ребенка, растравить ее боль и раны, использовать все для подготовки убийства. Убить.

— Прошу вас не делать выводов до следствия, — сказал мне Земцов. — Мы еще не выслушали объяснений ни Сотниковой, ни Эльвиры Сергеевой. С последней встретиться не так легко. Уважаемый человек, дочь известного дипломата.

— Что должно произойти, чтобы вам стало легче получать о ней или от нее информацию? Неужели ее приступ откровенности и раскаяния?

— Не нужно сарказма и поспешности, — ответил он спокойно. — Контакт с Сотниковой — это уже косвенная улика сговора. Только сговора! Если Эльвира знакома с Кузьминым — это совсем другая история. Дело в том, что ее машину обслуживают на другом сервисе. Да, мы должны получить подтверждение или опровержение контакта без нее. Независимо от статуса приличного человека.

Я не спешила.

Я просто хотела знать, возможен ли какой-то результат у этого возвращения к прошлым преступлениям после того, как все следы смыты, все улики унич-

тожены, самые важные свидетельства скорее всего изъяты из протоколов.

Я не могу знать, что там было, но даже без Сергея поняла бы, что из материалов убрали все, что могло бы посеять сомнения в моей вине. Плюс фальсификация времени и фактов. Тогда мне все это было безразлично. Мне казалось, это мое шоу, они играют под музыку моего признания.

Я была уже неделю дома. Отходила от потрясения и боли, приходила в себя. Возвращалась к себе.

Когда заставила себя включить компьютер, отправила Игорю заявление о расторжении нашего договора.

Решилась погулять по соцсетям.

Чета Сергеевых — это не психопатка Павлова, которую знает от силы десяток человек. И даже не Сотникова, фамилию которой узнали после ее ареста социально не безразличные люди.

Имя таким, как Сотникова, — легион.

Сергеевы — элита, даже без кавычек, с какими в наше время чаще всего употребляют это слово.

Дело Игоря — политический пиар — сделало его брендом не только имен, но и качеств продвигаемых политиков.

Эти качества — как знамена: порядочность, искренность, бескорыстное служение. Они слились с образом самого Игоря. В каком-то смысле Игорю удалось стать исключением в своем деле, на нем точно нет клей-

ма продажности. Плюс его личная аура обаятельного и светского человека.

Жена дочь дипломата, дитя привилегированного круга, — из тех, кто вне подозрений, как жена Цезаря. Вряд ли могла быть утечка следствия по моему делу, но сама история со взрывом, с пострадавшей женщиной на заднем сиденье известного, женатого человека не могла не вызвать слухов и предположений.

И я нашла это в обсуждениях происшествия.

В комментариях писали, что Игоря с тех пор никто не видел, на работе его нет. И о себе прочитала неизвестно откуда взятые сведения.

Маргарита Соколовская отсидела за убийство мужа.

Сергеев взял ее на работу не просто так. Они любовники. А когда приличный человек приближается к криминалу, то надо быть готовым к таким происшествиям.

И тут же реакция скептика: «Сама она, что ли, себя взорвала, чтобы замазать «приличного» человека в криминале? Его вроде тоже зацепило. А если следствию замахнуться на его еще более приличную жену? Когда взрывают любовницу, ищи ревнивую жену».

Я бежала из этой клоаки с полным ощущением, будто меня облепили дегтем.

Это табу — читать поток сознания наших исключительно «добрых» людей, когда их праздное и исключительно ядовитое внимание касается тебя.

И на самом деле это такая ерунда — пустые обывательские сплетни вокруг криминального поворота в любовном треугольнике.

Такая невинная чушь по сравнению с тем грозным обвинением, какое, по сути, выдвинула большому кругу известных людей я. Они все даже пока не в состоянии такое себе представить.

Истребление моей семьи ради наследства. Убийства с целью грабежа. Замысел длиною в годы, который неотвратимо воплощается в жизнь. То есть в нашу смерть.

Вот тут и стало страшно.

Если я не права? Если Сергей пошел по ложному пути? Если мы следствие пустили по неверной дорожке оговора? Если дело действительно всего лишь в ревнивой бабе, а все остальное — дикие совпадения...

Какой же грех на душу я согласилась принять, поставила под ним подпись.

Кто-то взорвал только меня, а мы готовы взорвать больше, чем тела. Полетят репутации, добрые имена, судьбы. Даже если они все будут оправданы в результате, сомнения останутся навсегда. Люди влиятельные: многие скажут, что их отмазали.

Сомнения — это слабость.

Это цепи на ногах, это тяжесть на сердце и паника в душе. Впору сожалеть об убежище под названием ненависть. Там ясная позиция и верные цели. Ты идешь,

как хищник, лишь на запах крови, который оставляют твои главные враги.

Когда ненависть — смысл жизни, не важно, сколь велико количество жертв, принесенных во имя победы. Разве неотвратимый поиск убийц моих близких, тех, кто покушался на моего отца и меня, не оправдывает чью-то нечаянно пострадавшую репутацию? Разве это вообще сопоставимо — жестоко уничтоженные жизни родных людей и потревоженные болотца чужого покоя?

Знаете, как бывает после тяжелой болезни, во время заживления видимых, страшных, уродовавших ран?

Никому не пожелаю, но со мной это бывало не раз.

Я сбросила халат в ванной, смотрю на свое отражение в зеркале. Так же я смотрела на себя в тюремной больничке после того, как меня топтала ногами половина барака.

Я робко и с надеждой узнаю себя.

Моя кожа исцеляется, как от живой воды в сказке. Она вновь становится фирменным знаком двух Маргарит, разделенных целым веком. Глаза ярче и светлее. Губы вспоминают улыбку. Груди напряглись от того, что солнце вдруг согрело кровь, бедра порозовели, как от предчувствия любви.

Я растеклась в тепле от слабости и неожиданного желания жить. От нежелания войн и даже побед. Я не хочу в эту минуту ничьей боли и горя. Я, наверное, враг собственной миссии.

Вышла. Несколько шагов до двери спальни. Кровать, две подушки, красивое бра на стенке.

Я задвигаю плотные шторы, приближаюсь, опускаюсь, попадаю в его горячие руки, ни о чем не думаю, просто подчиняюсь течению собственной закипевшей крови.

Я просто живу. Я женщина, а не богиня возмездия. Я жажду не победы, а сладкого перемирия.

На деле я не сумела переступить порог собственной спальни. У меня не получилось убить такую малость, как воспоминания о недавней ночи.

Я вновь предала свою свободу. Нет, не так. Я запуталась, не знаю, что для меня важнее — свобода безмятежно любить или свобода беспощадно мстить.

Такая очевидная свобода защищать свое отвоеванное существование любыми способами, — она в минуты слабости совсем не очевидна.

Пока я смирилась с малодушием и не вошла в спальню, о которой так мечтала в больнице.

Я свернулась калачиком под пледом на диване и, не надеясь уснуть, смотрела сухими горячими глазами на дисплей телефона на тумбочке.

Звук звонка отключен, а экран вспыхивает именем «Игорь». Я насчитала семь вызовов. Только после этого нажала «выключение» и вздрогнула от собственного стона, долгого и горького.

Поздно вечером я зажгла свет, включила телефон.

Игорь больше не звонил. Только два входящих — Сергей и неизвестный мне номер. Набрала Сергея.

— Спала? Молодец. Выздоравливаешь. Тебе должен был звонить адвокат Андрей Владимирович Петров. Если есть входящий номер, кончается на 55, — перезвони ему. Он в общих чертах в курсе. Просто реши, подходит он тебе или нет, — в подробности мы сами его введем. Алле, ты точно проснулась?

— Да, проснулась. Просто разленилась. Такое чувство, будто выкарабкалась из завалов после землетрясения. Сейчас соберусь и позвоню.

Глава 2
МОЙ АДВОКАТ

По тому снимку, который показал мне Сергей в больнице, мне показалось, что адвокат Петров выбран им не столько по внешнему сходству с Игорем, сколько по принадлежности к одному типу.

Ум, корректность, доминирующее во всем чувство меры и невызывающая, неброская внешняя привлекательность. Эти очень редко встречающиеся качества сразу расположили меня к Игорю, примерно к этому я была готова, назначив встречу у себя адвокату Петрову.

Только на этот раз я включила в себе новый уровень самозащиты — знание о том, что все это может быть ложным.

Мы договорились, что он приедет в два часа дня.

Дневной свет наиболее беспощаден для взаимного изучения.

Мне требовалось проверить два момента. Возникнет ли между нами эмоциональное понимание моих проблем, и в какой степени меня станет раздражать новое лицо в моей странной армии неизвестного назначения.

У меня есть частный сыщик, официальный следователь, если дело дойдет до суда, наш иск поддержит обвинитель. Для чего же мне адвокат?

Следствию и суду он понадобится, чтобы отбивать контраргументы защиты ответчиков. А мне...

Мне нужно, наверное, чтобы кто-то разбивал сомнения и вовремя сумел остановить нашу общую несправедливость.

Я облачилась в свой самый скучный серый балахон, даже не попыталась запудрить или замазать очень заметные при дневном свете шрамы на лице, волосы стянула аптечной резинкой. Взглянула на себя мельком в зеркало: не женщина, а сухая, плоская функция, бланк казенного протокола с перечнем пунктов.

Ровно в два я открыла дверь на звонок. Мы обменялись сдержанными кивками приветствия, я провела

его в гостиную. Поставила на журнальный столик между двумя креслами бутылку минералки и два стакана. Зажгла торшер с тремя сильными лампами.

Петров взглянул на меня с ироничным интересом:

— Я полагаю, моя задача — смотреть в глаза? Нет возражений.

Потом он очень коротко, лаконично, в логичном порядке изложил то, что узнал от Сергея, прочитал в материалах по делу. От него, кстати, я узнала, что Хорхе Кастандо, поставщик устриц моей тете, обслуживает также и папу Эльвиры Сергеевой, дипломата в отставке, который живет сейчас в Испании.

Сережа не успел мне сказать.

За эти минуты я успела заметить, насколько адвокат Петров отличается внешне и по поверхностным проявлениям от Игоря. В чем-то, видимо, противоположность. В нем не было ожидаемой адвокатской обходительности, он не старался быть обтекаемым и гладким в формулировках и выводах.

И внешне — да, сухощавое, правильное лицо, но под широким лбом с глубокими линиями морщин, под темными бровями и ресницами — очень темный, острый взгляд, который, кажется, может взорваться в любой момент.

Я узнала в нем собственную скрытую ярость и ждала паузы, чтобы сказать «спасибо, нет».

Мне незачем усиливать свой яд, большей концентрации не бывает.

— Я так понимаю, главным подозреваемым становится Игорь Сергеев. От его мотивов следствие тянет ниточки к прошлым делам — убийство вашего мужа и гибель дочери. В целом раскрывается заговор довольно большого и влиятельного круга людей. Мне хотелось бы услышать ваши требования к адвокату в подобном процессе, — сказал он.

— Идея проста, — ответила я. — Если мы решим, что врагов нужно добить, — их нужно добить. Но если я вдруг решу, что нужно остановиться, если мне все это покажется безумием, — нужно встать на пути лавины, всего того, что мы заварили. Полагаю, ни один адвокат на это не пойдет. Спасибо за встречу, я так и думала.

— Пожалуйста. — Петров встал. — Ничего, что я согласен на условие?

— Я подумаю, хорошо?

Мы вышли в прихожую. Петров был высокий, широкие плечи и крупные руки, как будто человек знает, что такое тяжелый физический труд. Он взглянул на меня серьезно и строго, без малейшей симпатии. Сама не знаю, почему я вдруг произнесла:

— Мы с Игорем Сергеевым — любовники. Я пошла на это, когда мы уже подозревали его в заговоре против моей семьи.

— Я понял, — ответил он. — Можете не сомневаться в том, что я все забуду, переступив этот порог.

— Нет. Не забывайте. Я решила. Вернитесь, давайте подпишем договор. Мне не найти более тяжелого и упрямого человека, чем вы. Я такие вещи вижу сразу. А с легким у меня ничего не получится.

Глава 3
БАБОЧКА-ОДНОДНЕВКА

Павлова оставалась у следствия главным и почти прямым свидетелем убийства Миронова. Ее показания были едва ли не основными в деле смерти Коврова, предполагаемого убийцы.

Ее охраняли, опекали, обращались исключительно терпеливо, имея в виду склонность к депрессии и угрозы суицидом, на которые она постоянно намекала.

— Ты понимаешь, — сказал мне Сергей, заглянув однажды вечером. — Я не вижу ни одной причины для нее врать. И в то же время всякий раз во мне поднимается стойкий протест против собственной доверчивости. Так, наверное, бывает: человек с врожденной лживостью в какой-то момент оказывается главным носителем истины по сложным делам. Садись, давай выпьем пива перед тем, как я расскажу о новом откро-

вении Павловой. Можешь поверить, пиво нам понадобится. Для того и купил.

Я сжалась.

Павлова-гнида, это опять что-то по мою душу.

Я поставила на стол стаканы, Сережа вытащил из пакета четыре бутылки пива — две светлого, две темного, — и сунул их в морозилку. Затем сходил в ванную умыться, потом покурил. Достал и открыл две бутылки. Посмотрел на меня взглядом доктора Айболита и произнес:

— Ты права. Она кое-что опять вспомнила, и это касается тебя. Выпей, пожалуйста. Павлова сейчас сомневается в собственной версии о том, что ты убила своего мужа. Более того! Она вспомнила тот день, ту ночь, восстановила по каким-то своим записям: оказывается, у нее есть что-то вроде дневника, — и выдала следующее. В ночь убийства твоего мужа ей якобы позвонил Борис Миронов. Сказал, что соскучился и не может оставаться один. Она, конечно, примчалась. Вспоминает, что он был очень бледным, возбужденным. От него пахло не просто алкоголем. Ей показалось, что это запах чистого спирта. Ну, она типа сначала ни о чем не догадывалась. У них вроде даже была попытка секса, но у него ничего не вышло. И тогда он в качестве оправдания сказал: «Это все из-за нее. Ты понимаешь, я на самом деле влюбился. Таня тоже меня любит. Но если бы я знал, какая бывает на свете под-

лость и мерзость, то бежал бы от этой семейки куда глаза глядят...»

Сергей сделал длинную паузу и продолжил:

— Павлова говорит, он плакал. Оставим на ее совести мелодраматические подробности. Дальше она утверждает, что он признался в том, будто видел, как отчим приставал к Тане. Миронов пришел к девочке, дома был Анатолий, они оба показались ему странными. Он быстро попрощался и ушел. Его никто не провожал, и он перед тем, как закрыть дверь, отжал и заблокировал язычок замка. Он не захлопнулся. Ну, и вроде вернулся через сорок минут, вроде застал какую-то сцену. Вроде сказал Павловой, что сразу убежал. Приехал домой, выпил, позвонил ей. Марго, она готова дать такие показания следствию: до сегодняшнего дня верила, что ты убила мужа. Но сегодня вспомнила такую деталь. После неудачного секса она мылась в ванной, вытиралась полотенцем, которое висело на горячей трубе. И ясно увидела на нем пятна крови. Испугалась, подумала, что родинку себе сорвала, с нею такое было. Но у нее ничего такого не было. Кровь появилась на полотенце раньше. А раньше им вытирался только Миронов, и оно местами было еще влажное. Когда я выразил сомнения в ее уверенности в дате и времени, она показала мне свою тетрадку с записями. Да, там по датам какие-то обрывочные

фразы или слова. Под числом следующего после убийства дня запись: «Полотенце?!»

— И как все это проверять?

— Да никак. Но тут дело вот в чем. Если Анатолия убил Миронов из ревности, то как это вяжется с другими ее показаниями: о том, что и Миронов, и Ковров убиты одним заказчиком?

— Которым она считала меня.

— Фиг с ее предположениями. Дело в другом. Версия с заказчиком, который убирает исполнителей убийства и свидетелей заговора вписывается в нашу картину. А тут — опять поворот в другую сторону.

— Я вообще-то не вижу особой проблемы и даже особого поворота. Миронов мог убить по заказу, при этом испытывать ревность и даже на самом деле что-то увидеть. Это было, мы же знаем. Павловой сказал о ревности, возможно, искал для себя оправдания. Он же не признался ей в убийстве.

— Черт, действительно. Если учесть, какие специалисты и психологи в деле, его могли подвести именно к тому моменту, чтобы в нем взыграла кровь мавра. Понимаешь, в безумном полете мыслей Павловой тесно сливается то, что было на самом деле, и то, что рождают больные мозги. И такая фанаберия по любому поводу. Она явно считает себя исключительной личностью. Бабочка-однодневка.

— В смысле?

— Ты не встречала в инете этот шедевр? Ложится на Павлову, как больничная пижама.

я бабочка я однодневка
сравните вашу мутотень
и яркий страстный бесконечный
мой день

Похоже?

— Да в точности, — я с облегчением рассмеялась. — Это единственный выход — не воспринимать Павлову всерьез. С паршивой овцы, как говорится.

— Кстати, — добавил Сережа. — Она сказала, что раскаивается в том, что бросила на тебя тень своими подозрениями. Хотела бы как-то побеседовать.

— Только этого не хватало.

— Надо, мать, надо. Исходим из того, что в каждой мутотени может быть зерно яркой истины, пусть даже от бабочки-однодневки. В общем, я дал ей твой телефон. Пойми и прости.

— Жду с нетерпением, — задумчиво ответила я.

Часть пятнадцатая
КРЕСТ ЗАГОВОРА

Глава 1
ПАУТИНА

Меня вдруг стало страшно мучить слово «заговор».

Я пережила, перестрадала ту жуткую неотвратимость, какая прячется за ним.

Да, угроза жизни. Да, смерть. Да, жизнь под страхом, что едва ли не тяжелее.

Но сейчас я рассматриваю листок с нарисованной Сережей паутиной нитей, которые ведут к кружочкам с именами и фамилиями.

В центре — в большом кружке одно слово «Марго». От всех ко мне стрелы.

Я не знаю этих людей, кроме Игоря и Сотниковой с Павловой.

Мне не было до них дела. У меня не было времени подумать о том, что они живые. А сегодня нахожу их в «Гугле». У них лица, у них семьи. Дети есть у некоторых из них.

Неужели алчность способна заставить носителей человеческих мозгов и сердец не только видеть добычу в женщине, не причинившей им никакого зла, не только планировать цепь убийств ни в чем не виноватых людей, но и ставить собственные жизни, судьбы близких на край опасности?

Сережа и следователь проделали большую работу.

В одном кружочке паутины есть Надя Павлова: она сама сказала, что приходила в колледж, задавала там вопросы о Тане, о том, не приходит ли за ней Миронов. Чем привлекла к себе внимание Томы Сотниковой. Они обменивались информацией.

Тома рассказала ей, что Таня с ней переписывается.

Работник автозаправки Кузьмин, подозреваемый в том, что подложил взрывчатку под сиденье машины Игоря, признался в том, что встречался в маленьком придорожном кафе с человеком, который представился секретарем Эльвиры Сергеевой.

В одном кружочке паутины это «Х».

Кузьмин описал его как очень худого, длинного парня в черной куртке с капюшоном, лицо прикрыто большим шарфом. Судя по голосу, совсем молодой.

Черный секретарь сначала назвал сумму, потом сказал, что нужно в такое-то место положить одну вещь. Инструкция будет в свертке.

Когда Кузьмин сказал, что сумма устраивает, секретарь записал его номер карты. Пакет с инструкцией

Кузьмин получил рано утром в тот самый день. Коробку и инструкцию уничтожил. Платеж прошел со счета животноводческой фермы, которая находится где-то под Саратовом.

Пазл складывается?

Не знаю.

Это количество людей. Незнакомых, разных людей. Среди них Игорь, которого я даже в мыслях больше не могу назвать моим.

Приехал адвокат Андрей Петров. Морщил суровый лоб над этой бумагой, потом смотрел на меня своим требовательным, пытающим взглядом:

— Что не так, Маргарита? Я же вижу, вас что-то смущает или даже отталкивает в этом расследовании.

— Начнем с самого слова «заговор». Оно мне ненавистно, как отголосок кровавых репрессий. Я к тому, что такое количество людей не может быть причастно к преступлению в равной степени. Кого-то могли использовать вслепую, не исключено, что кого-то притянуло следствие из-за невинного, случайного контакта. А если все это запустят, то получится целая ОПГ? Меня пугает и отталкивает эта мысль.

— Чего вы больше боитесь — неотвратимого преследования по отношению к себе или элементов несправедливости при разоблачении?

— И того, и другого. В том и проблема.

— У вас есть свое представление о том, что происходило все эти годы? Если не заговор, то что?

— Мне видится кто-то один. Чья-то маниакальная идея, сильная воля, способность использовать других людей. И этот человек не в Испании, не тот, который станет наследником после моей смерти, не тот липовый фонд, который получит состояние из его рук. Кто-то рядом со мной. Это все, что я чувствую.

— Это может быть Игорь Сергеев?

— Без комментариев, как говорится. Но исключений нет.

— Скажу, не щадя ваших чувств. Игорь Сергеев искал вас целенаправленно. Входил в деловой, а затем и личный контакт уверенно и сознательно. Да, он мог влюбиться, но не знал вас совсем, когда вы уже были в поиске его людей. Он узнал вас едва ли не ближе всех, вы сами делились с ним событиями своей жизни. Его развод был подогнан к смерти вашей тети, как части идеального плана. «Черный секретарь» его жены так просто представился. У Игоря была возможность его прислать, более того, только у него и была возможность рассчитать время взрыва и даже его место в машине. Но фонд, которому перейдет состояние после вашей смерти, не имеет к нему видимого отношения. Я проверял. Сама информация о богатой старухе с единственной наследницей могла прийти только из

Испании. Там родня жены Сергеева. Так что без заговора никак, при всем и моем отвращении к этому термину.

— А что там за фонд?

— Обычная мошенническая схема. Очень похожая на липовые «кошельки», которые открывает именно в Испании русская мафия. Но здесь скорее все же частный случай. Основателем указано вообще несуществующее лицо. Электронный адрес, впрочем, на имейл.ру, то есть на российском ресурсе. Но это дело Кольцова — взламывать и рисовать стрелочки. Я сейчас о другом. Если мы рассматриваем возможность Сергеева получить все состояние до и без резервного фонда, — то речь о том, чтобы стать вдовцом после вашего брака и смерти. Как скажет обвинитель на суде, у него есть мотив и была самая большая возможность из всех подозреваемых.

— Я не собираюсь замуж в принципе, он знал.

— Да, я в курсе. Но нет ничего более временного, чем нежелание женщины выходить замуж. Тут дело лишь в терпении мужчины.

— Звучит как кредо, — раздраженно проговорила я. — Кредо сексуального расиста.

— Если вам легче от того, что вы злитесь на меня, — я не против. Это оправдывает мое скромное участие во всей истории.

— Но если дело всего лишь в терпении, то зачем понадобилось меня взрывать? Я ведь могла и погибнуть.

— Пожалуй, не могли. Я изучил отчет экспертов. Взрывчатка была не настолько большой мощности. Но инвалидом стать могли. Изуродованная внешность — была более чем вероятна. А это, простите, основание почувствовать потребность в гарантированной опеке близкого человека. Который тоже пострадал в той же аварии.

— Спасибо, Андрей. Вы очень четко изложили те мои сомнения, которые я сама себе не могла сказать. Знаете, какая особенность у моей судьбы? Если что-то кажется плохо, это значит лишь одно: на самом деле все в тысячу раз ужаснее, чем я могла бы предположить.

— Не умею утешать. Наверное, не ту профессию выбрал. Но кое-что скажу. Я видел женщину: ее две дочки и мать заживо сгорели в деревянном доме, который мешал властям поселка использовать этот кусок земли. Я видел труп трехлетней девочки, мать которой ушла гулять на неделю, оставив ребенка без воды и еды. Я к тому, что они тоже не могли предположить, что все настолько плохо. Если вас завтра убьют, Маргарита, вы в последнюю секунду жизни будете сильной и красивой без пяти минут миллионершей.

— Такая приличная сумма в нашем договоре, а жалости ни на грош, — подытожила я. — Но я прощаю вас. Вы ведь тоже в пролете, если я не стану миллионершей. Сейчас у меня тридцать тысяч на всю оставшуюся жизнь. Вряд ли вы поймете, но я бы отдала все миллионы тети Изабелл, не думая ни секунды, положила бы сверху свои тридцать штук, только бы всего этого не было. Меня просто никто не спросил.

— А если бы спросили сейчас?

— Я бы все отдала, если бы это было возможно, но с одним условием: чтобы они пришли вместе, всем своим «заговором». Купила бы автомат — и всех бы уложила. Не за деньги, пропади они пропадом, а мести ради. И это был бы счастливый конец моей сказочной судьбы.

Адвокат посмотрел на меня цепким взглядом с темным отблеском хронической ярости, встал и протянул мне руку для крепкого пожатия. Как товарищу по оружию.

— Будем на связи, Маргарита. Я не по части звуковых и световых эффектов, но в беде не бросаю. И както привыкаю к вашей лихой отваге. Нахожу ее милой и даже женственной.

Закрыла за ним дверь, стояла со сжатыми кулаками в прихожей и напряженно думала: не разбить ли мне голову о стену.

Иначе не выбить оттуда нарисованную услужливым адвокатом картинку: я в инвалидном кресле, с перекошенным, перекроенным лицом, а рядом ласково улыбающийся Игорь, кормит меня манной кашей с ложечки. На столе пачка памперсов для меня.

Мы с ним вступили в брак и в наследство. Можно даже не убивать. Не так сразу. А я еще считала себя храброй.

Я отметала именно это подозрение.

Горе мне.

Глава 2
ЗАНОЗА

Бывает на свете человек — несчастный случай, который не может не состояться. Кто-то так сказал, и это чистая правда.

К одним людям пристают несчастья, другие, немногие, прилипают к несчастьям сами. Они ищут беды, создают их, тонут в них и щедро делятся с остальными подхваченной там заразой.

Это Надя Павлова, если вы не поняли. Ее мучения сродни восторгам. И, разумеется, страдания — единственный проверенный способ привлечь к себе внимание.

Сережа сообщил мне, что ей все хуже. Что у нее что-то вроде депрессивного паралича: она не выходит из квартиры и жалуется на то, что ее ноги «отказываются ходить». Даже вычитала в интернете, что так бывает: когда в мозгу отмирают соответствующие функции.

Честно говоря, я не обнаружила в себе ни грусти, ни сочувствия по этому поводу. Просто знаю по опыту, что если в твоем поле внимания оказывается такая заноза, как Павлова, то рано или поздно она вопьется в самое незащищенное место. Так и случилось.

Надя позвонила мне как-то утром и со сдавленными рыданиями в голосе попросила приехать для важного разговора.

— Нужна какая-то помощь? — холодно осведомилась я.

— Ну что вы, — ответила она. — Я бы не стала отрывать вас от ваших проблем. Нет, это просто информация, которая касается нас обеих. Я не могу доверить ее никому. И сейчас, когда я в таком состоянии... Поверьте, Маргарита, это важно.

Я, конечно, не помчалась сразу, даже попыталась выбросить эту чушь из головы, занималась своими делами. Но через несколько часов поняла, что заноза мне мешает.

Выругалась, собралась и поехала к Павловой.

Позвонила ей из машины, приехала в назначенное время, нажала звонок. Она не открывала минут десять.

Я так поняла, что она столько тащилась к двери от кровати.

Наконец она возникла на пороге: длинная, зеленая и скорбная, как олицетворение тоски и полной заброшенности. Пропустила меня в прихожую и так медленно разворачивалась, держась руками за стены, что мне хотелось дать ей пинка под зад: заодно проверила бы, в какой степени притворяется. Разумеется, не на сто процентов. Такую боль и скованность не сыграешь.

Добрались до комнаты. Надя села в кресло, я осталась стоять.

— Говори, пожалуйста, быстрее. Мне некогда. Не поняла, почему нельзя было по телефону.

— Сейчас поймете, — говорит она почти загробным голосом. — Лучше садитесь.

Я села, а Павлова сдавленно то ли всхлипнула, то ли зарычала, извинилась и сказала, что ей нужно выйти на кухню — принять таблетки. Она боится потерять сознание.

— Тебе принести? — спрашиваю.

— Нет-нет, что вы. В этом трудно разобраться постороннему человеку. Это длинная процедура — ряд препаратов, по полтаблетки, по четвертинке, точное количество капель. Это очень важно.

Я вынесла и это.

Пока Павлова тащилась туда, крошила там свои таблетки, считала капли, чем-то гремела, шаркала своими огромными тапками, я осмотрелась.

Ничего она живет. Нормальная мебель, а два ноута и айфон вообще отличные. Значит, получается зарабатывать, несмотря на тяжкий недуг.

Программисты — это вообще особый ум, который в общем плане мне часто кажется страшной ограниченностью: их интересует только то, что в пределах мониторов. Она вернулась, торжественно выпрямилась на своем кресле и приступила...

Дальше расскажу своими словами, потому что во время ее чертова монолога у меня так колотилась кровь в венах, что я ни слов, ни последовательности изложенных событий не могла запомнить.

Только суть. Ту суть, которая впилась в меня, — нет не как заноза, а как ядовитая, давно приготовленная стрела.

Когда Павлову бросил Миронов, когда она почувствовала, что ей не удается задержать моего Анатолия, который грозился резко прервать ее назойливые приставания, когда ее ненависть ко всем достигла предела, она придумала простой и чудовищный план.

Было это через год после того, как она закончила колледж.

Она вызвала Толю отчаянными мольбами — «попрощаться навсегда», рыдала и клялась исчезнуть из

его жизни навеки. А когда он приехал, чего-то намешала в бокал с вином.

Короче, он переспал с нею, они не предохранялись. И она на какое-то время действительно пропала. Ждала. Подстерегла Анатолия уже на довольно большом сроке, когда все было понятно по ее животу.

Но Толя, видимо, был уже в своих страданиях по поводу отношений с Таней и со мной.

Павлова говорит, что он отшил ее грубо, да еще обвинил во лжи с целью шантажа. Вроде бы он ей сказал: «За эти месяцы ты могла лечь с десятком дворников. Попробуй еще приблизиться ко мне или моей семье — засужу».

Она говорит, что испугалась и впала в депрессию. Аборт делать было поздно. Она родила девочку в деревне, где живет ее мать. Сразу написала отказ, а ее мать оформила удочерение. Там вся «опека» — одна баба, которая вместе с главврачом роддома за деньги все быстро оформили.

— Чего ты хочешь? — с трудом разжав зубы, спросила я. — Денег? Так у меня их еще нет, если даже считать, что я тебе поверила.

— Нет, конечно. Как вы могли подумать. Я продолжаю работать системным администратором, справляюсь удаленно. Получаю нормально. Дело в моем состоянии. Ночью не спала, ноги лежали, как мертвые, все тело какое-то чужое. Думала только об одном.

Мне, наверное, недолго осталось на свете жить. И ни одна душа не знает, где моя Катя. Вообще, что она существует. Мама у меня не очень надежная, выпивает, работу бросила из-за маленького ребенка... Она необразованная, по мобильному телефону только мне и умеет позвонить.

— К чему ты мне все эти страсти рассказываешь?

— К одному. — Павлова поднялась, вытянулась под потолок, как на экзамене или Страшном суде, и заявила: — Адрес прошу записать. Фамилия у мамы, как у меня. Зовут Валентиной. Это только на случай моей смерти. Просто сообщить маме и, может, в полицию, что ли. Пусть везут ребенка в детский дом. Пропадет она в этой дыре с моей матерью-пьянчужкой.

— Ах, ты ж, сука, как ни крути. С тобой она не пропала, значит. Ладно, мне понятно. Говори адрес. Сообщу, но только в одном, тобою названном случае. Пока. Не надо ковылять за мной. У меня нет ни времени, ни терпения.

Я рванулась с места, а она мне в спину прошелестела:

— Маргарита, Катя — сводная сестра твоей Тани.

Вот эти слова проедали мой мозг всю дорогу до дома. И я, кажется, многие часы носилась по периметру квартиры, зажимая виски руками.

Там была такая страшная рана, такая физическая боль: сверкающий снаряд засел за лобной костью, ослепил надписью: «Катя — сестра Тани».

Ничего, к вечеру я справилась и с этим.

Помог здоровый цинизм и логика.

Анатолий в любой ситуации умел думать о последствиях. И если он Павлову так решительно послал с ее беременностью, да еще пригрозил судом за шантаж, то скорее всего речь действительно о подставе.

Дворники — не дворники, но варианты есть. А с чего я вообще взяла, что это правда? Что ребенок существует? Источник — Павлова? Ха! Наплевать и забыть.

И все же я позвонила Сергею. Попросила, чтобы его Вася проверил информацию.

Катя Павлова, поселок Поваровка, возраст примерно два с половиной — три года.

Я сумела глубоко вздохнуть, выпила кофе и почти убедила себя в том, что повелась на очередную выходку-издевательство Павловой.

И тут позвонил Сережа:

— Есть такой ребенок по указанному адресу. Мать Валентина Алексеевна Павлова. Ты поверила Павловой? Из этого что-то вытекает?

— Абсолютно ничего. Спасибо. Просто тот случай, когда каждую минуту нужно быть готовой к провокациям.

Глава 3
ПОЖАР В НОЧИ

В ближайшие дни посыпались события, атаковали свои мысли и переживания.

Я не то чтобы забыла о Павловой. Просто завернула то, что узнала от нее, в плотные слои недоверия, отторжения и презрения к ней и спрятала в изолированный от заразы уголок сознания.

Эльвира Сергеева соизволила явиться к следователю для дачи показаний, обдала Земцова волной высокомерия, холодно возмутилась самим фактом подозрения в организации покушения на машину собственного мужа. Сказала, что никогда не встречалась с Кузьминым, задержанным работником автосервиса. По поводу его встречи с человеком, который представился ее секретарем, саркастически рассмеялась.

— То есть вот так, просто представился? А почему не помощником английской королевы или посланником президента Америки? По этому факту я могу судить об уровне вашего расследования. Лично я вообще сомневаюсь, что такой человек существовал. Какие-то фантазии сумасшедшего маньяка, который, возможно, страдает страстью к взрывам.

— Принимаю ваши сомнения, но встреча с человеком, который представился вашим секретарем,

была, — сказал Земцов. — Мы нашли видеозапись этой встречи на камере в кафе. Очень неудобный ракурс, маленький фрагмент, но Кузьмин виден отчетливо, дата и время совпадают. Сумма, о которой он говорит, действительно упала на его карту после взрыва. Вот, мы увеличили, насколько смогли, его собеседника.

Мадам взглянула на снимок и презрительно улыбнулась.

— Это чучело в черном балахоне с капюшоном, с закрытым лицом я должна пытаться опознать? Делать какие-то признания? Я даже опровергать такую чушь не стану. К слову, у меня есть помощница. Это женщина, и у нас контракт. Вот.

Земцов приобщил копию контракта к делу, поблагодарил мадам Сергееву и заранее извинился за то, что им, вероятнее всего, придется еще встретиться. Когда следствию удастся найти «чучело в черном балахоне», разговор будет более предметным.

Сережа рассказал мне об этом допросе, и я спросила:

— Ну, и в чем был смысл? Я бы и без допроса предположила все, что она скажет.

— В знакомстве. В реакциях. Женщина не проявила ни грамма озабоченности тем фактом, что машину ее мужа взорвали. В ней было ноль потрясения, связанного с наличием любовницы в машине. О сочувствии к пострадавшей речи, разумеется, нет. Как тебе объ-

яснить... Мы пристреливаемся. Эта женщина к чему-то причастна.

— Интуиция?

— Больше. Картина давно подготовленного отпора, защиты. Ее трудно с чем-то перепутать.

— А чучело действительно можно найти?

— Нет ничего невозможного для Васи. Работает с крошечными фрагментами лица, ищем какие-то совпадения с контактами людей из очерченного круга.

— Что-то может получиться?

— Сразу скажу: это почти за гранью человеческих возможностей. — Сережа закатил глаза под лоб, искусно изображая полубезумный экстаз. — И тебе это очень дорого встанет. Понадобятся святые мощи, возможно, кровь принесенного в жертву барана, бубен, святая вода...

— Идиот ты неисправимый. Нашел время шутки шутить. И я, конечно, настолько тупая, что никогда не слышала о техническом прогрессе. Я всего лишь о том, что он работает один. И такой объем.

— Ладно, извини. Если тебе отказывает чувство юмора, значит, ты не восстановилась после аварии. Вася работает с теми же приложениями, что и все эксперты, реконструкторы лиц, даже если таковых нет. К примеру, остались только черепные и лицевые кости. Программа просчитывает все параметры и из сотен миллионов или миллиардов вариантов выбирает

один, самый вероятный. У нее, умницы, это занимает секунды. У нас вообще есть живое лицо, открытые фрагменты, контур, прикрытый только тряпкой, выступ носа, углубление рта. Все вместе практически неповторимо. Другой вопрос — мы потом мучаемся долго: куда бежать, где искать, к кому приложить? Примерно такая задача.

Мне даже трудно представить объем и масштаб подобного поиска. Но мне было бы трудно предположить, что на запрос «куцехвостность собаки» можно получить восемьдесят пять миллионов ответов в «Яндексе». Причем в течение секунды. Однако это так. Имеет смысл верить.

Из неожиданного и забавного.

Мне позвонил и попросил принять его политик Костя, наш Буратино. Вошел, большой, неуклюжий, смущенный и очень озабоченный.

Пожалуй, даже приятный парень. Мог бы быть успешным бригадиром молодежной бригады, отличным менеджером по продажам и даже воспитателем в спортивном лагере. А его занесло в самую мутную и бурную волну политических страстей, интриг, подстав и вероятных преступлений.

Власть — это наркотик, диагноз и не так редко гибель.

— Маргарита Викторовна, — запинаясь, сказал он, — у меня конкретное предложение. Если Игорь

Сергеев вышел из строя надолго, мы не могли бы продолжить наше сотрудничество? Я понимаю, возникли очень щекотливые обстоятельства, они связаны именно с вами. Но мы могли бы ничего официально не оформлять. Даже без электронных переводов и моего фонда. У меня есть наличные, то, что вообще нигде не значится.

— Подожди, Костя, — ответила я, как добрая тетушка. — В большой карьере нет ничего случайного. Раз так легли у нас карты, не исключено, что все вдруг и повернется — сначала в худшую, затем в лучшую сторону. Через тернии к звездам.

Костя весь напрягся в мучительном усилии понять мою мысль.

Потом уточнил:

— Я правильно понял: можно позвонить через какое-то время?

— Да, конечно, — ответила я. — Будем на связи.

Может, и помогу ему чем-то. Может, вообще создам свою империю продвижения козлов в политику, почему нет? Если выживу. Если все это когда-то кончится.

Игорь сейчас под подпиской о невыезде. Его вызывали для показаний, но он не явился. Прислал адвоката со справкой из поликлиники о тяжелом физическом и душевном состоянии.

Вечером я сбросила два телефонных звонка от него. У меня тоже есть состояние.

Ночью я даже посмотрела хороший сериал «Ночной администратор». Провела аналогии своего существования с выживанием героя между безвестной, мучительной смертью в застенке и величественной гибелью за правду и справедливость. А он взял и победил. Выжил и спас любимую девушку. На том я уснула.

Звонок от Павловой разбудил меня в четыре утра.

— Маргарита, — прошипела она, — горит дом моей матери, она позвонила мне, а сейчас уже недоступна. Она сказала, что не знает, что делать.

— Ты сообщила по 01?

— Да, — сказала она. — Но там близко вряд ли могут быть пожарные. Дом же не в самом поселке.

— Чего же ты хочешь от меня?

— Просто сообщить. У тебя же связи. Полиция. У меня от ужаса ноги совсем отказали. Катя...

И она оборвала связь, может, упала в обморок.

Черт ее знает.

Я позвонила Сергею:

— Сообщи, кому можешь, адрес есть.

Сама пометалась. Была разумная мысль выпить пузырек валокордина и опять лечь спать. А ноги вдруг вынесли к машине. С собой взяла пятилитровую бутыль воды из холодильника, пару больших полотенец и огромный шарф. Что в голову пришло. И помчалась на пожар.

Часть шестнадцатая
ОГНЕВЫЕ ПРОЗРЕНИЯ

И упало каменное слово
На мою еще живую грудь.
Ничего, ведь я была готова.
Справлюсь с этим как-нибудь.
У меня сегодня много дела:
Надо память до конца убить,
Надо, чтоб душа окаменела,
Надо снова научиться жить.

Анна Ахматова

Глава 1
ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В АД

Кусочек неба, который я видела из окна машины, из глухо-серого становился на глазах пронзительно-синим. А дальше нежно-розовая кромка восхода вдруг разгорелась в багровую широкую полосу.

Я сейчас вспоминаю и думаю, что то небеса отразили маленький пожар в никому не видимом месте, с двумя беспомощными жертвами, которые понадобились только мне. Он стал символом моей судьбы и, видимо, что-то изменил в порядке вещей.

Дорогу я нашла без труда, въехала в темную допотопную деревушку, в которой считаные дома стояли на

большом расстоянии друг от друга. Света не было ни в одном окне.

По колдобинам условной улицы я ехала уже медленно, вглядывалась в строения за заборами, отчаянно надеясь на то, что Павлова, как всегда, соврала. А потом поехала на густой запах гари. Остановилась у двора, освещенного пламенем. Никаких пожарных еще не было.

Я вылила свою воду на шарф, замотала плотно лицо до самых глаз, намочила полотенца и бросилась туда. Помню угрожающий треск горящих перекрытий.

Дверь никак не удавалось открыть, выбить. Вроде бы хлипкая, но металлические запоры заклинило напрочь от огня. Потому они и не выбрались до сих пор. Намотала полотенце на руки и разбила одно окно. Влезла, ко мне метнулась какая-то тень, она хрипела, размахивала руками.

— Где ребенок? — прокричала ей я.

Женщина что-то бормотала. Она была нетрезвой и ничего не соображала. Врачи потом подтвердили.

Я схватила ее, подтащила к выбитому окну, вытолкала через подоконник, как мешок с тряпьем. Она визжала, потому что осколки стекла впивались ей в тело.

Наконец, плюхнулась на землю.

«Отползай», — крикнула я ей.

Сама повернулась лицом к огню, который сжирал тряпье и мебель.

Ну, наконец. Добро пожаловать в ад.

Почему не кричит ребенок? Как его искать?

Я рылась в тлеющих и горящих грудах барахла, пока не наткнулась на этот комочек. Он попался мне под ноги. Схватила, ощупала головку, ручки, закутала в полотенца и успела вывалиться со свертком из окна за миг до того, как рухнула крыша.

Ползла по грязи на четвереньках, прижимая к себе Катю, сколько хватило сил. Ничего не чувствовала, кроме жарких волн, которые толкали меня вперед.

Когда стало прохладно, развернула ребенка, содрала с лица обгорелые ошметки шарфа, попыталась снять перчатки с рук.

Вот это не получилось. Они были кожаные, просто переплавились с моей кожей.

От боли сердце бешено заколотилось и замерло. Но удалось губами прикоснуться к лицу Кати, я искала дыхание и не находила его. Но ротик был теплый.

В сером свете утра видела плотно закрытые веки на покрытом копотью личике.

— Помогите! — кричала я, разрывая свое забитое дымом горло.

Мне казалось, что я кричала долго.

Сережа сказал, что прошло всего несколько минут. Он с пожарными, спасателями и врачами уже бежали к нам от забора.

Краем глаза я видела, как врачи волокли Валентину Павлову к машине «Скорой».

Я все не выпускала ребенка из своих изуродованных рук. У меня на коленях Катю и осмотрели, освободили тельце от горелых тряпок...

— Ох, — сказала женщина-врач. — Отдайте мне ребенка, девушка.

— Она жива?

— Можно сказать и так. Все очень плохо. Нам нужно срочно увозить ее. Она вам кто?

И я, одурев от жалости и страха больше, чем от боли и отравления угарным газом, прошептала: «Катя — сестра Тани».

Потом в другую машину «Скорой» они привели меня.

Я там скандалила и требовала, чтобы они мне все сделали на месте. Вырезали куски перчаток, если надо, вместе с моей кожей и мясом. Обработали, дали какую-то таблетку, посадили в мою машину, и я поеду домой.

Мне возражали, пугали последствиями, воспалениями, нагноениями, болевым шоком из-за отсутствия анестезии.

Сережа бродил вокруг пожарища с какими-то людьми. Потом он рассказал, что они искали следы поджога, собирали улики. Они нашли это!

А в машине «Скорой» вдруг появился мужчина в черном свитере.

Он сказал:

— Я прошу вас сделать так, как говорит Маргарита. Госпожа Соколовская моя клиентка. Я — адвокат Петров, вот мои документы. Есть серьезные основания считать, что она подвергается большой опасности. Бо́льшей, чем инфекция. Здесь есть следователь, он подтвердит. Вот моя карточка, потом пришлете счет за препараты и помощь на этот мейл. Это строго между нами. Работайте, будьте любезны. Я сам отвезу ее домой.

Мы как-то оказались дома. На обратном пути я все же вырубилась.

Очнулась я на своей кровати, одетая. Руки замотаны бинтами. Острой боли не было, но ими не шевельнуть.

Андрей стоял надо мной:

— Все нормально, Маргарита? Это был не обморок. Они вам укололи двойную местную анестезию. Дали большой запас препаратов. Есть даже телефон медсестры, которая приедет сделать перевязку, когда понадобится. Чем помочь сейчас?

— Возьми на кухне большие ножницы и разрежь на мне свитер впереди и по рукавам. Потом расстегнешь джинсы и лифчик сзади. Отвернешься — и я из этого дерьма вылезу. В таком порядке.

То ли мне влупили не двойную, а тройную порцию наркоты, но мне показалось, что таких осторожных, деликатных и нежных рук нет ни у каких врачей.

Андрей все разрезал, расстегнул все застежки и «молнии», какие нашел. Не знаю, отворачивался ли он, но я выбралась из грязного, вонючего тряпья. Джинсы ему пришлось тянуть снизу.

Он вынес этот ворох из комнаты и вернулся с полотенцем, губкой и кувшином с горячей водой. Короче, еще и помыл меня.

— Какое облегчение, — выдохнула я. — Включи услугу в счет, пожалуйста.

— Непременно, — согласился он. — По статье спасение на пожаре. Я мог бы сделать больше. К примеру, чай, кофе, еду какую-нибудь.

— Да, и это. Чай, кофе и еда. Только сначала звони в больницу. Ты взял телефон: куда они повезли девочку?

— Есть, конечно. Но, думаю, еще рано.

— Звони. Они же поняли, что ты важный адвокат важной персоны?

— Я доступно объяснил. Уже рассчитался по онлайну за помощь. Просил все передать и руководству стационара. Сделал туда контрольный звнок.

— Значит, они тебе ответят. Звони.

Андрей сказал, что телефон оставил в кухне, вышел.

Я слышала, как он говорит с кем-то. Потом молчит, слушает. Очень коротким было это молчание. Когда он вошел, я уже все знала.

— Катя умерла?! Она умерла! Ах, они, безрукие твари. Эта грязная сволочь Павлова, которая бросила ее там. Эта алкашка, которая оставила на полу... И я опоздала. За каким чертом я лежу тут обгорелой головешкой. Я, бесполезная, никому не нужная зэчка. Я никого не спасла. — Я трясла головой, билась ею о спинку кровати, пыталась и все никак не могла выбить из нее отчаяние, заполнить это место спасительной болью.

Потом Андрей рассказал мне, что долго слушал, дал мне выплеснуть, выкричать все горящие угли пожара, которые я привезла в душе. О каком ребенке речь, он уже знал. Дождался паузы и спросил:

— В чем дело, Марго? Этого ребенка не было в твоей жизни. Фактически ты не знала его живым. И ты не веришь Павловой, я тоже сомневаюсь в отцовстве твоего мужа. Так в чем же дело? Ты не сентиментальна, мягко говоря. Такое горе. Я потрясен.

— Я объясню. Я помчалась туда среди ночи, я бросилась там в ад, я искала в нем Катю — сестру Тани. Не важно, как на самом деле, но я искала ее. И нашла. И почувствовала запах живого ребенка. Я вынесла его из смерти. Да, мне показалось, что это дочка. Я не сен-

тиментальна, но я больше не выношу жестокость — ни людей, ни судьбы. Не дай бог, наступит еще одно утро.

Андрей вышел на кухню, вернулся с таблетками и стаканом воды.

— Выпей, это дали врачи. Точно поможет уснуть. Только скажи: матери девочки позвонить?

— Пошла она к черту! Пошла! К черту! — На этом я выдохлась, поплыла в действительно сильный лекарственный омут.

Последнее, что я помню из того утра, — Андрей накрыл меня свежей простыней, которую достал из комода, тихо сказал рядом с моим ухом:

«Спи, Ита. Богиня огня и слез».

Глава 2
ПОКАЯНИЕ

Прошло два дня провала, когда сознание было горше, больнее и жарче, чем ночные кошмары. Во время второго визита медсестра сняла с рук бинты, сказала:

— Хорошо на вас заживает.

— Это есть, — кивнула я. — Может, только это.

Было еще больно по обычным критериям. Но после того, что было, — вполне терпимо.

Я, наконец, как следует помылась. Сварила два яйца, но ничего в горло не лезло. Все еще подташни-

вало, остро чувствовала запахи. Принюхалась и пошла к мусорному ведру.

Андрей явно выносил его перед уходом. Но на дне лежали два окурка его сигарет.

Я вытащила эти бычки, удалось раскурить. То, что сейчас нужно.

Я не курила до тюрьмы. А там научили спасаться крепким дурманящим дымом от всего на свете — и от тоски, и от любых болезней.

То, что курит Андрей, — сладкий мед по сравнению.

Так и я другая. Смыла давно всю закалку, оттерла до прозрачности дубленую кожу, запустила нежные и ядовитые стебли чувств в закрытую душу. После возвращения легко забыла новую привычку, а сейчас опять помогло.

Проглотила и завтрак, сварила кофе.

Черт, всего лишь остатки ожогов на руках, а какая скованность и беспомощность. Благодарите, люди, по утрам небеса за каждую целую руку и ногу в отдельности. И думайте о калеках.

Включила телефон, удалось перезвонить папе. Удалила звонки от Павловой и Игоря.

Сергею просто отправила слово: «ок».

На большее не хватило.

Устала так, как будто сутки рыла окопы. Добрела до кровати, хотела прилечь. Но звонок в дверь. Такой зна-

комый звонок — рука сначала касается кнопки слегка, а затем жмет уверенно и требовательно. Открыла, потому что пришло время посмотреть на Игоря.

Если бы он явился с того света, то выглядел бы так же. Не похудевший, а высохший. Лицо в скорбных морщинах, взгляд горячий, воспаленный. Из сухих губ вырвался какой-то невнятный возглас.

Игорь лихорадочно осмотрел меня с ног до головы, опустился на колени прямо на площадке и прижался губами к моим изуродованным рукам. Так мы и застыли, разделенные порогом.

— Я прочитал о пожаре, — бормотал Игорь. — Я должен был увидеть. Я хочу сказать, что не делал этого. Я много чего натворил. Нет мне прощения, я искуплю вину. Но я не мог навредить тебе тогда, в машине. Только в это и поверь, прошу тебя. Хотя бы потому, что мне больше никогда не вернуться к тебе...

На площадке разъехалась дверь лифта, и к нам своим легким шагом разведчика подошел Сергей.

— Приветствую вас обоих. Игорь, давайте поднимемся, здесь место, не слишком защищенное от постороннего интереса. Никогда не поручусь, что ушлый репортер не замаскировался под коробку от телевизора. Вы войдете в квартиру? Как скажешь, Марго?

— Нет, — произнесли мы с Игорем в унисон.

Он встал и сжал мое плечо в знак прощания.

— Я пойду, Ита. Прощай. И с вами прощаюсь, частный, как вас там, сыщик. Я знаю, куда мне нужно идти. Честь имею, как говорят люди в серых шинелях.

Игорь пытался говорить насмешливо и презрительно, но слова прозвучали жалко. В них были отчаяние и страх.

Дверь лифта за ним сомкнулась, я онемела и оцепенела от спазма потери.

Сережа оттеснил меня внутрь прихожей, захлопнул дверь.

— Марго, я так понял, что он поехал сдаваться. Давай просто подождем. Я почти поверил сейчас, что он тебя не взрывал. Без него трудно разобраться. Баба у него кремень.

Мы вошли.

Я собралась и выслушала отчет.

В разных местах сгоревшего дома Павловой обнаружили следы горючей жидкости. Найдены кусочки промасленной ткани, предположительно от факела. Версия поджога единственная.

— И еще такой вопрос. Павлова не выразила желания забрать и похоронить тело дочери. На всякий случай я попросил Земцова, чтобы он запретил ей выдавать, если материнские чувства стукнут в башку. Нет надежды на вменяемое решение. Что скажешь?

— Помоги, Сережа. Я похороню Катю. Найди людей. Закажи памятник мраморный, овальный, белый, чистый, на нем — «Катя Павлова» и все. И венок из белых роз: «От Иты и Тани». Сейчас дам деньги, с ритуальщиками нужно расплачиваться наличными. То, что есть на первое время, потом у папы возьму.

Я открыла ящик стола, где раньше лежали двадцать пять тысяч, — денег не было.

— Сережа, денег нет! Они точно были.

— Быстро проверь все остальное.

Я не обнаружила двух пар сережек с бриллиантами, нескольких колец и цепочек в шкатулке для украшений. Она приехала со мной сюда из старой квартиры. Никакой особой ценности.

Документы были на месте.

Но пакет с завещанием лежал во втором ящике стола, а я его положила в третий. И бумаги были сложены так небрежно, как никогда не обращалась с документами я.

— Сережа, это вынимали. Вроде все на месте, но что-то с этим делали.

— Так, спокойно, — принял на себя командование Сережа. — Кто-то здесь побывал, пока ты была на пожаре. Кто-то, кто мог открыть дверь ключом. Которого, я так понимаю, кроме тебя и твоего отца, ни у кого не было, да?

— Да.

— Но два комплекта — это вероятность любого количества копий. Так что спокойно ищем. И это не твоя забота, Марго. А с похоронами я все сделаю. Экономить не буду. Запишешь в счет наследства. Мне не к спеху.

Через два часа ко мне подъехал эксперт Масленников. Они с Сергеем обыскали квартиру, как две ищейки, искали отпечатки, хоть какие-то улики. Отпечатки везде только мои, Андрея и Сергея. А вот шкатулка выдала один сюрприз.

Это старинный кованый маленький сундучок — подарок папы. На крышке — большая роза из черненого серебра тонкой, искусной работы, с листьями и шипами. За одну такую колючку и зацепилась маленькая нитка черного цвета. Под лупой видно, что она ворсистая. Такие волокна бывают от велюра или мохера. У меня ничего подобного нет, но мы все тщательно проверили.

— Что ж, — оптимистично подытожил Масленников. — Мы поработали результативно. На редкость нелепое ограбление, вам не кажется?

— Я бы сказал, демонстративное, показушное ограбление, — сказал Сергей. — Поймем суть — узнаем многое. И наоборот.

Глава 3
ОТ ПРОШЛОГО К ПРОШЛОМУ

Мы похоронили девочку рядом с моими близкими печально, тихо, почти семьей. Были мы с папой, Сережа и адвокат Андрей.

Я очень удивилась, когда он приехал.

Не в его духе такие мелодраматические, на трезвый и циничный взгляд, мероприятия. У него именно такой взгляд. Но он сумел дать понять, что воспринимает все очень серьезно.

Мамашка Кати как единственная родственница на время недееспособности бабушки — приемной матери соизволила дать мне письменное разрешение забрать и похоронить тело.

У Надьки было одно условие: ни в коем случае не кремировать. Изобразила из себя духовно-верующую.

Памятник был готов, нам его показали в загончике художников.

Такой, как я хотела: легкий и прелестный. А над холмиком с деревянным крестом я сказала только:

— Пока, девочка. Там тепло и не больно.

Дома мы с папой сидели, как гости, а Сергей с Андреем накрыли стол. Перед этим Сергей принял корзину из нормального ресторана. Поставил три бутылки водки. Позвал:

— Прошу к столу. Помянем рабу божию, как говорится.

Я сначала глотнула водки, а потом сказала:

— Мне все хочется перед вами объясниться. Может, извиниться. Зачем вам все это? Вы просто со мной. Без вопросов. А я... Я думаю о том, что девочка, которая успела пожить минуты в моих руках и под открытым небом, — она должна была принадлежать только будущему. А сегодня стала прошлым. И это мое прошлое. Я проводила ее к Тане. И теперь она — мое настоящее и будущее. Что-то я обязана донести за нее. За них обеих. Стану поливать тот клочок земли слезами, корить себя за то, что не спасла. Буду называть Катей — сестрой Тани. И главное. Я отказалась от экспертизы на отцовство. Потому что это никому не нужно. Кто бы ни родил мою Катю, от кого, — это к нам не имеет отношения. Ангелы вне сомнений.

Красивые мужики пили молча со мной вокруг стола.

Хорошо простились. Никому не под силу отменить мучения младенца, которому одна полоумная тварь подписала приговор — отказ.

Мы еще посидели, а к вечеру позвонила Павлова.

Вы не поверите, но она спросила, хорошо ли все прошло.

— Нормально, — ответила я. — У тебя все?

— Нет, Маргарита. У меня очень большая к вам просьба. Да, чуть не забыла, спасибо вам за все. Не знаю, как отблагодарить. Просто как сестра ты теперь мне.

— Можно без этого? Я тебе не сестра точно. Ты это как следует усвой. Что за просьба?

— Маму выписывают. А дома-то у нее теперь нет. Я к тому, что у вас, кроме квартиры в Москве, есть дом за городом. Нам бы ненадолго, пока я окрепну, найду ей что-нибудь подходящее. Ты же понимаешь, я не могу ее пустить к себе. У меня депрессия, работа, а у нее вредные привычки.

— Слушай внимательно, Павлова. И попробуй только перепутать порядок того, что тебе нужно сделать. Звонишь в больницу, сообщаешь им адрес, по которому нужно отправить Валентину. Это твой адрес, твою мать! Спрашиваешь у них, в какое время удобно, и заказываешь на это время такси. От больницы до твоего дома. Объясняешь ей, как набрать твою квартиру по домофону, если она у тебя никогда не была. Дальше кормишь, поишь, даешь на ночь таблетку и укладываешь на тот диван, который у тебя стоит в гостиной. Когда она оклемается, будет ходить в магазин. Ты же у нас неходячая. И каждую секунду помнишь, что у меня все схвачено. И участковый будет к тебе приходить два раза в сутки — проверять, в порядке ли Валентина Петрова и не написала ли

ты отказ от матери. Просто делай так! Как бы мне ни хотелось отвернуть твою гнилую башку за ребенка, которого мы только что похоронили. Шаг в сторону — выйдешь в наручниках.

— Про наручники тебе виднее, — процедила эта гнида. — Ладно. Присылай участковых. Стукачка.

Я выпила полный стакан водки, потом посмотрела на своих гостей.

— Мы все поняли, — успокоил Сергей. — Все будет, как ты ей обещала.

А поздно вечером на телефон Кольцова позвонил Земцов.

Сергей долго, внимательно слушал. Сказал: «С утра у тебя». Разъединился и сообщил нам:

— Игорь Сергеев написал признание в заговоре против Маргариты Соколовской с целью грабежа. Назвал всех сообщников, адреса, явки, даты. Категорически отрицает свою вину в убийстве мужа и дочери Маргариты, какое-либо соучастие в этом. То же самое — по поводу покушения на Виктора Николаевича... И не просто отрицает вину за соучастие в подготовке взрыва машины, но предлагает любую помощь в поиске заказчика. А теперь, внимание! Он не исключает, что этим заказчиком по всем эпизодам могла быть его супруга, Эльвира Сергеева.

— Что же будет? — потрясенно спросил папа.

— Сергеев завтра по суду будет отправлен под домашний арест. Дальше — мы долго и нудно проверяем все, сказанное им. Когда пойдут доказательства, он будет заключен под стражу. Но я, к примеру, допускаю элементы самооговора с целью ускорить расследование. Причину я на днях увидел на пороге этой квартиры. Он на самом деле любит Маргариту. Что, возможно, и пустило заговор под откос. Но остается огромное количество открытых вопросов. Мелкая кража во время пожара — один из таких вопросов.

— А у меня, Сережа, совсем крошечный вопрос, — тихо сказала я. — Заговор с целью грабежа. Что же он планировал сделать со мной, если отрицает замысел убийства? Как иначе можно получить то, что принадлежит только мне? Да, есть еще вариант, который предположил Андрей, — я калека, прикованная к инвалидному креслу, а он при мне любящий муж-опекун. То есть убийство длительное и с особой жестокостью.

— Марго, я примерно об этом и сказал, заметив, что почти поверил ему. Все пошло не так, потому что в мозгу влюбленного преступника случился когнитивный диссонанс. Полная расфокусировка целей и средств. Но прямо сейчас, как человек, склонный к сочувствию и вхождению в образ страдальца, я вижу один вариант, который спас бы и мою любовь, и живую красавицу жену, и общие отныне бабки. Сбежать!!!

Скрыться от подельников, кинуть их самым циничным образом и наслаждаться счастьем на одном из купленных островов. Спасибо, наша тетя Изабелл. Я это я от имени Игоря, если бы ему что-то удалось. Но он неудачник.

— Какая-то жуткая история, — выдохнул мой папа. — Я не могу поверить. Такие приличные, известные люди.

Часть семнадцатая
НАСМЕШЛИВАЯ ПРАВДА

Глава 1
ПРОБЛЕСК СВЕТА

Признание Игоря Сергеева стало основой нового, объединенного уголовного дела о заговоре против меня с целью присвоить наследство тети Изабелл. Иск от моего имени написал адвокат Петров.

Он включал требование возобновить расследования по убийству Анатолия, гибели Тани, присоединить покушения на жизнь папы и меня.

Главный вывод этого иска — преступления не были раскрыты, потому что следствие не сумело выделить общий мотив и единый круг подозреваемых. Теперь они были.

Земцов опрашивал людей по списку Игоря, который пошел даже на очную ставку с собственной женой. Приличные люди уезжали домой под подписку о невыезде. А в Испании полиция по материалам нашего следствия задержала поставщика устриц Хорхе Кастендо, а также

мадридского «зиц-председателя Фунта», представляющего липовый благотворительный фонд, который должен был получить состояние из рук устричного продавца. После моей смерти.

Адвокат тети Иван Сердюк был арестован за продажу секретной информации по завещанию и за участие в заговоре против законной наследницы.

Отец Эльвиры Сергеевой — очередное звено заговора, — начал давать показания.

От подробностей этого кошмара длиной в годы я ощущала все симптомы реального отравления, не сравнимого ни с какой концентрацией угарного газа.

Сергей был страшно озабочен.

— Такая засада, — говорил он. — Они все признают заговор, и ни одного признания. Нет ни одной прямой наводки на исполнителей. На вопросы, как конкретно собирались убирать наследницу и ее родственников, — все отвечают, что это было не в их компетенции. Типа у каждого свой участок плана, и у всех этот участок, получается, информационный. После признания Игоря они не откровенно валят на него, но дипломатически на это намекают. Он теперь — отрезанный ломоть, предатель. А у нас с уликами — полный облом. По старым делам без признаний просто никак.

Тем временем состоялся суд над мошенниками и палачами из фонда «Добро», среди подсудимых была и Сотникова — основная наводчица.

Следствие по моему делу пришло к выводу, что ее привлекли исключительно для особой, психологической информации о том, что происходило внутри нашей семьи. Получается, что наши проблемы были использованы. И на эту тему ложились признания Павловой о том, что Миронова могли вывести с его ревностью в нужный момент в нужное место.

Поиски его убийцы продолжались.

Как и убийцы Семена Коврова.

Тем временем наступила весна.

Я как-то вышла на улицу, постояла у края лужи, самой младшей сестры океана. Подняла голову к нежно сереющему небу, которое разрисовали откровенные синие узоры. Поймала ласковый и настойчивый лучик солнца. И подумала: а ведь все рано или поздно закончится. Даже охота на меня. Все смоет талой водой — остроту моих горестей, лишних людей и тоску по утраченным иллюзиям.

Не знаю, был ли Игорь моей иллюзией. Нет, наверное.

Я без оговорок дала ему возможность стать частью моей жизни.

Я сделала это сознательно, никаких условий: ни быть честным, ни быть гуманным, даже «не убий» я в мыслях ему не говорила, когда просто ответила на зов его тела.

Это так много, то, что связало нас вопреки здравому смыслу и планам заговора, — что может не утонуть, выплыть из самых бурных волн. Маленький бумажный кораблик любви.

Мы никогда не вернемся друг к другу, но у нашего кораблика свой путь.

Боже, я хочу отдохнуть.

Мне нечем любить, мне никого нельзя жалеть. Но я точно знаю: стоит совсем расслабиться, меня настигнет жалость к Игорю. Можно захлопнуть перед кем-то сердце, душу и дверь. Но нельзя приказать своему телу забыть горячую безмятежность блаженства.

Я собиралась прожить до конца тот день тихо, мирно, ничего не узнавая. Но не для того я наняла своего частного сыщика.

— Марго, ты дома? Буду через пятнадцать минут. У нас такое... Эврика, короче.

Сережа влетел, выпил стакан воды из-под крана и потащил меня к столу в гостиной. Включил верхний свет, все торшеры, бра и настольные лампы в комнате. Разложил большие снимки.

— Смотри внимательно, Марго. Это все увеличено черт знает в какой степени. Вот. Фрагмент лица человека в черной куртке, который представился секретарем Эльвиры Сергеевой на встрече с работником автосервиса. Видишь, красными кружочками обведены

скула, тут — глаз, вот — бровь, вот — кусочек подбородка.

— Ну, вижу.

— А теперь вот. Тоже красные кружочки, те же фрагменты лица. Видишь?

— Да. Тот же человек, но с другой камеры.

— С другой камеры, в другом месте, в другое время. Это человек, который стоял у лифта в одно время с Семеном Ковровым за двадцать минут до убийства Бориса Миронова. Эксперты подтвердили: это одно лицо!

Глава 2
КТО БЕЖИТ НА ЛОВЦА

Утром ко мне приехал Андрей. Он работал над своими доводами, вытекающими из материалов всех дел, готовился отбивать атаки защиты ответчиков. Искал общую логику всех преступлений. Не дублировал, конечно, обвинителя, а строил свою линию разоблачения человеческого цинизма, который не мог не привести к чудовищным последствиям.

Даже если люди в погоне за своей добычей сами не пачкали руки в крови, только закрывали глаза на то, что это происходит, принимали как должное, — они виновны.

Как минимум недонесение.

— С этими фото возможного исполнителя ситуация резко меняется, — сказал он. — Понимаешь, как до этого все выглядело. Да, заговор имел место быть. Да, никто уже не отрицает. Да, наверняка включал ликвидацию законных наследников. Но если не доказана связь между убийствами, если нет железных улик, привязывающих их к участникам сговора, — то это незавершенный заговор. Раскрытый до того. В Испании посадят адвоката за продажу тайной информации, документов, продавца устриц за то, что втерся в доверие к больному человеку с преступной целью. Скажу больше: их Фунт еще не привел, но в ближайшие дни-часы этот липовый фонд привяжут к участникам заговора. Дело техники. Но у нас другое правосудие. Даже в том случае, когда оно не ангажировано, не куплено, не заказано, — оно кондово, примитивно и жестоко. «Нет тела, — нет дела» — это про него. И это не анекдот, как дело об убийстве распалось, потому что следствие не нашло голову расчлененного трупа.

— Фу-у-у-у. — Я вытерла пот со лба. — В жар бросает от масштаба того, что вроде бы ясно, но Кольцову с Земцовым в руки вряд ли когда-то попадет. А было бы интересно знать... Давай выпьем чаю. Предлагаю с мороженым. Купила сегодня в нашем магазине. Оно с грецкими орехами, земляникой и малиной. Такой устроим

праздник весны, как будто за нею наступит нормальное лето. У меня его не было почти три года. Пытаюсь вспомнить — ничего не выходит.

— В Испании увидишь возвращенное лето, — улыбнулся Андрей. — Ты там была?

— Нет. И пока совершенно не хочется.

Хорошее я придумала сочетание — горячий чай с мороженым. Сидели, говорили обо всем.

Андрей рассказал, что происходит в политике. Я заслушалась. И вдруг он спросил:

— Марго, помнишь, у нас был разговор: ты пожаловалась на свою судьбу, сказала, что все оказывается гораздо хуже, чем можно было ожидать?

— Помню.

— И что я тебе ответил, помнишь?

— Да. Рассказал о матери, потерявшей детей в пожаре, и о трехлетней девочке, которая умерла одна от голода. В том смысле, что у меня все о'кей по сравнению с ними.

— Да, все так. А теперь давай покурим на площадке? — Андрей так значительно посмотрел на меня, что у меня мелькнула догадка.

Мы вышли не просто на площадку, а на открытый балкон этажа.

— Ты никому не рассказала о том разговоре? — спросил, закурив, Андрей.

— Нет, конечно. Кому я могла и в какой связи...

— Вот и я так думаю. А через сутки, кажется, ночью кто-то поджег дом Валентины Павловой, в котором был ребенок, небезразличный тебе. И ты оказалась второй, кто об этом узнал. И все это происходит в плотной атмосфере слежки за тобой, откровенных провокаций. Крыша того дома могла рухнуть и на тебя, насколько я знаю.

— Так, допустим. Из этого вытекает...

— Что мы с тобой были вдвоем, и эту историю больше никто не слышал. Да, обычное совпадение, но не в нашей ситуации.

— Срочно звонить Сереже?

— Да. Звони отсюда и с моего телефона.

Мы вернулись в квартиру, оживленно обсуждая события светской жизни, о которых Андрей рассказывал с таким же знанием дела и юмором, как Кольцов. Только у Андрея все гораздо злее и беспощаднее. Потом мы слушали музыку.

Затем я впустила в квартиру бригаду оперативников, за ними шли Сергей и Земцов. Они бесшумно обшмонали всю мою квартиру, каждый сантиметр, все мои вещи, посуду на кухне. Проверили розетки и выключатели.

И, наконец, Сережа положил мне в ладонь две металлические таблетки.

И листок бумаги, на котором было написано: «Это микрофоны. Один был в корпусе твоего мобильника,

другой в браслете наручных часов. Тебя слушают постоянно, даже когда телефон выключен».

— Мы поедем, — зевнув, сказал вслух Сережа. — В квартире чисто. Хорошая вещь — чай с мороженым. Вернусь с докладом. Пока, до связи. Желаю приятного вечера.

Мы его правильно поняли.

Андрей расположился в кресле, явно собираясь составлять мне компанию до какого-то отбоя или результата.

Я занялась уборкой, расставляя все сдвинутые с места вещи. Затем готовила ужин. Поставила варить борщ на завтра, когда сердце уже совсем рвалось из груди от нетерпения.

Вошла в комнату и написала на бумаге: «Их куда-то выведут эти микрофоны?»

— Без сомнения, — ответил Андрей. — Без всякого сомнения, ты отличная хозяйка. У меня закружилась голова от запахов на кухне. И ты такая неожиданно милая и домашняя в этом передничке. Сказать честно? Меня с самого начала отпугивал колючий и холодный отблеск недостижимой красоты и высокомерия Маргариты, какой-то там по счету. Я почувствовал твое настоящее человеческое тепло лишь тогда, когда мы освобождали тебя от горелых тряпок на кровати. И сегодня, с этим мороженым.

— Это они, — вздрогнула я и побежала открывать дверь на звонок.

Сергей приехал с Васей.

Он долго тянул интригу, испытывая наше терпение. Затем разложил на столе большие снимки, другие, не те с камер.

— Компьютерная графика нам в помощь.

На первом снимке была голова человека, лицо которого закутано шарфом, на лоб надвинут капюшон. Отчетливо видны скулы, глаза, под шарфом кусочек подбородка и шеи. На каждом последующем капюшон и шарф понемногу сдвигались, сдвигались... Долго сдвигались. И наконец, мы увидели открытое лицо. Это было лицо Павловой.

— Это точно, — сказал Сережа. — Можете говорить вслух. Микрофоны привели к компу, удаленно привязанному к ее ноутбуку. Это Рашид, их дворник, уже засветился в узком кругу как очень продвинутый хакер. Птичка в клетке, с чем я всех нас и поздравляю.

Глава 3
ОДИН ПОСТУПОК

Тот момент, когда ты понимаешь, как умеет издеваться, насмехаться судьба.

Какие-то часы назад я могла, пошутим так, гордить-

ся качеством практически международной мафии, которая создана только для того, чтобы убить и ограбить меня. Приличные, в том числе высокопоставленные люди, при них профессиональные информаторы, разведка, слежка. Юридические документы, фонд. И даже брак основных участников был на кону и принесен в жертву...

А главным интриганом, закулисным манипулятором, самым вероятным убийцей оказался кусок дерьма. Дешевая комедиантка, хроническая симулянтка и выжившая из ума от злобы и зависти психопатка.

Павлова со школы по ночам занималась в закрытом ночном тренажерном зале. Силовые упражнения, которые далеко не всем мужчинам по плечу. Она отличный стрелок с наградами. И под несколькими никами почти известный программист, пол которого никому не был известен. А потом еще познакомилась с дворником-таджиком, одним из тех, от природы талантливых айтишников, мозг которых улавливает цифровую информацию лучше и быстрее любой другой. Я сама таких знаю. Они все приезжают в Россию с разрешением работать дворниками, и только. Их ждет с распростертыми объятиями диаспора. А дальше — пару часов помашут лопатой во дворе, а остальные сутки работают по самым тонким заказам — вывести деньги, взломать базу данных любого ведомства, убрать оттуда какой-то документ или, на-

оборот, что-то внести. Именно такой человек и был необходим Павловой. С помощью Рашида не только я была у нее под наблюдением, но весь этот культурный заговор.

За нашей семьей она начала следить с тех самых пор, как ее бросил Борис Миронов. Потом ловушка для Анатолия. Познакомившись с Сотниковой, она многое узнала о наших внутренних проблемах. То ли подпоила Тому, то ли подкупила ее, но та рассказала, что ее прислали в колледж серьезные люди — добывать информацию о нас. Назвала Эльвиру Сергееву и фонд Игоря. И Павлова повела свою игру.

Эльвира опознала ее на очной ставке и дала показания о том, что эта женщина сама нашла ее, чтобы, тоскуя и скорбя, рассказать, какой я тяжелый, жестокий человек, способный на любые преступления. Она просто переживает за моих мужа и дочку, потому ищет поддержки.

Вот, случайно узнала, что влиятельные люди тоже в какой-то связи заинтересовались нашей семьей. Дальше для продвинутого айтишника все было проще пареной репы.

Павлова взломала почту, узнала связи Эльвиры и агентства ее мужа.

Секрет завещания тогда еще живой тети Изабелл — на ладони.

Дальше — сотрудничество и личная, интимная информация, какой не могло быть ни у кого другого, кроме «подруги» семьи...

Еще дальше почти приятельские доверительные отношения.

Сергеева сказала, что Павлова взяла на себя труд просто усугубить наши проблемы, довести до роковых последствий.

Пусть следствие разбирается, валяют ли они сейчас все дурака, когда говорят, что поверили, будто несчастья с моими близкими происходили сами собой, из-за того, что одна сволочь и комедиантка нажимала на нужные струны, посылала к нам нужных людей.

Я, увидев эту рожу под черным капюшоном, с первых секунд поняла, что убивала именно она.

Что со мной происходило, когда разгадка ослепила, оглушила и издевательски скалилась мне в лицо.

Я не могла отбиться от одной мысли, выпутаться из стальных, беспощадных пут одного желания.

Мне казалось, все мое существование, мои странствия и муки, мои чувства и убитая любовь — все это только сейчас может найти свое оправдание.

Я видела единственный смысл. И скромно просила Земцова дать мне свидание с Павловой.

Я все продумала так, как никому не снилось. Никто бы не успел мне помешать. Но все точно бы знали, что

правосудие свершилось. Настоящее правосудие, а не их, липовое, дряблое, ни на что не способное.

Земцов в принципе согласился, была надежда многое прояснить.

За мной приехал Сережа, а потом вдруг ворвался адвокат Петров, который узнал об этой встрече не от меня, а в отделе, что для него все и прояснило. Умею же я выбирать людей.

Он влетел в квартиру, обратился только к Кольцову:

— Сережа, ты чем думаешь? Ты не понял, зачем она хочет видеть Павлову?

А потом он просто набросился и обыскал меня, как на зоне. Нашел под манжетой свитера крошечную заточку — точный удар в висок, и все, дело сделано.

Я кричала и кусалась. Они влили мне водку в рот.

Сергей сказал:

— Мы просто шли тебе навстречу. Поверили, как идиоты. Никому не нужны твои уточнения. У нас все в порядке. Улики прямые, всему находим подтверждения в ее же компе и записях. Дворник, он же хакер и подельник Рашид, с удовольствием ее сдает. И, главное, она уже упоенно дает чистосердечные признания. Как же тебе не стыдно: не только свою жизнь, но и нашу работу под откос. Нашу тебе преданность, не побоюсь этого слова.

— Брось, — ответила я. — Любой человек имеет право на один главный поступок.

— Заточка в манжете? — гневно и презрительно произнес Андрей. — Это поступок? За это закончить в очередном бараке все — свои чувства, надежды, любовь к мороженому. Обязанность заботиться об отце. Поливать могилы слезами, как ты подписывалась. Свою память, человеческую полноценность. Ради чего? Ради того, чтобы вселенская грязь уменьшилась на один, никому не видимый комок?

— Да, — наконец, расплакалась я. — Да, вот так просто. Хотелось. Будем считать, что прошло.

Пройдет немного времени, и я осознаю, что стала обладательницей нового опыта.

Друг — это тот, кто в решающий момент даст тебе по морде и вытащит заточку из твоего рукава. Орудие, которое ты хотела вонзить в ничтожного врага, а попала бы в собственное сердце. И в сердца любящих тебя людей.

Мертвое сердце не болит и не плачет, значит, оно предает все, что было дорого.

Тем временем материалы, показания свидетелей, улики, сохраненные точной техникой, полились таким сплошным потоком, что мы все только диву давались: как никому не пришло в голову, у кого есть постоянная возможность совершать преступления, кто всегда был где-то рядом, со всеми в знакомстве, по любому поводу в курсе.

Да, эта бледная спирохета, плоская, унылая и почти невидимая для всех, — была и киллером в черном, и доброй подружкой под выпивку.

У нее нашли яды и сильные наркотики, горючие смеси, взрывчатки, добытые в «подполье» интернета. Записи разговоров, информация о моих передвижениях и местонахождениях.

И да, был главный мотив.

Она сказала мне правду: Катя была дочерью Анатолия.

Следствию даже не понадобится эксгумация, чтобы это подтвердить, потому что Павлова хранила в холодильнике в герметичной упаковке ДНК моего мужа для доказательства отцовства. Нет никаких проблем сейчас сопоставить это ДНК с теми анализами, которые успели взять у Кати в больнице. Но меня это уже не интересует. Сомнения покинули меня в том пожаре. Катя — сестра Тани, пусть и не по рождению.

Вот почему и отказ от кремации, а не в связи с ее набожностью. Она подожгла дом с родной дочерью и матерью и позвонила мне оттуда.

Звонок этот отследили с помощью ее же Рашида.

Мы, видимо, разминулись с ней.

Я помчалась на пожар, а она открыла мою квартиру ключом, слепок которого сделала во время покушения на папу, нашла и отправила фото всех листков

завещания своему консультанту, для виду имитировала ограбление.

Этот теневой юрист по очень деликатным вопросам дал показания, что в его задачу входило доказать, исходя из завещания.

Анатолий был указан в завещании как наследник второй очереди. Катя — его дочь и сестра моей дочери, Надежда — ее мать.

И это было бы возможно. Это и будет возможно, когда серийную маньячку выпустят из клетки, потому что она обманет даже тех, кого обмануть невозможно, как меня, к примеру. И предстанет всеми оболганной и преданной «узницей совести». Была бы лгунья и манипуляторша, — амнистия найдется. Но я к встрече буду готова всегда. Она у меня ни минуты не пробудет без внимания — ни в бараке, ни на свободе. Ничего криминального, разумеется, просто самосохранение. Но сеанс просвещения и воспитания не исключен.

Глава 4
ВСЕ НИТКИ В ОДНОМ УЗОРЕ

Все ниточки Сережи и те, которые зацепились за шипы розы на моей шкатулке, все следы под окном дома папы, ядовитая слюна Павловой на каждой выброшенной жвачке рядом с местом преступления, по-

казания санитарок больниц, выпускавших ее за деньги, и, главное, бесконечное кино о нас и о ней, которое писал с разных «жучков» неутомимый хакер Рашид, — все становилось многими томами уголовного дела серийного убийцы.

Читать все это — утонуть в болоте, убить последние мозговые клетки.

Я очень быстро от этого отключилась.

Скажу коротко.

Миронов не убивал моего мужа.

Это Павлова открыла дверь своим ключом, сделанным с ключа Тани, который взяла у нее из кармана в раздевалке колледжа. Она убила Толю, чем-то запугала Таню.

Она же распустила плотно облепившие меня слухи о том, что это Таня убила отчима из-за сексуального насилия.

У меня не осталось выхода — только взять вину на себя. А когда Таня осталась без меня, добрая Надя Павлова вызвала ее из дома, чтобы по секрету от всех рассказать, как спасти меня.

Она вывезла Таню за город и толкнула ее под колеса большегруза.

За оперативную информацию о наших несчастьях Эльвира сразу переводила круглые суммы на ее счет.

Потом настал черед Миронова, который вспомнил, что видел ее в тот вечер выходящей из нашего дома.

На всякий случай она придумала версию с окровавленным полотенцем и записала в свое ежедневник, чтобы не забыть: «полотенце».

Бориса убивать ей помогал Ковров, чем подписал и себе смертный приговор.

А ключи от машины мужа Эльвира ей вручила собственноручно. Говорит, что не знала точно, зачем.

Павлова ей передавала записи наших встреч с Игорем. Эльвира говорит, что ей это было нужно для развода и раздела имущества. Но, думаю, дело просто в бабской ревности и больном любопытстве. И была Павлова в тот день рядом с нами. Слушала наши планы, а когда узнала, куда мы едем, включила таймер взрывчатки.

Полагаю, она была в толпе зрителей, наслаждалась своей работой.

— Павлова активно сотрудничает со следствием, — сказал мне Андрей. — Она продолжает все списывать на свою нестабильную психику, есть ведь и реальные заключения врачей стационаров. Я изумляюсь, к слову сказать, такой квалификацией. Она им даже не платила, просто дурила всех. Она напирает на то, что участники заговора давили на нее, требовали решений и действий. Говорит даже, что они ей угрожали. При том что все понимают, какая она лгунья и нимфоманка, на суде это может сработать. Понимаешь, они все такие сытые, благополучные. И Павлова в роли неви-

димки, всеми использованной, растоптанной и восставшей жертвы. Может сработать дурной и примитивный человеческий фактор. Я к чему это говорю. Чтобы ты не рассчитывала ни на пожизненный, ни даже на очень большой срок для нее. Боюсь твоих разочарований.

— Ты шутишь? — ответила я. — Я тогда все тебе сказала о единственном правосудии, которому я доверяю. Это мое правосудие. Но ты меня убедил, и я перешла к плану Б. Я буду жить назло всем тварям на свете. Я научусь получать удовольствие от этого и даже радоваться. И всегда буду готова посмотреть в глаза каждому, кто мне не покажется честным. Я готова дать отпор и бороться, если придется. Есть за что. Опять же замок в Испании. Он может мне понравиться. А в том, что Павлова быстро выйдет, я почти не сомневаюсь. Она там будет как рыба в воде. Но знаешь, что я тебе скажу: у нее сейчас на очереди для разборок не я. А вся эта свора культурного заговора. Они сдают и поливают ее почем зря. Вряд ли кто-то из них сядет. Даже если дадут для виду, потом заменят на условные сроки. Как ты думаешь?

— Боюсь, ты права.

— Не думай, что я буду огорчена. Они свое уже получили. Такой позор на благородные головы. Голимый криминал. Весь интернет украшен их рожами. От них родня и друзья будут шарахаться. О репутации смешно говорить. И пройдут десятилетия, а все это сохранит

добрый дядя «Гугл». Но все же они когда-то успокоятся, расслабятся, — вот тогда и выйдет на свою тропу черный мститель Павлова.

— Красивая перспектива, — улыбнулся Андрей. — У меня к тебе предложение. Не нужно тебе являться на суд. Сошлемся на тяжелое душевное состояние, связанное с тяжелыми разоблачениями смерти близких. С необходимостью безотлагательно заняться делами наследства. Все брошено без присмотра. А я сам доведу твою партию. Выжму все, что смогу. Ты мне доверяешь?

— Да, — серьезно ответила я. — С открытыми глазами и слепо я доверяю тебе говорить все то, что ты понял и прочитал без моих слов. У тебя отлично получается. Я тоже поняла это тогда, когда ты стягивал с меня обгоревшие тряпки и смывал копоть и слезы. Я даже не хочу знать, кто и сколько получит. Мы сделали это, и это самое главное.

ЭПИЛОГ

Так я сказала своему адвокату.

Так же страстно и задушевно благодарила я лучшего частного детектива Кольцова. Это было искренне. Но торжества, конечно, не было и в помине. Мягко говоря. Только сознание добротно выполненной работы.

Со мной была моя печаль. Она стала тяжелее еще от одной потери.

Игорь Сергеев перед тем, как за ним должны были приехать, чтобы везти в СИЗО, попытался покончить с собой. Способ выбрал тяжелый, страшный, требующий большой выдержки и практики. Он пытался перерезать себе горло. Большая потеря крови, говорят, пострадали голосовые связки. Он останется изуродованным.

И только я знаю, что он сделал это не из-за трусости, а от стыда и отчаяния. От горя.

Я приехала к стационару, где он лежал, и передала записку: «Я верю тебе. Живи». И все. Нет больше этой иллюзии любви.

Пока, люди. Собираюсь на самом деле съездить в Испанию. Стану там владелицей замка. Не забуду о фонде счастливых кроликов, как обещала.

Есть еще мысль о ежегодных премиях для одаренных больных детей разных стран. А потом вернусь домой.

Я обещала Костика — Буратино — вывести в люди, вложить в него разумное, доброе и вечное. И, возможно, не только в него.

Да, если вам интересно, одна ли я сплю сейчас по ночам, — то далеко не всегда. То ли я в какой-то степени душечка, то ли просто везет, но такого мужчину, как адвокат Андрей Петров, я бы выбрала в любой толпе и на необитаемом острове. И если Игорь был похож на самых правильных и нормальных мужчин, то Андрей — наоборот. Он не такой, как все. Он злится, когда нормальные радуются. Он не верит тому, что другие мило прохлопали бы ушами. Его страсть сродни его ярости. И мы никогда не поженимся. Ему влом жениться на богатой наследнице, мне не нужен потенциальный осчастливленный вдовец.

Впрочем, он на днях, глядя на портрет прабабки Маргариты в доме папы, сказал задумчиво: «Красивые у тебя должны быть дети».

К чему это было, разберемся.

Может, когда-то соберусь, напишу и о том, каково стать миллионершей после рабочего барака. Так что далеко не расходитесь.

ВАША МАРГО

Оглавление

Часть четвертая
ТЕРРИТОРИЯ СВОБОДЫ

Часть пятая
В СУМРАЧНОМ ЛЕСУ

Часть шестая
ОХОТНИКИ ИЛИ ЖЕРТВЫ

Часть седьмая
НАШЕСТВИЕ ОТКРЫТИЙ

Часть восьмая
СЛЕДЫ

Часть девятая
ТАКАЯ ЗАПУТАННАЯ НИТЬ

Часть десятая
ЛИКИ ТАЙНЫ

Часть одиннадцатая
НИЩЕТА И БОГАТСТВО

Часть двенадцатая
ЗВОНЯТ КОЛОКОЛА

Часть тринадцатая
КРУТЫЕ ПОВОРОТЫ

Литературно-художественное издание

ДЕТЕКТИВ-СОБЫТИЕ

Михайлова Евгения

СТРУНЫ ЧЕРНОЙ ДУШИ

Руководитель группы *И. Архарова*
Ответственный редактор *А. Антонова*
Младший редактор *В. Лосева*
Художественный редактор *А. Аверьянов*
Технический редактор *Г. Этманова*
Компьютерная верстка *Г. Балашова*
Корректор *Е. Савинова*

ООО «Издательство «Эксмо»
123308, Россия, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел.: 8 (495) 411-68-86.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru
Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел.: 8 (495) 411-68-86.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.
Тауар белгісі: «Эксмо»
Интернет-магазин : www.book24.ru

Интернет-магазин : www.book24.kz
Интернет-дүкен : www.book24.kz
Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».
Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.
Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию,
в Республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды
қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС,
Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 251-59-90/91/92, E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Эксмо»
www.eksmo.ru/certification
Өндірген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 19.08.2019. Формат 70x108 1/32.
Гарнитура Helios. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,0 .
Тираж 12 000 экз. Заказ 8506.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Москва. ООО «Торговый Дом «Эксмо»
Адрес: 123308, г. Москва, ул. Зорге, д.1.
Телефон: +7 (495) 411-50-74. **E-mail:** reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: **international@eksmo-sale.ru**

International Sales: International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.: +7 (495) 411-68-59, доб. 2261.
E-mail: **ivanova.ey@eksmo.ru**

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт: **www.kanc-eksmo.ru**

Филиал «Торгового Дома «Эксмо» в Нижнем Новгороде
Адрес: 603094, г. Нижний Новгород, улица Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза»
Телефон: +7 (831) 216-15-91 (92, 93, 94). **E-mail:** reception@eksmonn.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Санкт-Петербурге
Адрес: 192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, д. 84, лит. «Е»
Телефон: +7 (812) 365-46-03 / 04. **E-mail:** server@szko.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Екатеринбурге
Адрес: 620024, г. Екатеринбург, ул. Новинская, д. 2щ
Телефон: +7 (343) 272-72-01 (02/03/04/05/06/08)

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Самаре
Адрес: 443052, г. Самара, пр-т Кирова, д. 75/1, лит. «Е»
Телефон: +7 (846) 207-55-50. **E-mail:** RDC-samara@mail.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростове-на-Дону
Адрес: 344023, г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, 44А
Телефон: +7(863) 303-62-10. **E-mail:** info@rnd.eksmo.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Новосибирске
Адрес: 630015, г. Новосибирск, Комбинатский пер., д. 3
Телефон: +7(383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

Обособленное подразделение в г. Хабаровске
Фактический адрес: 680000, г. Хабаровск, ул. Фрунзе, 22, оф. 703
Почтовый адрес: 680020, г. Хабаровск, А/Я 1006
Телефон: (4212) 910-120, 910-211. **E-mail:** eksmo-khv@mail.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Тюмени
Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Тюмени
Адрес: 625022, г. Тюмень, ул. Пермякова, 1а, 2 этаж. ТЦ «Перестрой-ка»
Ежедневно с 9.00 до 20.00. Телефон: 8 (3452) 21-53-96

Республика Беларусь: ООО «ЭКСМО АСТ Си энд Си»
Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Минске
Адрес: 220014, Республика Беларусь, г. Минск, проспект Жукова, 44, пом. 1-17, ТЦ «Outleto»
Телефон: +375 17 251-40-23; +375 44 581-81-92
Режим работы: с 10.00 до 22.00. **E-mail:** exmoast@yandex.by

Казахстан: «РДЦ Алматы»
Адрес: 050039, г. Алматы, ул. Домбровского, 3А
Телефон: +7 (727) 251-58-12, 251-59-90 (91,92,99). E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Украина: ООО «Форс Украина»
Адрес: 04073, г. Киев, ул. Вербовая, 17а
Телефон: +38 (044) 290-99-44, (067) 536-33-22. **E-mail:** sales@forsukraine.com

Полный ассортимент продукции ООО «Издательство «Эксмо» можно приобрести в книжных магазинах «Читай-город» и заказать в интернет-магазине: www.chitai-gorod.ru.
Телефон единой справочной службы: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.book24.ru
Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: **imarket@eksmo-sale.ru**

ISBN 978-5-04-106370-2

9 785041 063702 >

детектив – событие

Евгения Михайлова

Маргарита не думала, что из скучающей домохозяйки превратится в угрюмую униженную зэчку. Ей предстояло отбывать годы в колонии за убийство собственного мужа...

Испанская тетя Изабелл оставила многомиллионное состояние единственной родственнице из далекой России, но она не предполагала, с какими трудностями той предстоит столкнуться...

Частный детектив Сергей Кольцов не удивился странностям новой клиентки, его поразила железная воля молодой женщины и ее желание восстановить свое честное имя...

От сумы и от тюрьмы не зарекайся, у каждого в душе свой персональный ад, но иногда судьба все-таки пытается подсластить горькую ягоду...

Евгения Михайлова много лет занималась журналистскими расследованиями. Героями ее публикаций становились люди, лишившиеся доброго имени, дома, надежды. И если порой в жизни борьба за справедливость терпит поражение, в детективных романах Евгении Михайловой истина и любовь побеждают всегда, несмотря на самые тяжелые испытания!..

ISBN 978-5-04-106370-2

